

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА» МОСКВА

№ 22 май 1985

ЧЕМПИОНЫ
МИРА
НАТАЛЬЯ
БЕСТЕМЬЯНОВА
И АНДРЕЙ
БУКИН

АЛЕКСАНДР
КОРНЕЙЧУК
(К 80-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ)

ЧЕЛОВЕК
ДЕЛА:
КУЗНЕЦ
ЕВГЕНИЙ
ШУЛЯК

РОМАН
ИВАНА
СТАДНЮКА
«МОСКВА,
41-Й»

Депутат Исылкульского горсовета И. Я. Белобородова, продавец магазина.

Детский сад на 280 мест
построен по наказам из-
бирателей.

ЧТО

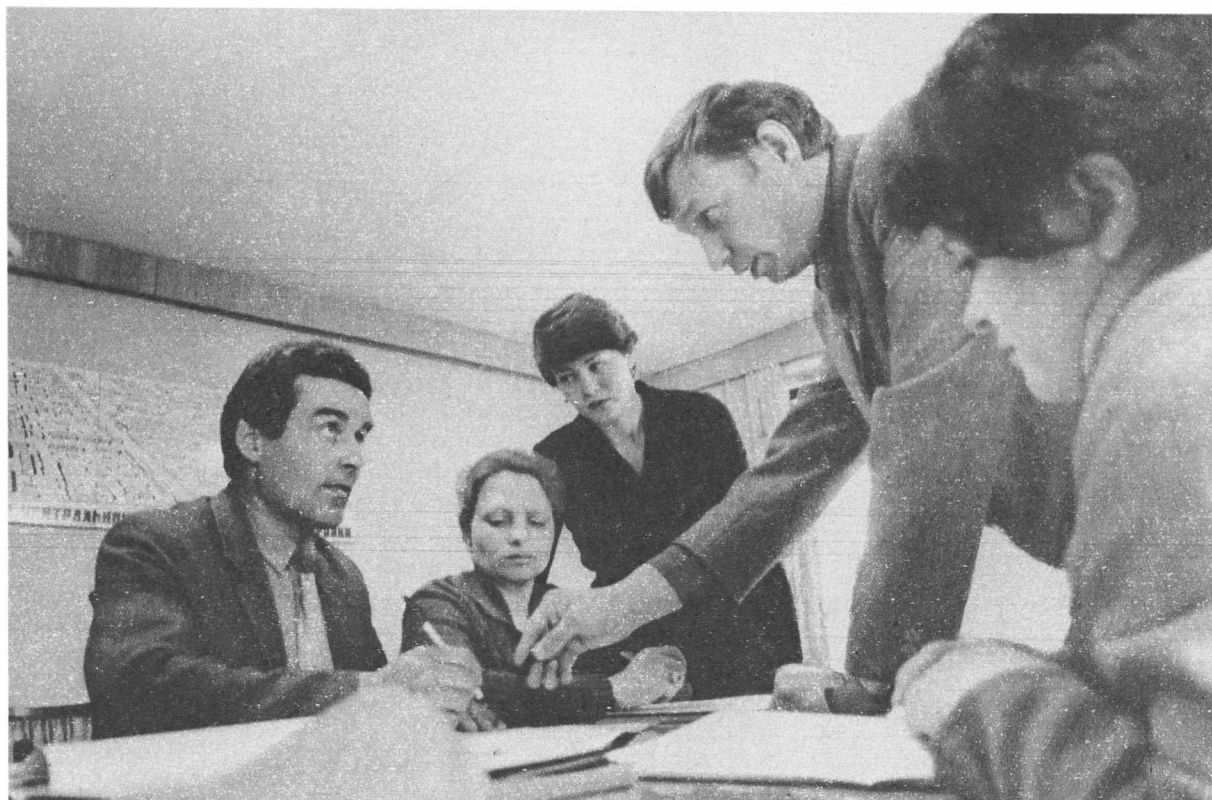
Михаил ЩУКИН,
фото Игоря Гаврилова,
специальные корреспонденты
«Огонька»

**БЫ ЖИЗНЬ
БЫЛА КРАСИВОЙ**

Заседание постоянной комиссии по благоустройству города.

80 лет назад, в ходе первой российской революции, почти два с половиной месяца продолжалась всеобщая политическая стачка иваново-вознесенских текстильщиков. Созданный здесь первый общегородской Совет рабочих депутатов (в него вошли свыше 150 человек — в подавляющем большинстве большевиков и поддерживающих их рабочих) стал настоящим хозяином в городе. И только когда силы бастующих иссякли, Совет постановил прекратить стачку.

Победа Октября навсегда утвердила Советы как форму революционной диктатуры пролетариата. Репортаж рассказывает о практике работы одного из городских Советов народных депутатов Омской области.

1918 год. Маленькая станция Исилькуль, затерянная в солончаковой степи. Транссибирская магистраль. Время тревожное. Совдепу, органу народной власти, не хватает суток, чтобы решить все вопросы. Очевидцы тех событий сохранили для нынешних исилькульцев слова первого председателя Совдепа А. М. Ломова: «В сей момент для нас важны не только хлеб и деньги, а и работа с людьми. Надо повернуть лицом к Советской власти всех, кто еще имеет сомнение. И в первую очередь — открыть школу».

Школу открыли. Да некому

учить ребятишек. Тогда председатель Совдепа послал работать учительницами своих сестер. А потом вспыхнул мятеж белочехов. Скрыться А. М. Ломову не удалось. Его схватили и расстреляли за железнодорожной линией. Чтобы уничтожить всякую память о большевике, запретили хоронить на кладбище... Но народная благодарность сильнее пуля. Стоит на месте гибели А. М. Ломова памятник. И вырос в омской степи небольшой город Исилькуль. В нем семь школ, учебно-производственный комбинат, педагогическое и профтехучилище.

Совсем иные задачи решает сейчас городской Совет народных депутатов. Но, как и прежде, главной остается «...работа с людьми». Ломовская забота.

Виктор Петрович Талалов — машинист локомотивного депо, руководитель депутатской группы. Мы встретились после его рабочей смены. На просьбу рассказать о депутатских делах Виктор Петрович развел крупными рабочими руками.

— Да разве обо всем расскажешь! Почти каждый день приходится что-то делать. Рассказать о больнице?

А с больницей была такая история. Среди писем, поступающих в горисполком, резко подскочило количество жалоб на плохое медицинское обслуживание. К письмам трудящихся в горисполкоме отношение особенно внимательное. Они, как правило, сигнал к действию. После анализа почты депутаты отправились в больницу.

Жалобы подтвердились. Руководителей медицинской службы пригласили на заседание постоянной комиссии. Строго с них спросили за упущения. А скоро появились перемены: изменились часы работы, уменьшились очереди возле кабинетов. Депутаты не только проверяют сигналы. В том же решении постоянной комиссии о работе больницы одним из пунктов было: депутатам, работающим в больнице, принять практическое участие в наведении порядка.

— Прийти и показать пальцем на недостатки, — рассуждает Виктор Петрович, — на это много ума не требуется. Надо еще и, как говорится, руки приложить. Вот тогда депутату честь и хвала.

На счету народных депутатов Исилькульского городского Совета немало и других конкретных дел.

Однажды в горисполком поступило письмо от многодетной матери. Она просила оказать помощь. Прочитав письмо, работники горисполкома задались вопросом: что это, частная просьба, или за ней стоит проблема? Собрали депутатов, обсудили письмо. И сразу же провели обследование многодетных семей. Их, имеющих по пять и более детей, в городе оказалось около пятидесяти. Составили списки. Выяснили, кто в чем нуждается. Сейчас один из магазинов раз в месяц специально для многодетных семей продает продукты повышенного спроса. В универсаме такие семьи могут сделать заказ на покупку. И так далее — целая система, которая позволила освободить многодетную мать от очередей, сэкономить ее время.

К мнению депутатов, к их замечаниям в Исилькуле всегда внимательно прислушиваются. Ведь все они люди уважаемые, известные. И на своих непосредственных рабочих местах настоящие мастера. Виктор Петрович Талалов, о котором мы уже говорили, передовик производства, на его трудовом календаре уже ноябрь!

В счет будущего, 1986 года трудятся рабочий Александр Анатольевич Арефьев и штукатур ремонтно-строительного управления Галина Александровна Балябкина. Да, такими депутатами избиратели могут гордиться. Они делают все, чтобы их родной город стал еще лучше, чтобы и жизнь в нем была красивой.

Гордость исилькульцев — культурно-спортивный комплекс. Он признан одним из лучших в Омской области. Воспитательная, культурная и спортивная работа ведется здесь по единому плану, объединяет все творческие силы, какие имеются в городе. Руководит КСК заместитель председателя горисполкома А. И. Алексеенко. За несколько лет исилькульцы смогли добиться больших успехов. Трех самостоятельным коллективам художественной самодеятельности присвоено звание народных. Детская художественная школа и народный театр стали лауреатами премии Омского комсомола. Третий год подряд город занимает первое место в области по физкультурно-массовой и спортивной работе. Достаточно сказать, что сейчас работают двести спортивных секций по двум десяткам видов спорта.

В традиционном празднике «Королева спорта» ежегодно принимает участие около тысячи физкультурников. Но участвуют не только они. Выступают и самодеятельные артисты, и ветераны войны и труда, и передовики производства. Казалось бы, обычное мероприятие здесь превращается в яркий, многолюдный, театрализованный праздник. И городской стадион, рассчитанный на пять тысяч зрителей, едва вмещает желающих! Кстати, и стадион, и помещение, где располагаются спортивные секции, построили методом народной стройки сами горожане. Застрельщиками в этом деле были народные депутаты.

Но все это уже сделано. А надо думать о том, что еще предстоит сделать. Вместе с председателем горисполкома Борисом Павловичем Герасименко, человеком беспокойным, болеющим за дело, мы проехали по многим улицам Исилькуля. Бросилось в глаза: почти все прохожие были в сапогах.

— Да, весной и осенью город в сапогах, — сказал Борис Павлович. — Исторически сложилось так. Станцию когда-то поставили возле озера, где была пресная вода для заправки паровозов. Город разросся по всей болотистой низменности. Все сточные воды к нам... А почва тут известна какая — солончи! Мы, конечно, принимаем меры, только наших сил не хватает. Поэтому у нас и проблема транспорта, и проблема жилья... Подмывает город, и надо ему помочь. Хорошо бы разместить в городе мощное предприятие, это сразу дало бы его развитию новый толчок. Но планирующие органы предпочитают размещать их в крупных городах, где не нужно заниматься строительством...

Впрочем, это уже отдельный разговор. Думается, что планирующие органы прислушаются к нуждам исилькульцев.

...А пока городской Совет и его депутаты заняты своими повседневными делами. И идут к ним люди со своими заботами и радостями. Знают, что всегда найдут понимание у своей родной власти.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 22 (3019)

25 МАЯ — 1 ИЮНЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1985

Во время встречи в Кремле.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова
(ТАСС)

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ДРУЖЕСТВЕННЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению советского руководства 21 мая в Москву с официальным дружественным визитом прибыл Премьер-Министр Индии Р. Ганди.

На аэродроме его встречали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр культуры СССР П. Н. Демичев, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, другие официальные лица.

В Кремле, на площади у Большого Кремлевского дворца, Р. Ганди встречал Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

На церемонии встречи в Кремле присутствовали Н. А. Тихонов, А. А. Громыко, П. Н. Демичев, С. Л. Соколов, И. В. Архипов, другие официальные лица.

В тот же день в Кремле состоялись переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Премьер-Министром Индии Радживом Ганди, в которых приняли участие:

с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР С. Л. Соколов, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов;

с индийской стороны — министр финансов В. П. Сингх, председатель комитета по политическому планированию МИД Индии Г. Партхасаратхи, государственный министр энергетики А. Неру, секретарь Премьер-Министра по парламентским делам А. Сингх, секретарь Премьер-Министра по парламентским делам О. Фернандес.

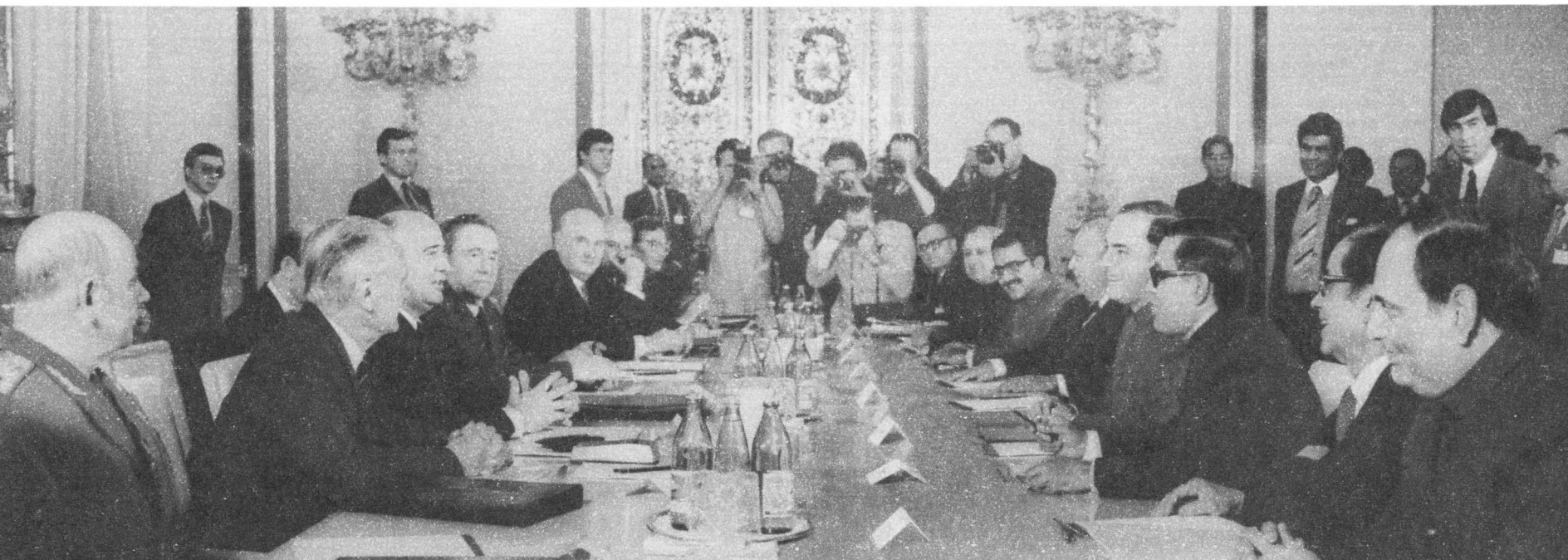
В ходе переговоров, проходивших в атмосфере дружбы и полного взаимопонимания, были обсуждены ключевые вопросы советско-индийских отношений, а также актуальные международные проблемы.

Было выражено глубокое удовлетворение высоким уровнем, эффективностью и разносторонним характером советско-индийских отношений, успешно развивающихся на прочной основе Договора о мире, дружбе и сотрудничестве между Советским Союзом и Индией. С обеих сторон было подтверждено стремление и впредь прилагать последовательные усилия, направленные на всестороннее развитие и укрепление этих отношений на благо народов двух стран и в интересах всеобщего мира.

При обсуждении положения в мире была выражена озабоченность сохраняющейся международной напряженностью, непрекращающейся гонимостью вооружений, особенно ядерных, ростом опасности ее распространения на космическое пространство. Советский Союз и Индия подчеркнули важность задачи немедленного прекращения гонимости вооружений на Земле и недопущения ее в космосе.

Во время переговоров.

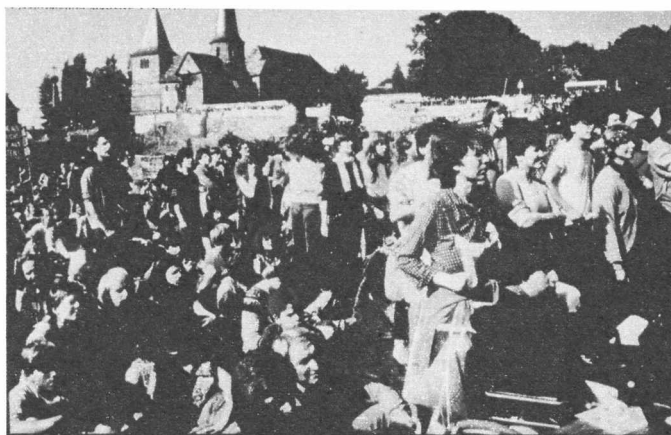
Фото А. Гостева

«...ТАЩИТЕ ОБРАТНО АТОМНУЮ СМЕРТЬ!...»

Митинг в Фульде.

Поучительное зрелище наблюдали жители западногерманского города Фульда, когда тысячи людей, заполнивших улицы и площади, многие вместе с детьми, одновременно упали на мостовую и несколько минут лежали неподвижно, как будто сраженные атомными взрывами...

Так участники массовой демонстрации против американских ядерных ракет символически показали своим согражданам, что ждет их в случае атомной войны. Офицеры и солдаты частей американской армии, размещенных в Фульде, растерянно смотрели на все это, опустив или убрав за спину увесистые дубинки, выданные им «на всякий случай».

Когда мы подъехали к площади у кафедрального собора, здесь начался многотысячный митинг протеста против раздуваемой Вашингтоном гонки ядерных вооружений, против размещения в ФРГ ракет США. Вдоль древней каменной стены протянулся огромный плакат: «Хиросима напоминает Европе и всему миру: остановите вооружения!»

Германия не подвергалась атомной бомбардировке во время войны, — сказала нам пожилая учительница, — но как можно забыть налет американо-английских эскадрилий на жилые кварталы Дрездена, когда война уже почти закончилась. Именно поэтому можно себе представить, что произойдет в случае ядерного конфликта.

Среди демонстрантов на главной улице Фульды обращала на себя внимание аллегорическая фигура дяди Сэма в полосатых брюках. Характерный профиль маски все узнавали сразу, тем более что почтенный господин все время пытался поудобнее обхватить земной шар в виде большого глобуса, а рядом развевался флаг со знаками доллара вместо звезд и полосами, составленными из ракет.

Семьдесят процентов населения ФРГ были против американских ракет еще до их установки. Когда ракеты все же привезли вопреки

воле большинства, уже более девяноста процентов всех опрошенных граждан высказались против этого оружия. Неудивительно поэтому, что демонстранты в Фульде кричали фигуре с глобусом:

— Устраивайте ядерную войну у себя дома, а не в Европе, господин президент!

Нам не раз приходилось слышать здесь такое мнение, что даже самый неповоротливый тугодум в ФРГ не может не понять: политика американской администрации превратила население Западной Германии в атомных заложников Америки. Активные сторонники мира ведут непрерывную борьбу против размещения «першингов» и крылатых ракет. Группы молодежи и пожилых людей постоянно ведут символическую блокаду баз американской армии в ФРГ.

— Тащите обратно в Америку свою атомную смерть, — заявили участники митинга у американской военно-воздушной базы в Фульде солдатам, стоящим цепью за забором из колючей проволоки.

Один из демонстрантов, студент, сказал:

— Миллионы немцев спрашивают себя, как их собственное правительство согласилось на установку ракет первого удара... Уже многие понимают, что пассивное отношение к гонке вооружений недопустимо.

— Со времен Хиросимы прошло почти четыре десятилетия, — сказал один из участников митинга, пожилой ремесленник, — и кое-кто привык к тому, что уже накопилось больше ядерного оружия, чем хватило бы для уничтожения всей человеческой цивилизации. Но таким людям пора понять, что это очень опасная привычка. Борьба против гонки вооружений, против размещения в Европе американских ракет — наш общий долг перед будущими поколениями. Посмотрите на этот плакат — Хиросима напоминает...

Фульда — Бонн

ПАНОРАМА МЕЖДУНАРОДНАЯ ПАНОРАМА

Фото ТАСС и из журналов «Квик» и «Ньюсуик».

США

Ужасающей иллюстрацией методов, к которым в США прибегают для расправы с инакомыслящими, стали трагические события, разыгравшиеся в самые последние дни в Филадельфии.

Десятки полицейских в пуленепробиваемых жилетах и шлемах приняли участие в штурме дома номер 6221 по улице Оседж-авеню. Окна поливались свинцом, в ход шли гранаты со слезоточивым газом, а затем водометные установки, разносившие в щепки двери и оконные рамы. Осада продолжалась до тех пор, пока с вертолета на дом не была сброшена бомба. В считанные минуты здание было охвачено пламенем. Почти полтора часа власти не принимали ничего, чтобы потушить огонь, хотя было известно, что в доме находятся маленькие дети. В результате пожар распространился на соседние здания, и вскоре горели уже 60 домов. Жертвами побоища стали 11 человек, в том числе и дети.

Осада на Оседж-авеню, отличавшаяся небывалой жестокостью «блюстителей порядка», была предпринята с целью расправы над членами радикальной негритянской секты «Движение». Поводом для нее послужили, как заявили представители властей, «жалобы» соседей на то, что обитатели дома 6221 «нарушали порядок». Когда члены секты отказались покинуть здание, полиция тут же открыла огонь.

На снимках: а) В дымящиеся развалины превращены кварталы улицы Оседж-авеню после налета полиции. б) Жители района, чьи дома были сожжены «блюстителями порядка».

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

С каждым днем обостряется обстановка на оккупированных Израилем территориях, население которых требует положить конец произволу сионистов и освободить арабские земли. Комендантский час введен в городе Эль-Бира, лагерях палестинских беженцев Аль-Амри и Ад-Духейша на Западном берегу реки Иордан, а также ряде других населенных пунктов. Среди палестинцев произведены массовые аресты.

На снимке: израильские солдаты производят обыск в Рамаллахе.

ЮАР

Массовые антирасистские выступления охватили Южную Африку. Власти Претории делают ставку на террор и репрессии в попытке любой ценой сбить их накал. Усиленные наряды полиции блокируют подступы к африканским поселкам в Капской провинции, ставшей центром волнений.

Только за последнее время в государстве апартеида погибло свыше двухсот противников системы расовой сегрегации.

На снимке: бурлит черное гетто.

САЛЬВАДОР

Прошел год после фарса с так называемыми президентскими выборами в Сальвадоре, в результате которых к власти в стране пришел американский ставленник Дуарте. Разрекламированные Соединенными Штатами как большой успех демократии, выборы на деле обернулись для сальвадорцев ужесточением террора и репрессий. По-прежнему здесь без вести исчезают люди, нудовишным пыткам подвергаются в тюрьмах политические заключенные, по-прежнему не проходит и дня, чтобы тут или там не был найден обезображенный труп с вырезанной прямо на теле меткой «ЕМ» — начальными буквами испанских слов «эскадроны смерти».

Именно на «эскадроны смерти» пытаются власти взвалить всю вину за царящий в стране произвол. Однако уже ни для кого не является секретом, что эти ультраправые формирования тесно связаны с сальвадорской полицией, секретными службами и военной верхушкой. Связь выражается не только в том, что охранка предоставляет «эскадронам смерти» информацию о подозреваемых сальвадорцах. Армия и полиция используют их также как ширму для прикрытия своих террористических актов. По данным общественных организаций, в Сальвадоре за последние пять лет погибло свыше 45 тысяч мирных граждан. 5 тысяч пропали без вести.

Однако разгул террора в Сальвадоре не был бы возможен без всесторонней помощи и поддержки, предоставляемой режиму Соединенными Штатами. ЦРУ США самостоятельно ведет слежку за сальвадорскими прогрессивными деятелями, американцы непосредственно участвуют в допросах и дают «практические консультации» во время истязаний.

На снимке: жертвы «эскадронов смерти».

ЧИЛИ

В Чили нарастают требования прекратить преследования, восстановить демократические права и свободы, ликвидировать нищету и безработицу.

Пиночетовская охранка чинит кровавую расправу с участниками мирных манифестаций. Карабинеры открывают огонь, травят демонстрантов собаками, избивают дубинками. Особенно ожесточенные схватки происходят в рабочих районах Сантьяго (на снимке).

1

ОБВИНЯЕТСЯ ИМПЕРИАЛИЗМ

2

4

3

5

Алексей ВАСИЛЬЕВ,
заместитель директора
Института Африки АН СССР,
доктор исторических наук

Фото автора

ТРУДНАЯ ПОРА

Совершенно бесполезно сравнивать помощь Запада с помощью социалистических стран. Именно благодаря экономической помощи, оказанной Эфиопии Советским Союзом и другими социалистическими странами за последнее десятилетие, наша страна смогла достичь большего прогресса, чем за сорок лет, предшествовавших революции.

Менгисту Хайле МАРИАМ,

Генеральный секретарь ЦК Рабочей партии Эфиопии,
Председатель Временного военного административного совета.

Мы прибыли в Эфиопию как посланцы советских общественных организаций и передали дружескому эфиопскому народу продовольствие, одеяла, медикаменты. Не радость друзей, а их беда привела нас сюда.

Беда целой страны, континента, голод миллионов. Мы увидели и запомнили лица детей с угасшими, отрешенными глазами, задавленных горем матерей. Увидели и запомнили мертвые, брошенные поля без былинки и кустика, сожженные многолетней засухой, с танцующими по ним пыльными смерчами.

Но мы запомнили также прекрасные, одухотворенные, хотя и такие усталые лица эфиопских юношей и девушек, которые днюют и ночуют в центрах по оказанию помощи голодающим, запомнили и советские вертолеты, перебрасывающие продовольствие в недоступные селения в ходе операции «Надежда».

Гордый народ эфиопы. Эфиопия была единственной страной в Африке, сохранившей независимость в мрачный период колониализма. И если эфиопы бьют тревогу и говорят, что нуждаются в помощи, значит, их положение крайне тяжелое.

Революция 1974 года вывела сорокамиллионный народ из косности средневекового, страшного многовекового оцепенения. Однако последовали заговоры, белый террор, сомалийская агрессия, восстания сепаратистов в провинциях Эритрея и Тигре, а за всем этим стояли ЦРУ и Пентагон, потоки американского оружия и мешки денег из сейфов нефтяных арабских монархий для врагов революционной Эфиопии.

Устояла революция. Окрепла новая Эфиопия. Но оказалось, что ждало ее еще одно тяжелое испытание — засуха и голод.

Многогослойна и сложна проблема голода в Эфиопии да и во всей Африке. Кто за нее ответствен — человек или природа, экологическая катастрофа или преступная политика, эпоха нынешняя или прошедшая? Нет односложного ответа на эти вопросы. Есть комплекс причин и сумма последствий.

Пустыня Сахара то быстрее, то медленнее расширяется уже многие тысячелетия. Усыхание прилегающих к ней с юга саванн — так называемой зоны Сахеля — за последние годы ускорилось и приоб-

рело грозные масштабы. Миллионы гектаров в год отнимает пустыня у скотоводов и земледельцев, пожирая пастбища, поля, рощи. Неразумная деятельность человека усугубляет опустынивание — сводятся на топливо леса, козы обглодывают кустарник, животные копытами выбивают пастбища. В начале века в Эфиопии леса занимали тридцать — сорок процентов территории, сейчас — почти в десять раз меньше.

Значит, слепые силы природы и сами африканцы несут ответственность за беды Африки? Именно так и ставят вопрос западные средства информации, обильно сдвигая свою пропаганду политическими выпадами против революционных режимов. К этим выпадам мы еще вернемся, но, говоря о засухе и голоде в Африке, разве можно забывать период колониализма? Да, пустыня наступает, да, скотоводы или земледельцы, ведущие архаическое хозяйство, не думая о завтра, сегодня рубят деревья, чтобы приготовить пищу или согреться у костра. Однако, чтобы противостоять пустыне, нужны средства, крупные капиталовложения. Где их взять Африке, которую грабили столетия и продолжают грабить сейчас? Средства, которые могли бы пойти на развитие африканской экономики, в том числе сельского хозяйства, уже вложены в бульвары Парижа, в дворцы Лондона и авеню Брюсселя, в заводы, лаборатории, исследовательские центры, автострады Западной Европы. А может ли Африка сейчас мобилизовать ресурсы, чтобы остановить наступление Сахары, если ее долговое бремя — полтора миллиарда долларов? Может быть, французские колонизаторы в Чаде, Мали или Нигере принимали меры против опустынивания? Или эфиопские феодалы, переводившие деньги в американские банки, пытались сохранить леса? Или садист и убийца Бокасса, бывший унтер французского иностранного легиона, а затем «император», провозгласивший Центрально-Африканскую Республику монархией, занимался чем-либо, кроме скупки земель в Ницце и воровства — ящиками — алмазов?

Голод в Африке — проблема столь же социально-политическая и экономическая, как и экологическая. В конечном счете Запад, оказывая продовольственную помощь странам континента, лишь выплачивает им очень небольшую часть своего старого долга.

Засухой охвачено более 20 стран. По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации (ФАО), дефицит продовольствия, составлявший в прошлом году 3,4 миллиона тонн зерна, в этом году будет 6,6 миллиона. Кроме Эфиопии, голодают большие районы Судана, Нигера, Ганы, Мали, Мавритании, Мозамбика.

Продовольственную помощь оказывают и США и Западная Европа, как частные организации, так и правительства. Но если бы дело ограничивалось гуманитарными соображениями, чистой филантропией, «христианским милосердием»...

Больше всего говорят и пишут

сейчас об Эфиопии. Во второй по населению стране Тропической Африки засуха поразила десять провинций из четырнадцати, голод грозит более чем семи миллионам жителей. Урожай зерновых в прошлом году вновь уменьшился. Но редкий буржуазный орган информации посочувствует Эфиопии, не обогнав ее революционного правительства. Любой объективный наблюдатель подтверждает, что хищническая эксплуатация крестьян помещиками во времена императора настолько истощала их хозяйства и мешала их развитию, что делала их бесспорными перед стихийными бедствиями. А по утверждениям западной пропаганды, в голоде виновата революция, передавшая землю крестьянам и уменьшившая налоги. «Правительство Эфиопии заварило эту кашу, систематически разоряя фермеров страны», — брякнул один американский дипломат корреспонденту «Вашингтон пост».

Когда раздаются голоса экспертов, говорящих правду, американские политики затыкают уши.

Профессор экономики из Торонтского университета писал в американской газете «Крисчен сайенс монитор» в статье под заголовком «Засуха, бедность — и все-таки прогресс»: «В печати изобилуют мрачные намеки: правительство пытается умиротворить голодом граждан, чтобы уничтожить действующее в северных провинциях Эритрея и Тигре расколывающее движение; сейчас идет эвакуация населения, чтобы доставить голодающих в крупные коллентивные хозяйства, которые поддерживает марксистско-ленинское эфиопское правительство. Такая пропаганда в целом безосновательна и связана с антикоммунистической направленностью западных средств массовой информации с их возможным желанием сочинять драматические отчеты. Говорится лишь о засухе и бедности. При этом уделяется мало внимания тому, чтобы разглядеть истинный прогресс, достигнутый после революции, и весьма обнадеживающие черты новой экономики... В нормальных условиях Эфиопия, по-видимому, может прокормить себя, но сейчас речь идет об экстремальных условиях».

Больше всего шумят и лгут об эфиопской программе переселения крестьян из засушливых районов на новые земли. Эфиопия — большая страна, и она может прокормить гораздо больше населения, чем сейчас. Гордый народ не хочет зависеть от милосердия Западной Европы и США, он хочет решить свою продовольственную проблему раз и навсегда. В Эфиопии есть крупные территории с плодородными землями и обильными дождями в провинциях Гэму-Гофа, Иллабабор, Уоллега. Кукуруза в тех краях вымахивает под три метра с трехкилограммовыми початками. Но земли эти почти не освоены. «Поставлена задача переселить сюда полтора-два миллиона человек», — говорил нам заместитель главы эфиопской

Комиссии по оказанию помощи и восстановлению Берхане Дергеса. — Переселенцев год обеспечивают продовольствием, дают скот, строят жилье. Идет строительство дорог, школ, медицинских пунктов. Работают отряды, организованные Ассоциацией молодежи революционной Эфиопии». Осваивать новые земли необычайно трудно, но эфиопы правильно решили, что это единственный выход.

И вот западные «доноры» чуть ли не ультимативно требуют от Аддис-Абебы прекратить переселение. Оказывается, что частично оно идет из районов, где действуют отряды сепаратистов. От революционного правительства «благотворители» все-таки добиваются разрешения напрямую, минуя законные власти, посылать продовольствие на базы сепаратистов. Десятки тысяч тонн зерна передаются в руки сепаратистов на их базах в Судане, а поставки продовольствия, обещанного эфиопскому правительству, задерживаются на несколько месяцев.

«Соединенные Штаты намерены вместе с другими странами-благотворителями оказывать нажим на эфиопские власти», — заявил помощник государственного секретаря по африканским делам Честер Крокер.

Известный американский обозреватель Джек Андерсон располосал подлинные причины политики США по отношению к Эфиопии и опубликовал их в газете «Вашингтон пост». Он писал: «Еще в 1982 году правительство США знало о голоде в Эфиопии, который приобрел все большие масштабы. На сверхсекретных совещаниях Совет национальной безопасности настоятельно призывали отвратить угрозу голода поставками продовольствия... И все же Совет национальной безопасности, ссылаясь на стратегические соображения, воспротивился этим поставкам. Только когда выяснилось, что миллионы людей погибли, он... разрешил отправить кое-что в Эфиопию в порядке оказания помощи... Рейгановская администрация сочла свою продиктованную политическими соображениями враждебность к марксистскому правительству в Эфиопии более важной, чем чисто человеческая тревога о жертвах в пораженных засухой районах этой страны». И далее: «Совет национальной безопасности и его сторонники настаивали на том, чтобы использовать помощь голодающим в качестве способа добиться от Эфиопии политических уступок».

Итак, политика Вашингтона была ясна: не удалось свергнуть революционный режим с помощью сомалийской агрессии, не удалось расчленив страну сепаратистскими мятежниками — нужно поставить ее на колени голодом. Чем хуже, тем лучше. Чем хуже эфиопскому народу, тем лучше стратегам из государственного департамента и Совета национальной безопасности. Забыли о гордости эфиопов. Забыли о том, что у Эфиопии есть друзья. Забыли о крепнущей силе революционной власти. Просмотрели принципы-

ально новый этап революции — образование руководящей и направляющей силы общества — Рабочей партии Эфиопии.

Мы встретились с секретарем ЦК Рабочей партии Эфиопии по международным вопросам Ашагри Йиглету и услышали от него анализ сложившейся ситуации.

«США осуществляют подрывные действия против эфиопской революции — от вооруженного вмешательства до психологической войны», — сказал он. — Сейчас они пытаются остановить наше продвижение по избранному нами пути, используя свою продовольственную помощь. Они нагло заявляют, будто причина засухи и народных бедствий — революция. Не будь революции, утверждали они, не было бы таких последствий засухи. Чтобы справиться с нею, революционное правительство должно пойти на соглашение с сепаратистскими группировками. У нас их позиция не вызывает удивления. Идет классовая борьба на международной арене, в которой они — наши противники». «Наши друзья — Советский Союз, другие социалистические страны», — продолжал он. — С самого начала нашей революции советский народ оказывал нам материальную, политическую, моральную поддержку. После создания Рабочей партии Эфиопии наши отношения с КПСС, с Советским Союзом еще более укрепляются».

Кампания борьбы с голодом стала общенациональной. В фонды помощи из своих невеликих доходов вносят вклады рабочие и женщины, студенты и пенсионеры. Из мелочи складываются десятки миллионов. Открыты сотни центров помощи голодающим и медицинских пунктов. Из провинций, где есть избыток продовольствия, по бездорожью, через перевалы идут караваны в пораженные засухой районы. Транспорт пришел из Советского Союза — триста грузовиков, двадцать четыре вертолета. Транспорт выделили также вооруженные силы и министерство коммуникаций Эфиопии. Женские и профсоюзные организации взяли на себя попечение о сиротах. И наконец то, о чем мы уже писали, — шло переселение людей в районы с богатыми землями и достаточным количеством влаги. Сюда Рабочая партия Эфиопии направила две тысячи своих кадровых работников. Кстати, именно в провинции Уоллега, куда идет массовый поток переселенцев, разбил палатки советский полевой госпиталь — полторы сотни врачей.

Даже сейчас, во время экстремальных трудностей, Эфиопия думает не только о сегодняшнем дне, но и о будущем. Как восстановить экологический баланс, как обеспечить страну деревом? Нужно сажать леса. В прошлом году было распределено для посадки 120 миллионов саженцев, в этом намечено еще больше. В лесопосадках участвуют крестьяне и молодежь. Организованы курсы по озеленению, в городе Уондо создан первый в стране институт лесного хозяйства. Идут учет и регистрация зеленых массивов. Жесткие меры принимаются против неэкологической вырубki.

Государство предоставляет крестьянским кооперативам кредиты, снабжает их сортовыми семенами, удобрениями. Пущен в Назрете тракторосборочный завод, построенный по советскому проекту. Производительность — тысяча тракторов в год.

В Эфиопии есть полноводные реки — Голубой Нил, Аваши, Гибе, но орошается всего лишь 100 тысяч гектаров, а можно в тридцать раз больше. Разработаны крупные

иригационные проекты, и начато их осуществление.

«Много ли вам дала красная революция? — злобно шепчут из-за угла уцелевшие и затаившиеся враги. — Разве вы стали лучше есть? На голод и войны обрекла вас ваша революция». Однако все меньше действует на людей отравленная демагогия «вчерашних». Интервенция, восстания бандитов, засуха — все это ставит преграды на пути материального улучшения жизни масс. Но достижения Социалистической Эфиопии видны невооруженным глазом. Они не только в укреплении революционной власти, создании Рабочей партии Эфиопии, распределении земли среди крестьян, снижении квартирной платы. Когда половина взрослого населения за четыре года научилась читать и писать — это ли не успех?

На выставке достижений ликбеза бывший учитель Гудетта Маммо подвел нас к стенду, где была наклеена телеграмма, полученная от Амаду Мухтара М'Боу, генерального директора ЮНЕСКО. Она гласила: «Эфиопская национальная кампания по ликвидации неграмотности — источник вдохновения для всех, кто выполняет трудную задачу победить неграмотность. Ваши результаты — яркий пример успеха, который может быть достигнут, когда борьба против неграмотности ведется с убежденностью и находчивостью».

Не была ли честность и объективность генерального директора

национальной кампании по ликвидации неграмотности, она стала средством массовой социально-политической мобилизации населения, не имеющей параллелей в истории страны. Каждый грамотный стал учить неграмотных. Результат — девять миллионов новых грамотных за четыре года — в шесть раз больше, чем за десять лет, предшествовавших революции.

В зале заседаний аддис-абебского муниципалитета все стены завешаны портретами, как правило, увеличенными фотографиями с маленьких карточек. Лица мужчин и женщин, молодых и старых, сумрачных и веселых. Но никого из них уже нет в живых. Это активисты местных органов власти, жертвы белого террора, развязанного контрреволюцией в конце семидесятых годов.

И когда в зал собираются представители новых городских властей, они как бы отчитываются в своих действиях перед погибшими товарищами.

«Еще в 1975 году квартплата была снижена вдвое и заморозжена на том уровне», — рассказывал нам член столичного исполкома заведующий юридическим отделом Геттаче Деста. — Это касалось массы жителей. Из пяти аддис-абебцев четыре были квартиросъемщиками. Цены на землю взлетели до небес. Квадратный метр земли стоил накануне революции до трехсот быров — примерно сто пятьдесят долларов, а зарплата рабочего составляла тогда сто бы-

ции городских районных муниципалитетов, следят за соблюдением революционной демократии и сами формируют суды, создают вооруженные патрули, организуют школы, детские сады, кооперативы, клубы, чайные.

Настоящая революция немислима без бурлящей активности масс, без митингов и споров до хрипоты, без трудного периода организации. Но она также немислима без участия в ней половины человеческого рода — женщин.

Политически активные женщины пришли в революцию и увлекли за собой других. Они готовили пищу, шили обмундирование для бойцов, сражавшихся на фронте во времена сомалийской агрессии, и сами уходили медсестрами в действующую армию, учились читать и писать, становились у станков. Союзы женщин стихийно возникали на местах, и наконец была создана Ассоциация революционных женщин Эфиопии.

...Последняя встреча на земле Эфиопии — с ее выдающимся сыном Афеворком Текле. Природа одарила Афеворку Текле талантом. Он помножил его на удивительное трудолюбие. Из-под его кисти родились великие полотна.

Он пригласил нас к себе домой. Мы любовались его картинами, сиянием и свежестью красок, зрелостью и оригинальностью композиций и говорили о том, что, кроме дара и труда, ему было дано еще и везение. Ему повезло, потому что расцвет его творчества пришелся на революционные времена. В новой Эфиопии к искусству потянулся народ, и всенародная слава — не заграничных, хотя и почетных выставок, не чужих, хотя и лестных титулов, — а своя, широкая эфиопская слава осветила его жизнь. Почетно, когда твою картину приобретает всемирно известная галерея Уффици во Флоренции. Но, может быть, не менее почетно, что местом паломничества революционной молодежи стал Центр народных героев недалеко от Аддис-Абебы, в городе Дэбра-Зейт, где главная экспозиция — гигантское панно Афеворка Текле «Победа Эфиопии» из семи картин, над которыми он работал два года. А вот дорогая его сердцу картина «Цветок мескеля» — прекрасная женщина, символизирующая Эфиопию с сентябрьским цветком в руке. В сентябре наступает новый год по эфиопскому календарю. В сентябре произошла революция. За картину художнику предлагали сотни тысяч долларов, но он сказал: «Цветок мескеля» принадлежит Эфиопии и останется в Эфиопии. Полная движенья и огня картина «Танец» — воспоминание о балете Большого театра.

«А это последняя моя работа — «Засуха», — с посуровевшим лицом сказал он и сдернул покрывало с картины. Нам открылся кошмар серо-коричневого цвета. Смерть с мечом над расстрелявшейся, спаленной землей. Угрюмые маски. Грифы, пожирающие трупы, змея — символ зла, подбирающаяся к обессиленным людям. Тарантулы и саранча размером больше людей. «Картина еще не завершена. Я ее сделаю в цвете», — сказал художник. «А может быть, оставить так? Ведь все сказано». «Да, но цвет позволит мне осветить наши горе и страдания надеждой и верой в будущее. Мы преодолеем кошмар. Мы победим голод».

Он повторил слова, которые мы уже слышали из уст крестьян и рабочих, бойцов и студентов, руководителей местных органов власти и врачей из лагерей помощи голодающим.

Далекой дружественной нам африканской стране сейчас трудно, невероятно трудно. Но революционная Эфиопия живет надеждой и верой в завтрашний день. В победу.

Передача дара советских общественных организаций представителям Комиссии по помощи и восстановлению.

ЮНЕСКО одной из причин, побудивших Вашингтон к выходу из этой авторитарной международной организации?

Вспомним плакат наших двадцатых годов: «Неграмотный — что слепой». Может быть, он навел на мысль, может быть, одинаковые задачи породили похожие художественные образы, но ты чувствуешь эстафету революций, когда видишь эфиопский плакат — человек с завязанными глазами идет по краю пропасти. Его символу не надо объяснять. «Для того, чтобы познать законы природы, для того, чтобы противостоять ее гневу и идти вперед к процветанию, наш первый шаг должен привести к освобождению широких масс от неграмотности», — говорил Менгисту Хайле Мариам.

Накануне революции в Эфиопии было 93 процента неграмотных. Одна из древнейших цивилизаций в Африке передавала письменность из поколения в поколение с помощью церковных школ. Единицы попадали в них, чтобы освоить зачатки письменности на амхарском языке.

Когда в 1979 году революционное правительство объявило о

ров в месяц. Жилье, сдаваемое внаем, и земля в городах были национализированы. На окраинах индивидуальным застройщикам выделяются сейчас до пятисот квадратных метров земли, а в других случаях сооружаются кооперативные дома».

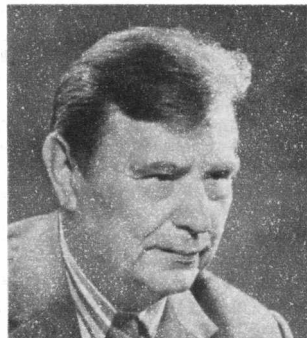
Несмотря на испытания, столица Эфиопии растет и хорошеет. Все больше современных зданий толпится на дороге, ведущей в аэропорт, сооружены новые административные здания в центре, рядом с мемориалом революции. Чище стал город, упорядоченнее движение транспорта.

Городские власти ограничивают неплановую застройку в центре столицы, требуют, чтобы город рос в центре вверх, а не ширь. Но на окраинах столица выбрасывает в окружающие леса и поля все новые кварталы. Планируется создание городов-спутников, зеленых зон, отдельных промышленных зон.

Органами революционной власти на местах стали кэбэлы — чисто эфиопская структура. Они родились снизу при поддержке революционного правительства сверху. Кэбэлы объединяют в себе функ-

Земные надежды

Максим ТАНК

Так смелей выходите
На площадки,
Где монтируются
высотные кварталы,
На спелые нивы,
Ждущие заботливых рук,
На прокладку тоннелей,
На межзвездные трассы,
В открытый космос,
Чтобы стали привычной явью
Все детские сказки,
Все юношеские мечты,
Все родительские заветы,
Все наши земные надежды.

Где я только не побывал —
На разных континентах и островах,
На далеких планетах,
На вершинах моих мечтаний
И в бездонных глубинах памяти,
На бесчисленных,
Отзвеневших и отшумевших,
Ярмарках и фиестах,
На свадьбах и крестинах,
На юбилейных торжествах...
И все это
За одну бессонную ночь
в больнице.

А если верить сестре,
До рассвета
Еще далеко.
Куда ж мне еще податься?

Я уже и не жалуюсь
На мимолетность жизни,
Потому что слышу,
Как на это жалуются
Даже самые долговечные
Звери и птицы,
Деревья и травы,
Океаны и реки,
Горные вершины и звезды.

Сколько раз приходилось брать
Неприступные рубежи,
Проходить через минные поля,
Пересекать охраняемые границы!
А сейчас
Стою беспомощный
Перед ничейной полосой,
Которая нас разлучила.

Приснилось,
Что я живу среди роботов.
И сам я робот,
Которого зовут Ромео.
Встретив Джульетту,
Я дарю ей набор ключей
От своего сердца.
А она спрашивает:
— Неужели на земле не осталось
Ни одного
Живого цветка?

Если собрать воедино
Все твои «Нет!»,
Поднимется частокол,
Такой высокий,
Что из-за него и на цыпочках
Не дотянешься до тебя —
Ни обнять,
Ни поцеловать.

Ты спрашиваешь,
Отчего я не пришел
Поделиться
Своими заботами и тревогами?
Признаюсь:
Не хотел подводить
Подкову,
Прибитую на счастье
Над твоим порогом.

ОСЕННИЙ ЗВЕЗДОПАД

Гляди, гляди!
Звезды снова падают,
Услышав отлетную песню
журавлей.
Может, пойдем поищем?
Вдруг повезет с находкой!
Разве мы не условливались
Украсить летучими звездами
Твой свадебный перстень
И сережки?

Наверное, справедливо,
Что отца Кольба¹,
Который в гитлеровском
концлагере

¹ Это произошло во время фашистской оккупации Польши.

За своего ближнего
Пошел в огнедышащую печь,
Объявили святым.
Только я еще думаю
О двадцати миллионах,
Которые спасли жизнь
Всего человечества.
А еще я вспоминаю
Деревья в наших лесах,
Которые принимали на себя огонь,
Которые, став бревнами
надежного наката,
Заслоняли нас от смерти.
Я бы их всех
Объявил святыми
И в память каждого из них
Зажег бы
Звезду на небе.

То, что бессонница
Не даст мне покоя,
Я всегда знаю заранее —
Ночью
В двери моей памяти
Стучатся все громче
Прожитые дни,
Друзья,
С которыми расстался,
Не попрощавшись,
Нерешенные дела
И разнообразные тревоги,
Накопившиеся с годами.
Но вот отчего
И тебе не спится сегодня,
Дождик осенний?

Когда провожают близкого
В самый последний путь,
Мы воздаем ему должное
В некрологе,
В прощальных речах,
В наших воспоминаниях.
А с тем,
Что живую землю
Хороним под слоем асфальта,
Под покровом бетона,
Под терриконами,
Свыкаемся так покорно,
Что даже не публикуем
Слово прощания,
Подписанное близкими друзьями
Или группой товарищей.

Перевел с белорусского
Яков ХЕЛЕМСКИЙ.

ПЕСНИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Песни войны... Кто их не знает и не помнит? Простые, идущие от сердца слова, легко и сразу запоминавшаяся мелодия — песня быстро распространялась по тысячи километровой фронту, облетала всю страну, в ней каждый узнавал себя, хотел увидеть свою судьбу. Перед войной страна распевала: «Нам песня строить и жить помогает...» Так было и в войну — песня помогала жить в ее нечеловеческих условиях, жить, чтобы воевать и победить. Песни тех лет — память, порой вызывающая слезы, но слезы целительные, облегчающие.

«Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...» Слова эти, звучавшие, как набат, я услышал в 43-м году восьмилетним мальчишкой в разбитом войной город-

не на Северном Кавказе, только что освобожденном нашими войсками. Гордостью за «наших», уверенностью, что так будет всегда, радостью победы осталась в памяти эта песня — пехотная часть, марширующая через небольшую площадь; мы, оборванные мальчишки и девчонки, торопливо идем, иногда бежим рядом; колонна постепенно уходит в улицу, исчезает, доносятся стихающие мерные звуки большой массы вооруженных людей: «...Пусть ярость благородная вскипает, как волна! Идет война народная, священная война...»

Этой песней А. Александрова и В. Лебедева-Нумача, которую маршал Жуков назвал «бессмертной», открывается сборник, выпущенный Военным издательством к 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Песни сгруппированы по четырем раз-

делам: «Вставай, страна огромная!», «Об огнях-пожарищах, о друзьях-товарищах...», «И поет мне в землянке гармонь про улыбку твою и глаза...», «Над тобою шумит, как знамена, год твоих великих побед...».

Наряду с широко известными «Давай закурим», «В землянке», «Шумел сурово Брянский лес» и другими в сборник включены сравнительно редкие, в том числе песни, публикуемые впервые, — «На ветвях израненного тополя», «Родная сторона». Текст песен сопровождается нотными записями. Составитель Ю. Е. Бирюнову пришлось проработать нелегкую работу — отобрать в сборник объемом 15 листов лучшие из тысяч песен, созданных на пороге войны, во время нее, сразу же после окончания. Кстати, у многих песен («На врага! За Родину — вперед!», «Синий платочек» и др.) было по несколько вариантов. Слова песни, например, «Давай закурим» при-

звали внимание многих композиторов — известно более двух десятков ее мелодий.

Удачно составлены Ю. Е. Бирюновым и комментарии к песням. Их ценность не столько в том, что здесь приводятся подробные сведения об авторах текста и музыки, о времени и месте написания песен, их исполнителях и т. д. Часто строки комментариев прочтываются как итог увлекательного поиска.

Составитель сборника и Военное издательство сделали доброе дело, подготовив и выпустив книгу в свет. Им будут благодарны самые широкие круги любителей песен и исполнители, будут благодарны и многие тысячи участников войны, которые с песней сражались, сражались и победили сорок лет назад.

Н. ЛОБАЧЕВ

А. Блок. Род. 1946. АНТИВОЕННАЯ МАНИФЕСТАЦИЯ ХУДОЖНИКОВ НА ПЛОЩАДИ В РИМЕ. 1985.

Всероссийская художественная выставка «Мир отстояли — мир сохраним».

Великий советский драматург

Каждый официально отмечаемый крупный юбилей, как правило, имеет свой особый характер, вызывает свое личное отношение людей к юбиляру. Это азбучная истина, и никаких по этому поводу противоречий возникнуть не может. Но, как и в каждом вопросе, есть свои особенности, ибо о каждом из тех, кто достиг юбилейной даты, существует свое мнение у его почитателей. Так, могу совершенно спокойно сказать, что рожденный в украинской семье драматург Александр Евдокимович Корнейчук, ушедший из жизни до своего 80-летия, почти с самых первых своих пьес полюбился широкому кругу зрителей и, конечно же, читателям, потому что обычно читателя и зрителя трудно отделить друг от друга.

Но, конечно же, всем все дается не сразу. Не сразу занял в советской драматургии свое ведущее место и Александр Корнейчук. За несколько лет до войны на театральных сценах не только Украины, но и России и других республик появилась героическая драма Корнейчука «Гибель эскадры», напряженный рассказ о том, как были потоплены по приказу Ленина на Черном море под Новороссийском военные корабли, ибо выхода не было: они могли быть или уничтожены, или попали бы в руки врагов. Такой, казалось бы, обычный военный сюжет, а сколько он вообрал в себя действительно драматических и трагедийных событий!

Еще юношей я видел эту пьесу в Ростовском драматическом театре и был потрясен всем, что происходило и на сцене, и в зале. Не так уж много времени прошло в те годы от гражданской войны, и, конечно, в памяти у нас, живших на Дону, были предельно свежи воспоминания гражданской войны и на Дону, и на Кубани. И в это время со сцены загрохотала «Гибель эскадры».

Бывает и так, что некоторые драматурги селят на то, что их не ставят в театрах. Что ж, к сожалению, бывают такие ситуации... Но давайте вспомним Александра Островского, вспомним о том, как трудно и как непросто ему жилось и как непросто давалась ему профессия драматурга. Он всем сердцем желал быть связанным не вообще с театрами, но мечтал о кровной связи с Малым театром. И как долго из-за случайных людей он не мог этого достичь. Чего же Островский добился? В конце жизни он стал заведовать репертуаром московских театров. Но жить ему тогда оставалось всего пять месяцев... Но само творчество, богатейшее, многообразное творчество Островского, определило больше чем на столетие судьбу русского драматического театра, театра народного, театра, открывшего всему миру свои, присущие только русскому искусству дороги.

Да, у англичан был, есть и навсегда останется Уильям Шекспир. Рядом с ним у нас совершенно особая, самостоятельная, отдельно может быть только один Островский.

Я меньше всего хочу умалить значение других русских драматургов, и тем более такого прекрасного писателя, рожденного на моей родине, в Ростовской области, в городе Таганроге, — Антона Павловича Чехова. Чехов был, есть и всегда будет удивительно проникновенным гением, тонко раскрывающим человеческие души. «Три сестры», «Дядя Ваня», «Чайка», «Вишневый сад» — это только часть чеховского творчества. Они удивительно внутренне драматичны. Герои его каждый со своей особой психологией, и все они не похожи друг на друга. Чеховская драматургия — чистая, благородная драматургия, которую вдруг в наше время, я бы сказал, в странных целях пыта-

ются использовать некоторые драмодеды, утверждая, что они «идут за Чеховым», сочиняя малозначительные пьески для того, чтобы показать будто бы «сверхтонкую» психологию обычных людей.

Да нет же, нет! Это все далеко не так. Чеховские герои, как правило, по своим истокам, по своим характерам люди, связанные со своим временем, каждый со своей судьбой, но меньше всего с пошлостью и грязью, которые, к сожалению, сейчас распространились на сценах наших театров.

А я никогда не смогу забыть еще одну, завоевавшую широкую популярность пьесу Александра Корнейчука «Платон Кречет». Образ Платона Кречета открыл еще одну сторону мощного драматургического таланта Корнейчука, подлинную сущность интеллигентности. И не только самого Платона Кречета, но и других героев, которые участвуют в этой очень напряженной, драматической пьесе, в центре которой действовал, казалось бы, обыкновенный человек, решавший на первый взгляд медицинские проблемы. Но за этими проблемами стояли человеческие жизни, все, что связывало их с обществом.

Для меня, человека, всего лишь на шесть лет моложе Александра Корнейчука, обе эти пьесы были как бы полюсными открытиями мира. «Гибель эскадры» и «Платон Кречет». Война и мир. Люди жестких характеров и люди, может быть, менее жестких характеров, но поставленные в иные, не менее сложные, ответственные условия жизни.

А время шло своим чередом. Началась война. Судьба распорядилась так, что весной 1942-го уже в качестве военного корреспондента газеты «Известия» я оказался на Южном фронте, в городе Старобельске. В это время там вместе со своим верным другом Вандой Василевской был и Александр Корнейчук. Тогда мы еще не знали друг друга. Случайные встречи, короткие две-три беседы не дали полного представления о человеке, которому в ту пору было всего тридцать семь лет. Для меня же это был уже зрелый человек в военной форме. Бригадный комиссар с ромбом в петлицах.

С той поры у меня осталось впечатление, что драматург Корнейчук не так просто оказался именно в этом месте, на своей родной Украине. Это было тяжелое время. Середина 1942 года, трагические, тяжелые моменты Великой Отечественной войны.

У меня навсегда остались в памяти его глаза: пытливые, ясные, внимательные. Он беседовал с нами, расспрашивал журналистов, что мы здесь, на Южном фронте, увидели, в каких частях бывали. Но он не только расспрашивал нас, но и бывал там, где шли бои. Он общался не только с генералитетом, но и с солдатами, с артиллеристами.

Да, это было трудное и в то же время в какой-то степени переломное время. Для всех стало ясным, что старыми приемами, напрямую идущими от гражданской войны, битву с таким технически и, я бы сказал, яростно подготовленным врагом выиграть невозможно.

Вскоре появилась пьеса «Фронт». В ней были два основных героя — Горлов, вчерашний день нашей армии, и Огнев — сегодняшний и завтрашний день, пожалуй, недостаточно и прописанный драматургом, потому что прообразов таких было еще, пожалуй, недостаточно для наблюдения и обобщения.

Я никогда не забуду, что говорил мне играющий в свое время Горлова в театре Вахтангова прекраснейший актер, особенно проявивший себя в сороковых и пятидесятых го-

дах, Алексей Денисович Дикий. На мой вопрос, как рождалась у него эта роль, Дикий ответил:

— Большое поле наблюдений было. Материала много под руками. Я понимал, что не только приказным порядком, а и через искусство, через драматургию и театр необходимо было впрямую поставить этот вопрос, ведь относилось это, конечно, не к одному генералу, а к целой плеяде. Речь шла о защите Родины. Речь шла о мобилизации всех резервов для победы над фашизмом. Может быть, это и общие слова, но вот через этот сложный конгломерат надо было мне выбрать к моральному поражению Горлова. Вообще-то говоря, трудности были не только в Горлове.

Очень точная характеристика была дана Диким, ибо мы все знали, что предшественники Горлова в гражданскую войну в свое время очень много внесли для победы Советской власти. К сожалению, сейчас встречаешь спектакли, в которых из Горлова делают какую-то странную карикатуру. Смотришь на них и думаешь: при всех нехватках кадров такой человек даже на день не мог бы оказаться командующим фронтом.

Но Александр Корнейчук был глубоким драматургом-психологом, хорошо знающим жизнь и характеры людей, из которых он сам вышел и с которыми, несмотря на свое движение по жизни, он не прерывал ни на день ни отношения свои, ни особую душевную близость.

Вспоминаю, как мы еще до войны смотрели его пьесу «В степях Украины», и этот удивительный украинский колорит, юмор, даже в переводе на русский сохранивший все яркие особенности языка, в диалогах продолжал жить. Пьеса имела большой успех в стране. Шла в Москве, в Малом театре. И не случайно, а это бывает у драматургов, ему захотелось видеть дальнейшее движение своих героев. Во время войны появилась пьеса, названная Корнейчуком «Партизаны в степях Украины». Конечно, она была более драматической, но до корней сохранившей в себе все особенности характеров, диалогов и всей речи.

Александром Евдокимовичем было написано немало и других пьес. У него была богатая на впечатления и общения не только с нашими людьми жизнь. Он был активнейшим общественным деятелем Всемирного Совета Мира, депутатом Верховного Совета СССР. Много всяческих почетных общественных поручений приходилось ему выполнять. Но прежде всего он всегда был и оставался драматургом.

Сегодня, отмечая 80-летие нашего старшего друга Александра Корнейчука, одного из немногих классиков советской драматургии, мы не можем сказать, что все так было гладко в его жизни и не давало поводов для огорчений.

В основном он был драматургом Малого театра и театра Вахтангова. Но однажды одну из своих новых пьес, которая называлась «Над Днепром», он передал во МХАТ. И тут же очень скоро в одной из наших центральных газет появилась статья, в которой удивительно бес тактно автор статьи изобличал драматурга в ошибках, неточностях и во всяких других «смертных грехах». В этой статье даже ставилась под сомнение не сама пьеса, а скорее все творчество Корнейчука. Конечно, всем нам было странно и обидно не только за Корнейчука, но вообще за советскую драматургию. Как-то так совпало, что через несколько дней Александр Евдокимович оказался в Москве. Мы с ним, как всегда, встретились в гостинице «Москва».

— Ну что ж, и до нас добрались. Как говорится, с кем не бывает... Но в данном случае за что? — пожимая плечом, сказал мне Корнейчук.

— Не обращай внимания, плюнь, — сказал я несколько растерянно.

— Оно, конечно, можно было бы плюнуть, — ответил Корнейчук, — да не знаю, в кого. К сожалению, мы, драматурги, порой бываем беззащитными. Все чаще появляется критика по неизвестным нам соображениям. Конечно, защита у нас есть — зритель. Это, кстати, настоящая защита. Ведь в прессе у нас могут расхвалить любой, даже очень посредственный спектакль. Ну, а зритель голосует ногами, уходит со спектакля. Или вообще некоторые спектакли вынуждены снимать после пяти—десяти представлений, а то и раньше. А сейчас некоторые деятели, в том числе и театральные критики, конечно, не без помощи некоторых их друзей-драматургов, вольно или невольно возымели желание омещанить театр. Но нам это с тобой не положено. Не такой мы прошли жизненный путь. Не так прожита наша жизнь, чтобы мы соблазнялись этими легкими, скользкими путями. У каждого из нас, я бы сказал, имеется память сердца. И свой путь мы должны пройти до конца. Нам надо не только стоять, но и противостоять нападкам, а порой и просто клевете, которыми пытаются сбить нас с главного пути. Я и тебе предсказываю, что дорога, путь твоей драматургии в театр и дальше будет не простым: ты идешь от корней. А у многих из этих... корней-то и нет. А эти, знаешь... — Корнейчук махнул рукой. — Их потом и не вспомнят. Но, правда, свое черное дело они делают, и оно, конечно, для нас не проходит бесследно...

Я сердцем помню, каким был Александр Евдокимович в жизни. Сейчас шрам потери еще не зарубцевался. И сейчас мы чувствуем, что Корнейчука с нами нет. Но есть постоянный боеприпас — его пьесы. «Гибель эскадры», «Платон Кречет», «В степях Украины», «Фронт» и особенно с какой-то проникновенной глубиной написанная его «Память сердца» продолжают свою жизнь. Он никогда не обращался к темам мелкой, мещанской, обывательской жизни, которые никогда не могут остаться в сердце зрителей, чему-либо доброму научить нашу молодежь.

Сейчас особое время. Чрезвычайно ответственное. Оно ответственно на всех фронтах: на экономическом, производственном, трудовом и, конечно же, на идеологическом. Поэтому сейчас, перебирая в памяти всю неумирающую драматургию Александра Корнейчука, мы можем смело сказать, что его драматургия является одной из главных путеводных вех движения нашего театра и нашей драматургии вперед. Корнейчук был и навсегда останется драматургом жизни, создавшим целую галерею удивительных образов, которые жили, живут и будут жить в сердцах.

Думая об этом, я не могу снова не сказать о том, что пора повернуть наши театры, их репертуар к главной теме нашей жизни, к остроте этой жизни, не выдавая пошлые, грязные подделки под подлинную современную драматургию.

Александр Корнейчук был всегда прямым в своих суждениях. Он не бывал слишком резок, но я, например, не могу забыть одну из бесед, которая происходила у нас с ним в самые последние годы его жизни. Он спросил меня:

— Слушай, Анатолий, а как же вы все это терпите, что у вас появляется в театрах? Да еще московских?

Что я ему мог ответить на этот вопрос?

— Надеюсь, Саша, что этого когда-нибудь не будет. Думаю, что когда-нибудь все это дойдет и до тех, кому дано высокое право управлять театральным искусством, и когда-нибудь они поймут, что театр начинается не только с вешалки, а, пожалуй, больше всего с репертуара.

...Дорогой Александр Евдокимович, для сотен тысяч твоих поклонников в этот праздничный день твоего 80-летия ты как жил со своим народом, так и продолжаешь жить и дышать всем тем, чем живут и дышат все советские люди, любящие драматурга, человека, борца и общественного деятеля Александра Корнейчука.

И твой личный образ, и те образы, которые созданы тобой, твоим сердцем, будут жить вечно!

Рядом с драматургом — Алексей Толстой. 1937 г.

Марина КОРНЕЙЧУК

ИЗ Д

Спутником и помощником А. Е. Корнейчука в последние годы жизни была его жена Марина Федотовна. Ее дневниковые записи запечатлели живые черты Александра Евдокимовича, сохранили его высказывания о жизни и творчестве. Предлагаем вниманию читателей отрывки из этого дневника.

6 июня 1965 года

Прошел юбилей А. Е. Это было так торжественно, что на другой день А. Е., смеясь, сказал: «Теперь буду знать, что будет говорить, когда умру. Генеральная репетиция состоялась. Даю слово, что больше в моей жизни юбилеев не будет...»

25 мая, в свой день рождения, А. Е. был в Хельсинки. Приехал в начале июня. Все шутил, что у Платона Кречета перенесли день рождения и у него. Рассказывал, что там, в Финляндии, 25 мая его поздравляли с днем рождения. А сюда, в Киев, столько пришло поздравительных телеграмм из разных стран мира! А сколько от поклонников его таланта!.. Если бы я стала перечислять, то для этого понадобилось бы очень много места, но одну телеграмму хочу привести. Я ее перечитывала много раз:

«Дорогой Саша, поздравляю тебя невеселой датой. Крепко обнимаю. С ярмарки мы трогаем вместе. Пожалуйста, не спеши и положи кнут под сиденье. Твой Михаил Шолохов».

Итак, возвращаюсь к юбилею.

С самого утра А. Е. был очень взволнован, но пытался скрыть это, все время шутил. Вот и вечер. Мы едем в театр имени Франко, где должно быть юбилейное торжество.

Сцена одета в декорации «Страницы дневника». Народу больше, чем может вместить театр. Многие люди стоят. На сцене стулья для почетных гостей; тут украинские и московские литераторы, представители союзных республик, иностранные гости.

Чествовали организации, просто поклонники таланта А. Е. Преподнесли ему позолоченный кортик с надписью — «Маршалу драматургии от маршала Малиновского».

30 августа 1965 года

Вот мы и побывали в сказочных местах, в Закарпатье. Посетили усадьбу Леся Украинки в Колодяжном... Потом поехали на озеро Святынь. Только устроились в гостинице, А. Е. достал из машины рыбацкое снаряжение и на озеро... Просидели два часа, а поймал одну рыбу граммов на двести.

В Береговом была у А. Е. встреча с учителями. Я была с блокнотом и кое-что записала:

«Учителя самые большие и самые близкие друзья искусства. От вас зависит подготовленность детей к восприятию театра, музыки, живописи. Их ощущение прекрасного. Мы — писатели и вы — учителя формируем души детей. От нас с вами зависит, кому мы передаем наследство советского народа, кто будет отвечать за наше будущее. Мы и вы своими горячими сердцами разбудим семья красоты и добра в душах детей. Со временем многое забывается в жизни, но учитель, детство — никогда. Я считаю, что детство и ранняя юность прежде всего формируют душу человека на всю жизнь. И мы, литераторы, благодарны вам за наших детей».

Декабрь 1965 года

Только что закончила печатать автобиографию А. Е. для издательства «Художественная литература». Настроение у него было веселое, и вышел прекрасный юмористический рассказ... Начинается так: «25 мая 1905 года в семье рабочего — слесаря железнодорожного

депо станции Христиновка родился сын. Через несколько лет я узнал от соседки, которой разбил окно самодельным мячом, что моя фамилия Корнейчук. И с того времени я начал изучать фольклор, так как соседка была осведомлена в крепких народных выражениях».

Дальше А. Е. рассказывает про тяжелые годы учебы и жизни студентов-рабфаковцев, но все это в юмористической форме. Вот один эпизод:

«У многих рабфаковцев были пистолеты. Вскоре профессора начали жаловаться на некоторых особо ретивых парней, которые, приходя сдавать зачеты, выставляли из карманов дула наганов. Тогда пришел приказ сдать оружие. Это взбудоражило весь рабфак. Большинство из нас считало, что через несколько месяцев произойдет мировая революция, и без оружия нам никак не обойтись. Тогда нам авторитетно объяснили, что мировая революция раньше чем через полтора года не начнется, и оружие было сдано».

Воспоминания о студенческой жизни напомнили А. Е. много интересных эпизодов из его комсомольской жизни в Христиновке.

Рассказал он мне, как тогда проходили там комсомольские собрания: начинали собрание вечером, а заканчивали под утро. Всегда было много выступающих. Каждый оратор заканчивал свою речь революционным лозунгом, все вставали, пели «Интернационал» и «Заповит» Тараса Шевченко.

«За ночь», — говорил А. Е., — так накричишься, так наорешься, что идешь домой без голоса, но счастливый...»

28 декабря 1965 года

...Погрузившись мыслями в прошлое, А. Е. вспомнил премьеру пьесы «В степях Украины», которая состоялась в театре имени Ивана Франко в 1940 году. Я имела счастье видеть этот спектакль, быть свидетелем горячих дискуссий вокруг пьесы. К сожалению, эти дискуссии не всегда были объективны. Не все тогда поняли пьесу. Некоторые критики обрушились на автора с позиции вульгарного социологизма. И в чем только автора не обвиняли!

В тот день А. Е. много мне рассказывал о сложном пути его пьес от написания до премьеры.

«Все думают, — сказал он, — что мне все легко дается. А ведь мои пьесы не обходятся без довольно жесткой критики. Так было с «Богданом Хмельницким», «Фронтом». А что уж вынесли «Крылья»!.. Проходит время, и все почему-то забывают об этом», — с огромной болью и горечью сказал А. Е., вздохнув.

И вдруг снова усмехнулся: «А вообще я самый счастливый и несчастный драматург».

Счастливым тем, что мне никогда не приходилось носить свои пьесы по театрам. Я не успевал закончить работу, как уже приезжали режиссеры, звонили, просили дать пьесу.

Это прекрасно.

А с другой стороны, мне больно: режиссеры соревнуются между собой, кто первый поставит. Лучше бы соревновались за то, кто лучше поймет мою мысль, глубже раскроет образы, увидит то, что стоит за текстом...

Два года я работаю над пьесой. Поверь, мог бы написать быстрее, но, зная спешку при постановках (к сожалению, к этому очень часто принуждает материальное положение театра), я должен много раз проверить каждый диалог, каждое слово. Нужно написать так, чтобы ни при каких обстоятельствах не было провала пьесы. Ты помнишь «Платона Кречета» в сельском клубе?»

Действительно, этот спектакль может быть ярким подтверждением его слов. Вот как это было.

Ехал как-то А. Е. на встречу с избирателями. Я была с ним. В одном селе остановились возле магазина и видим: от руки написана

афиша, что в клубе будет сыгран спектакль «Платон Кречет» в постановке учеников старших классов местной школы. Ну, конечно, пошли и мы туда. Заходим, а там полон зал людей. На сцене стоял стол, а чуть дальше сидели исполнители ролей. Когда подходила реплика одного из них, он или она приближались к столу и четко проговаривали текст, глядя в зал. Они почти не общались между собой. Люди нас не замечали, они очень внимательно следили за событиями, которые разворачивались на сцене. Мы простояли почти до конца этого необыкновенного спектакля. Вышли потрясенные. Были и удивлены, и обрадованы.

Когда сели в машину, А. Е. сказал: «Вот так я и дальше должен писать. Дело, как видишь, не в эффектных мизансценах, а только в правде, в глубине образов, лаконичности...»

16 мая 1967 года

Ура! Саша закончил свою комедию!

Он давно рассказывал мне о своем замысле. Тогда пьеса условно называлась «Золотая свадьба». Сейчас эта уже готовая комедия называется «Мои друзья».

Я имела счастье наблюдать процесс работы. От замысла и до последней точки.

Нелегко все давалось. Меня удивляло: так красочно он тогда рассказывал эпизод за эпизодом, описывая главных героев, и, казалось бы, остается все это изложить на бумаге.

Оказалось, как говорит А. Е., они не стали ему близкими, родными. Не стали для него реальными людьми. Он их еще не ощутил, не услышал их голосов. «Когда они постучат в мое сердце, тогда я не смогу не сесть за стол», — говорил А. Е.

И вот, наконец, он пишет...

Долго ищет реплику к началу первого действия. «Она должна быть действенной, чтобы сразу завладеть вниманием зрителя», — говорит А. Е. И, как пример, вспоминает начало пьесы «В степях Украины»: «Занавес еще не раскрыт, а зритель уже слышит полицейский свисток, крик. Он уже становится свидетелем какой-то скандальной истории».

Возвращаюсь к «Моим друзьям». Начало найдено. Первое действие А. Е. переписывает много раз, а дальше все меньше и меньше исписанной бумаги идет в корзину, что возле стола. Во время работы А. Е. очень часто разговаривает, проверяя «на слух» диалоги героев. Кабинет у А. Е. — большая комната. Это не случайность, не каприз, а необходимость для него как для драматурга. Это дает ему возможность расставить своих персонажей в своем воображении, как на сцене. И только сейчас я поняла, почему в пьесах Корнейчука такие точные ремарки.

Начинает работать А. Е. в восемь часов утра и заканчивает где-то в три. В доме должна быть тишина. Вот поэтому А. Е. так любит писать на даче в Плятах. После обеда — отдых, а вечером он снова садится за стол или ведет разговор о новой пьесе. Я написала «разговор», но это не совсем так. Скорее это «монолог» А. Е. А я слушаю внимательно. Ему нужен такой слушатель, чтобы проверить себя.

С друзьями и знакомыми А. Е. замыслом почти не делится. На вопрос «Над чем работаете?» он отвечает шуткой.

И вот, наконец, пьеса готова. Начинаю печатать ее. От «Золотой свадьбы» осталось очень мало. Я спрашиваю, почему так. А. Е. отвечает: «Сейчас, как видишь, мои герои ожили и сами ведут меня. Они часто действуют не так, как мне раньше хотелось...»

Ноябрь 1967 года. Москва

Вчера мы шли по улице Горького, и, когда почти подошли к дому ВТО, А. Е. остановился и сказал:

НЕВНИКА

Валерий Чкалов и Александр Корнейчук. 1939 г.

«Вот здесь в 1938 году я встретил Алексея Николаевича Толстого. Мы поздоровались, и он своим громким голосом спросил: «Что привез?» «Богдана Хмельницкого», — ответил я, — хочу прочесть его в Малом театре».

«Нет, — говорит Толстой, — ты будешь читать у меня дома. Я первый написал про Петра, а ты про своего Богдана. Это большое событие для наших культур, и нужно, чтобы твою пьесу послушали и другие представители интеллигенции Москвы, а не только Малый театр».

На следующий день вечером А. Е. сидел в большом рабочем кабинете А. Н. Толстого, где собралось много гостей. Среди них — известные актеры, критики, режиссеры, писатели...

Когда автор окончил читать пьесу, поднялся Пров Садовский и сказал, что «Богдан» должен быть поставлен в Малом театре. Пьеса народно-романтическая, она в духе традиций Малого театра.

Так и порешили.

Мы уже возвратились в гостиницу, а А. Е. все вспоминал об огромном успехе пьесы, о лучших ее постановках... А потом он замолчал, долго о чем-то думал и сказал:

«Долг каждого писателя — написать хоть одно произведение из истории своего народа. Это даст ему возможность лучше понять прошлое, увидеть будущее. Писатель должен воспеть великую душу народа».

25 ноября 1967 года

Вчера состоялась премьера «Мои друзья» в театре имени Ивана Франко. Спектакль прошел блестяще. В конце спектакля зрители стоя приветствовали актеров и А. Е., долго не расходились.

Какой же нелегкий путь к этому успеху!..

Как бы мне хотелось, чтобы зритель узнал о том, сколько сил, терпения, нервов отдал А. Е. хотя бы за последние две недели перед премьерой... Он просиживал все дни на репетициях. Из нескольких брошенных вскользь реплик я поняла, что он далеко не всем удовлетворен, но сколько такта проявляет он, делая замечания актерам, как осторожно комментирует их игру. Он знает уязвимость актерской души, он не разрешает себе повысить голос. Но как он умеет радоваться актерским находкам!.. И все это — человек, который не выносит фальши на сцене. Если в жизни он иногда деликатно промолчит, если увидит неискренность, наигранность собеседника (правда, всегда потом упрекает себя за «ложную» интеллигентность), то фальшь на сцене его просто убивает. Дома я всегда вижу, сколько сил, энергии, выдержки стоит ему каждая репетиция...

На премьере, как и всегда, А. Е. сидит в директорской ложе. Точнее сказать — стоит в глубине ложи. Очень часто выходит в коридор курить, не может скрыть своего волнения. Сегодня я спросила: нельзя ли привыкнуть за столько лет к премьерам, нужно ли вот так волноваться? И вот что он мне ответил: «Понимаешь, прозаик написал роман, и он не знает, как его читают. Может, кто на первой странице уснул или вообще купил и поставил на полку, а драматург каждый раз держит публично экзамен. Публике нет дела, какой он — известный или молодой начинающий, ей безразлично, есть автор в зале или его нет. Ей интересно — она слушает, нет — кашляет, крутится, начинает беседу с соседом или вообще покидает зал... Каждый раз ждешь от публики: какой она вынесет приговор твоей работе. Вот и попробуй не волноваться...»

Январь 1968 года

...Новый год, как всегда, встречали у нас дома. ...Главным событием этого вечера был сюрприз Варвары Алексеевны (жены Остапа Вишни). Она принесла для А. Е. самый оригинальный, самый дорогой новогодний подарок — фотокопию выписки из дневника Остапа Вишни 1948 года. Наверное, в своем дневнике он дает характеристики многим писателям. Вот что он пишет об А. Е.:

«А. Е. Корнейчук. Много сделал для развития советской драматургии. Талант? Да — талант. Молодой он еще — 43 года. Думаю, что он еще много даст для литературы. Говорят: «баловень». А почему другие не могут быть «баловнями»? Выходит — нет того, за что делаются «баловнями». Умница Александр Евдокимович! Попробуйте статью на его место! Это — нелегко! А он, Корнейчук, с честью ведет себя и литературу. Это — очень тяжело! Болеет, — выбаливает и дает! Завалило человека славой, с головой в славе, дышать нечем! А вот Корнейчук, поднял голову из этого шквала, отряхнулся, и показалось хорошее лицо настоящего человека! Попробуйте! Это не так легко! А кое-кто ходит в славе, вскочил в ту славу, как Сирко в дерть, — она уже сама от него отмахивается, а он хватается ее и прижимает к себе, прорехи закрывает... Осыпятся... Ничего не сделаешь! Ничего!»

Июль 1968 года

Ездили на родину нашего друга — актера Михаила Заднепровского, в Каменку. Поехали мы всей нашей компанией в Холодный Яр шашлыки жарить. Миша Заднепровский — великий мастер этого дела! Приезжаем туда, а там много собралось народа, под большим

А. Е. Корнейчук за работой. 1969 г.

С экипажем танка «За Советскую Украину», построенного А. Е. Корнейчуком на Государственную премию СССР. 1942 г.

Александр Корнейчук и Михаил Шолохов. 1955 г.

казаном горит огонь. Оказывается, что каждый год в это время собираются здесь бывшие партизаны. Ну и пошло «братание» искусства с партизанами! Смотрю, к А. Е. подошла маленькая женщина, и начался у них разговор. Потом А. Е. зовет меня. Когда я подошла, он с улыбкой говорит: «Послушай, что рассказывает Галина Степановна!» А Галина Степановна смотрит на А. Е. и тоже улыбается: «Ну и хитрый же ваш А. Е. Делает вид, что впервые слышит обо мне. Признайтесь, кто из наших бывших партизан вам рассказал обо мне?» Я почувствовала, что неспроста такой радостью блестят глаза драматурга, и говорю Галине Степановне: «Расскажите лучше сами, а то мало ли, как кто расскажет». Передаю почти дословно рассказ Г. С. Лисаченко:

«Смотрели мы с мужем в Черкассах в театре пьесу А. Е. «Мои друзья». И как только начала говорить Варвара о партизанской жизни, о том, как она хлопцам борщ варила, то я сразу догадалась, что это вы, А. Е., обо мне написали. Давайте, дорогой А. Е., на добрую память сфотографируемся».

8 апреля 1969 года. Плюты

А. Е. закончил свою новую пьесу! Сейчас она пока без названия. Писал очень быстро. Он работал на первом этаже, а я на втором, в нашей спальне, перепечатывала. Бывало, беру у него листок с текстом, чтобы печатать, а там так написано, что я еле-еле могу разобрать, иногда даже написано полслова. Я спрашиваю у А. Е., почему это, а он смотрит на меня абсолютно с детским выражением и говорит: «Они (я понимаю, это он о действующих лицах) очень быстро говорят, и я не успеваю за ними записывать». «Они» уже для него не выдуманы, а реальные люди,

которые живут вместе с ним. Правильнее — он сейчас живет их жизнью. Несколько дней тому назад, когда он заканчивал работу над финалом, произошел такой случай. Мне показалось (я была на втором этаже), что А. Е. с кем-то громко разговаривает, через некоторое время, слышу, плачет. Побежала к нему, а он сквозь слезы говорит: «Пат умер, пришла телеграмма...»

Когда-то я читала, что Горький, работая над «Егором Булычовым», потерял сознание, так он ощутил боль своего героя. Теперь я собственными глазами увидела, как автор страдает со своим героем...

20 сентября 1969 года. Королина-Бугаз

Вчера была плохая погода, ветер, моросил дождь, и мы почти весь день просидели на веранде. Я благословляю этот ненастный день. Такая погода располагает к воспоминаниям. А. Е. вспомнил, что в Одессе писал «Платона Кречета». Рассказал, как ходил в больницу, чтобы изучить работу хирурга, как однажды ночью на одном дыхании без поправок написал монолог Христины Архиповны...

Потом А. Е. начал рассказывать о своем детстве. Сколько ему пришлось выстрадать! Когда умер отец А. Е. и маме было очень тяжело с детьми (их было четверо), она старшего сына — Сашу — отвезла в село к богатому родственнику. Как издевался он над Сашей!.. Не вынес такой жизни Саша и удрал в Христиновку к маме. Посмотрела на него мама — и горько заплакала: ноги в цыпках, худой такой, что только одни глаза на лице, голова в колтунах...

После таких грустных воспоминаний А. Е. не мог не перейти на веселый рассказ о том,

как он был помощником печника. Если заказчик хорошо их кормил и должен был хорошо рассчитаться за их работу, то мастер говорил: «Саша, работаем под песню: «Эх вы, сани, мои сани» — значит, быстро, а когда заказчик был скупой, долго торговался о цене, они работали под песню — «Разлука, ты, разлука, чужая сторона» — медленно.

Когда А. Е. в 1924 году, уже будучи студентом рабфака Киевского института народного образования, приехал на каникулы в Христиновку, райком комсомола включил его в агитбригаду. «Моим заданием было, — говорит А. Е., — выступать с речами. И знаешь где? На базарах. Становился на телегу и очень громко рассказывал о международном положении, о событиях внутри нашей страны. Собиралось много людей, чтобы выслушать меня, ведь я приехал из самого Киева!..»

16 февраля 1970 года. Москва

У А. Е. оказался свободный вечер, и мы решили пригласить к себе в номер друзей. А. Е. позвонил Евгению Рубеновичу Симонову и Георгию Ивановичу Суликошвили — режиссеру Сухумского театра.

Я хлопотала около стола и не слышала, с чего начался разговор о «Фронте». Обратила внимание, когда А. Е. сказал: «Никто мне никакого задания не давал. Я был на фронте, все видел своими глазами и не мог молчать. Это был мой, я не боюсь этих слов, долг коммуниста. Когда в моей душе созрела пьеса, я попросил командование отпустить меня с фронта. Дали мне отпуск на один месяц. За этот месяц я написал «Фронт». Не знаю, смог ли бы я в мирной обстановке написать такую пьесу за столь короткое время...»

«ПИШУ САТИРИЧЕСКУЮ КОМЕДИЮ...»

Этот неоконченный киносценарий А. Корнейчук начал писать в 1968 году. Тему его сценария подсказала сама жизнь.

Мы направлялись из Киева в Асканию-Нова. Ехали целый день. К ночи добрались до Запорожья. Александр Евдокимович, я и шофер, усталые, решили отдохнуть в запорожской гостинице. Когда мы зашли в вестибюль, было уже около десяти часов вечера. Александр Евдокимович стал в очередь к администратору. Возле окошка стояли два человека. Они получили номер, а Александру Евдокимовичу (он, конечно, не отрекомендовался дежурной) было сказано в очень невежливой форме, что мест в гостинице нет...

К нам подошел один из тех «счастливиц» и тихо сказал: «Положите в паспорт деньги, и номера на одну ночь у вас будут». Александр Евдокимович посмотрел на меня и говорит: «Вот сюжет для фельетона — Председатель Верховного Совета СССР дает взятку». Конечно, номера мы в ту ночь получили, правда, не тем путем, который предложили наши доброжелатели. На следующий день в пути Александр Евдокимович был непривычно молчалив, а вечером решительно сказал: «Все! Нельзя молчать, когда хамство, взяточничество так поднимают голову. Пишу сатирическую комедию».

К сожалению, загруженность неотложными делами не дала осуществить авторский замысел, началом которого остались эти странички, переносящие нас в мифические времена всемирного потоп...

М. Корнейчук.

Горит небо... Молнии рассекают тучи, грохочет море... День и ночь идет дождь.

На склонах гор режут звери. Люди лезут на гору, но стремительные потоки смывают их вниз. На море появляется дивный корабль. Он подходит все ближе и ближе. Кричат на склонах гор люди, машут руками. Корабль подошел близко к горе, и мы читаем:

«НОЕВ КОВЧЕГ», а ниже — «350 брутто-тонн».

С ковчега в иллюминаторы высунули головы звери.

Жирафы. Чего они кричат?

Обезьяны. Чтобы мы их спасали.

Лев. Дураки. Лучше утонуть, чем столько дней качаться.

На палубе около руля полуголые люди. На капитанском мостике сын Ноя — Яфет. Он поднял рупор из пальмового листа, дал команду:

«Право на борт, мальчики!» С большими усилиями поворачивают руль почти голые толстые люди.

Яфет. Спустить паруса!

На мачту полезли худые люди. Смотрит на склон горы Яфет. Ревут звери. Протягивают руки к ковчегу люди, кричат: «Спасите... Ной... Ной!» Поднял рупор Яфет и крикнул людям.

Яфет. Внимание! Внимание! Внимание!

В горах отозвалось эхо.

Вокруг ковчега плавают люди...

Стоит на нижней палубе сын Ноя — Хам со здоровенной дубиной в руках. И если только кто из людей подплывает к ковчегу, Хам с исключительной радостью бьет по головам дубиной. Подплыла красивая девушка. На лице у нее очаровательная улыбка. Она подняла рукой драгоценное ожерелье, подмаргивает Хаму, высоко подняла руки, показывая перстни. Хам застонал, оглянулся и протянул девушке дубину. Девушка схватила ее. Тянет ее Хам на палубу, кричат люди из воды.

Люди. Взятчик! Взятчик!

На нижней палубе появляется Черт. Удивленно смотрит на Хама, что уже успел вытянуть девушку. Хам обнял девушку, снимает с ее шеи ожерелье.

Черт. Ай-я-я-й... Сын самого Ноя...

Хам снимает с рук девушки перстни.

Девушка. Оставьте мне этот перстень. Он мне очень дорог.

Хам. Давай все! Давай!

Черт (качает головой). Какой же ты хам!..

Хам оглянулся, Черт исчез. На палубе Яфет кричит в рупор.

Яфет. От имени и по поручению нашего великого, мудрого деда Ноя передаю вам, грешники: не тратьте сил, идите все ко дну.

Крик, рев...

Плывет ковчег... На дверях одной каюты висит табличка «Капитан первого ранга Ной». В дверь постучал Хам. С ним Яфет и Сим. Из каюты слышен стон.

В каюте на кровати сидит Ной. Перед ним Черт с большой папкой в руках, на которой написано: «Дело Хама», в скобках — «взяточничество, вымогательство, шантаж».

Ной стонет. Качается ковчег на больших волнах. Летят в каюте вещи. Еще удар. Ной чуть не упал. С головы у него слетает золотой нимб. Черт протянул руку к нимбу. С золотой стрелки ударила молния, и загорелась шерсть на руке у Черта. Тот вскрикнул. Ной подходит к Черту.

Ной. Говорил же, что никто не должен дотрагиваться, а ты... (Ной надел нимб.) Докладывай дальше.

Черт. Не впервые сын ваш взятки берет (показывает на папку). Читайте, это все факты.

Сцена из спектакля «В степях Украины». Костромской драматический театр имени А. Н. Островского.

Ной (читает, смотрит на Черта). Подлюга!
 Черт. Я?!

Ной. И ты (читает). И сегодня? Какая она?
 Черт. Такой очаровательной девушки не было на свете.
 Ной. Черненькая?
 Черт. Блондинка... А глаза...
 Ной. Приведешь ее сюда.
 Черт. Слушаю. А вот сколько пришло на вашего сына анонимок...
 Ной. Молчи! Анонимки ты сам пишешь. Я знаю вашу чертовскую душу. Сегодня повешу его на рее, а ее за борт!
 Черт. Вы не сможете — вы великий властелин.
 Ной. Не веришь?
 Черт. Нет! Никто в целом свете не может быть таким лживым, как Хам. Даже я, заслуженный Черт, учусь у него. Вы не устоите перед ним.

Ной. Молчи!
 Стук в дверь.
 Черт. Сыны ваши пришли.
 Ной. Прошу!
 Черт исчезает. Входят Хам, Сим, Яфет.
 Ной (стонет). Докладывайте.
 Яфет. На ковчеге может вспыхнуть бунт. Не только звери, но и люди начали реветь.
 Ной. Что они хотят?
 Яфет. Есть. Требуют увеличить паек.
 Ной. А где я им возьму?
 Хам. Нужно одну треть экипажа выбросить за борт, и паек можно увеличить.
 Черт (высунулся из-под кровати). Вот дьявол!
 Ной. Не грехи! Тебя и так в пекле ждут сегодня. (Смотрит на Сима и Яфета.) Что вы скажете?
 Сим и Яфет развели руками.
 Хам. Разрешите, отец.
 Ной (строго смотрит на Хама). В последний раз разрешаю.
 Хам. О наш великий, мудрый...
 Ной (резко перебивает). Без лести!
 Хам. Разрешите, великий властелин, организовать семинар для экипажа по изучению первой главы твоей бессмертной биографии, и люди забудут о голоде.
 Ной. Какая мудрая мысль. Гениальная идея. А вы что скажете? Сим и Яфет молчат.
 Ной. Чего молчите? Оглохли?
 Хам (подождал к Ное и тихо говорит). Они не почитают тебя, они ревизионисты.
 Черт. О, кто из нас черт?!

Ной (Симу и Яфету). Идите прочь.
 Сыновья вышли.
 Ной. Следи за ними внимательно.
 Хам. Слушаюсь, великий, мудрый властелин.
 Черт. Ты ж собирался его повесить...
 Ной. Что? (Поймал Черта за хвост и бьет его.)
 Хам (удивленно). Черта он не видит). Отец, что с вами?
 Ной. Черта бью.
 Хам. Вы б меньше вина пили, отец...
 Ной. Молчи! (Отпустил Черта.) Что ты сегодня там сделал? Говори!
 Хам. Вытащил красивую девушку из воды. Лучшая танцовщица в мире. Я организую самодеятельный оркестр. Всем будет весело, и про голод забудут.
 Ной. Блестящая мысль!
 Черт. Ну, кто из нас черт? А?
 Ной. (Черту). Молчи!
 Черт. Он взятку взял.
 Ной. Ты брал у нее взятку?
 Хам. Она дала мне на сохранение свои ценности. Можешь ее спросить. (Свистнул.)

Входит девушка, падает на колени перед Ноем, обнимает его ногу. Смотрит на Ноя и незаметно чешет ему пятку.
 Ной (улыбается). Ги... ги... ги... (Хаму.) Иди и смотри там...
 Хам. Отец...
 Ной (резко). Иди!
 Черт. О люди! Какие вы все черти!

Море бушует, летит ковчег. Коридор ковчег. Идет Хам. Дверь с табличкой «Салон I класса. Нечистым вход запрещен». В салоне сидят люди. Хам держит пальмовые листья и читает.
 Хам. Полстолетия тому назад, когда нашему мудрому, божественному властелину Ною... (дремлют люди) было пять лет, он уже тогда с гениальной прозорливостью ощущал, что настанет всемирный потоп и бледная цивилизация сгинет (аплодисменты), и наступит новая эра великой загорелой цивилизации. Аплодисменты!
 (Все аплодируют.)

Над дверью надпись: «Салон II класса. Нечистым вход запрещен». Табличка ниже: «Тихо. Идет репетиция».

В салоне стоят звери, в ритм веселой музыки они режут. Большая обезьяна с дубиной в руках дирижирует.
 Обезьяна (к слонам). Вы, мальчики, отстаеете. А ты, лев, реवेश не там, где нужно. Внимание! Начали!
 (Машет дубиной, режут звери.)

Перед Ноем девушка. На ее тонкой талии его нимб. Девушка танцует, вращая нимб вокруг талии. Ной с кубком в руках.
 Ной. Ех, ех, ех!.. (Танцует. Делает движения, как девушка.)
 Удар, качнуло ковчег. Упал Ной, девушка на него. Вбежал Яфет.
 Яфет. Отец, ковчег выбросило на гору.
 Ной. Какая гора?
 Яфет. Арарат!
 Ной. Браво!..

На репетиции «Фронта» в Малом театре с художественным руководителем театра народным артистом РСФСР И. Судановым. 1942 г.

Память сердца Владимир ПИМЕНОВ

С Александром Евдокимовичем Корнейчуком меня связывала долгая и теплая дружба. Дружить с Корнейчуком — это значило каждый раз попадать в мир высокого гражданского вдохновения, глубокого, сильного таланта, кипучей общественной деятельности. Рядом с Корнейчуком по-иному выглядели и близкие ему люди, его окружение — так богат и многогранен был этот характер.

...Шел 1941 год. Это было в Воронеже. Мне в то время пришлось заниматься радиовещанием, готовить выступления писателей, деятелей литературы, театра. Однажды в студию пришел молодой бригадный комиссар с ромбом на воротнике гимнастерки. Так впервые встретился я с Александром Корнейчуком, на фронте началась наша дружба.

В 1946 году Корнейчук прочитал в Театре имени Вахтангова комедию «Приезжайте в Звонкое». Я тогда был директором этого театра. Академические сцены тех лет не заинтересовались этой, вроде бы незатейливой комедией. Вахтанговцы же увидели в ней большую мысль. Корнейчук предостерегал от легкомысленного подражания западному образу жизни, с которым мы так тесно познакомились, спасая европейскую цивилизацию от фашизма.

Дружба Корнейчука с Театром имени Вахтангова окрепла, когда мне поставлен спектакль «Макар Дубрава». И снова одним из первых Александр Евдокимович поднимал на послевоенной сцене так называемую производственную тему, но раскрывал ее в крупных и сильных характерах. Когда после спектакля в уютной квартире режиссера театра, ученицы Вахтангова Александры Ремизовой, мы собирались, чтобы поговорить о впечатлениях дня, душой общества, даже при таком блистательном собеседнике, как Рубен Симонов, становился Корнейчук. Он тепло, дружески разбирал спектакль, рас-

сказывал о своих поездках, шутил. Но и в шутках его всегда сквозило нечто существенное для дела.

Много раз встречались мы с Александром Евдокимовичем, когда он готовил доклад на II съезде писателей. С каким волнением, с какой огромной душевной ответственностью относился он к этому. Он тогда перечитал много пьес, внимательно и заботливо беседовал со своими коллегами-драматургами, встречался с театральными критиками, чтобы как-нибудь чего-либо не упустить, не забыть.

Каждая из встреч с Корнейчуком запомнилась чем-то неповторимым. Когда Александр Евдокимович приезжал в столицу, он просил, чтобы к нему пришли его московские друзья послушать новую пьесу. Так познакомился я с пьесами «Приезжайте в Звонкое», «Партизаны в степях Украины», «Калиновая роща», «Над Днепром», «Крылья»... Но до того, как Александр Евдокимович начинал читать, он рассказывал о том, что делается в мире. Он много ездил, активно участвуя в борьбе за мир. Рядом с Корнейчуком нельзя было оставаться аполитичным, ты словно и сам становился выше, значительнее, его звучная поэтическая речь, по-украински певучая, пересыпанная крепкой солью юмора, никого не оставляла равнодушным. А потом начиналось слушание пьесы. Корнейчук читал удивительно, как бы уже видя тех актеров, для которых он писал. Но вот прочитана последняя страница. И было видно, как робеет этот большой человек, как ждет замечаний, трепетно, боязливо, но ждет и, что главное, умеет их слушать.

Последний раз я слышал, как читал Корнейчук пьесу «Память сердца», поставленную затем в Театре имени Вахтангова. Символично звучит сегодня это название! Память о Корнейчуке — это живая память сердца о замечательном человеке, художнике и гражданине.

Виктор ЖУК
Фото автора

Кузнец своего счастья

ТРИ ВОПРОСА ГЕРОЮ, АВТОРУ И ЧИТАТЕЛЯМ.

Сегодня мы знакомим читателя с человеком, который в буквальном смысле куёт свой жизненный успех. Кузнец-штамповщик Минского автомобильного завода, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии Белоруссии, депутат Верховного Совета СССР Евгений Александрович Шуляк. Есть у него еще одно звание — «Лучший кузнец города-героя Минска». Как мастер своего дела он часто делится с другими опытом производственным. Попросим его поделиться и опытом кузнеца своей судьбы. А может быть, и своего счастья?

НАДО ЛИ РОДИТЬСЯ В СОРОЧКЕ!

Так написали о нем однажды в заводской многотиражке: родился в сорочке. И получилось, что дальше пошел-поехал по жизни, словно по накатанной дороге, к наградам и званиям, к признанию. Все просто: везунок.

Потому первым делом захотелось мне, конечно, узнать, что это за «сорочка».

Рос Шуляк без отца. Работал тот в Логойском райкоме партии и погиб в первый месяц войны, когда Жене и двух лет не исполнилось. Детей мать увела из родной деревни Жирблевицы в Палицкий партизанский лагерь, там почти всю оккупацию и пережили. Трудности блокадного быта среди болот сказались у Евгения через восемь лет после войны: резистизм. В больнице и дома прошли два долгих года. Когда сверстники уже учились в училищах и техникумах, он не окончил даже восьмилетки. Как жить дальше?

Для начала стал бегать. Хоть боль и валила с ног через километр-другой, с каждым днем расстояние увеличивал. Единственный мужчина в доме, он потихоньку становился в нем хозяином. А что это значит в деревне, все знают. Пошел работать в колхоз. Прицепщиком на трактор. Очень старался. Это заметили и направили его учиться в Смолевичское училище механизации. И радовался Женя и тревожился: как пройти отборочную медкомиссию? И сгубил-то еще с трудом, а главное — сердце сдавало. Казалось парню: забранует комиссия — тут уж полный крах в жизни... Врачи, конечно, спросили: что с сердцем? «Не поел с утра, опаздывал, бежал...» — сбивчиво врал Евгений. Обследовали его долго, с сомнениями. Наконец сказали: «Ладно. Учись».

И он окончил училище с отличием. А таким выпускникам сразу выдавали в хозяйствах новую технику. Даже ветераны-механизаторы Шуляку позавидовали: лучшим был его «ДТ-54» в колхозе «Красная Логойщина». Пришлось донашивать, что неспроста он, юнец, получил такую машину.

Поля были трудные, каменистые. И, главное, камни — не только сверху, но и глубже, в земле. Напорется плуг на такой «потаень» — лемеха в дугу загибаются. В таких случаях ехал Евгений к ветхому сараючику у чистого ручья — в колхозную кузницу. Хозяйничал там дядька Михась — старик, который не мог уже и кувалдой как следует махнуть.

Снимал Шуляк лемеха, сам нагревал их в горне, сам выпрямлял. Удавалось это ему, «слабаку», получше, чем другим. И тогда уже понял Евгений: даже в таком тяжелом деле, как кузнечное, не все от силы зависит. Хватка да смекалка нужнее.

За первый год работы он опередил многих опытных механизаторов и получил первую свою награду — Почетную грамоту ЦК комсомола республики. Счастливая была минута...

А если уж про счастье тут говорить, то в родном селе Евгения никогда его не связывали с «сорочкой». Считали: счастлив тот, кто смолоду не пересевал свое поле — у него больше возможности снять урожай до осеннего нежасты. И вот ведь незадача: по такой мерке нет вроде бы у Шуляка оснований быть счастливым. Он свое поле не то что пересевал — покинул...

После службы в армии домой не вернулся. Не потому, что рвался в город. Просто любимая девушка вышла замуж за другого.

В отдел кадров Минского автозавода Шуляк и двое его товарищей по службе поехали, не сняв даже армейской формы. Там им сказали: «Люди нужны во все цеха. Но особенно — в кузнечный, самый трудный. Коммунистов прошу это учесть». И отправили на экскурсию.

Первое, что ощутил Евгений в кузнечном, — запах жженого металла, знакомый и волнующий, такой же, как в деревенской кузнице. Но не только поэтому он тут остался. Тогда уже был Шуляк коммунистом.

По сей день бок о бок с Шуляком работают его товарищи — лауреат Государственной премии БССР Василий Свириденко и кавалер ордена Трудовой Славы Михаил Сурко. И по сей день благодарны они тогдашнему начальнику отдела кадров, что честно предупредил: будет трудно, очень трудно. Очки не втирал, скорых радостей не обещал. Теперь уж сам Шуляк, знатный кузнец, работает на завтрашний день родного завода — выступает в школах, профтехучилищах и рассказывает про жизнь настоящую, порой далекую от романтических школьных иллюзий.

Нет, не согласен Евгений Александрович с теми, кто настраивает молодых на работу только как на радость. Работа есть работа. Всякое бывает. Как говорится, когда скоком, а когда и боком. Что ж, искать другое место или работать «по настроению»? Но уж больно это непостоянная вещь — настроение.

Недавно после смены на автобусной остановке к нему подошел молодой человек.

— Я вас знаю, по телевизору видел. Скажите, как вы стали героем труда?

— Сам ты где работаешь?

Оказалось, тоже на автозаводе. Тут Евгений Александрович немного растерялся: такой странный вопрос от рабочего... И ответил:

— Надо просто работать. Добросовестно, хорошо.

А парень смотрит на него с сомнением. И читается в его глазах вопрос: неужели все так просто?

Что тут было отвечать? Вспомнилась вдруг недавняя встреча со старшенкласниками. Поразили его ребята. Прежде всего одеждой. На некоторых парнях и девичках тысячи по полторы-две рублей завернуто, на пальцах и в ушах блестит золото. И вот один шикарный десятиклассник уже на школьном крыльце Шуляка догнал и спросил:

— Вам не кажется, что вы зря потратили двадцать лет? Как начали простым рабочим, так и сейчас... Наверно, вам вовремя не помогли. А то б вывели на орбиту — дали хорошую должность, и можно бы парить в свободном полете...

Разглядывал Евгений Александрович парня, понимая, что разговором его не переубедишь. Видимо, многое упущено в воспитании человека, который сам не заработал сотой доли того, что на нем надето, и считает, что нужно всегда так жить — в беззаботном парении...

И все-таки сказал ему Шуляк, что жизнь надо строить своими руками. И хозяином жизни только тогда можно стать, когда руки твои

будут по-настоящему золотыми — руками мастера.

То же он и своему товарищу-мазовцу ответил.

Так и родных детей наставляет. Жанна, десятиклассница, одевается скромно, вечерами в барах не просиживает. Другие интересы. Она уже мастер по лыжному спорту... Саша только что окончил ГПТУ при автозаводе. Кое-кто спрашивал Шуляка: что ж ты, не мог родного сына в институт пристроить? Ответ был один: занял бы сын чужое место — не нашел бы в жизни своего.

Работает теперь Саша рядом с отцом — в кузнечном. Случается, просит:

— Папа, есть неувязка... Поговори с начальником цеха. Может, скорей разберутся...

— Нет, — отвечает Евгений Александрович. — Ты человек взрослый. Свои дела сам решай.

Снажет, а потом мучительно раздумывает: как же это выходит, что даже рабочие люди с таким свыкаются — дескать, добиться чего-то можно только при поддержке со стороны, «слева»?.. Нет, нельзя с этим мириться. Он, Шуляк, считает: надо, чтоб положение человека всегда определялось тем, что он сам собой представляет, что и сколько дает обществу. Чтоб и должностям, званиям и привилегиям всегда и все шли прямой дорогой, а не окольными «орбитами».

МОЛОТ ИЛИ НАКОВАЛЬНЯ!

Со стороны кажется, что все просто в кузнечном деле: стучит молот, то одним, то другим боком поворачиваешь раскаленную заготовку на наковальне, разлетаются искры, и поковка податливо принимает нужную форму... Но вот поставили новоиспеченного кузнеца Шуляка на однотонный, самый быстроходный, паровой молот, который не ходил, а летал вверх — вниз, вверх — вниз... Чуть-чуть не рассчитал силу удара, и вместо поковки — блин. Зевнул на мгновение — сломал клещи... Сначала выглядел Евгений перед молотом, как наковальня перед ударом. Даже голову в плечи втягивал. Не он молотом командовал, молот — им.

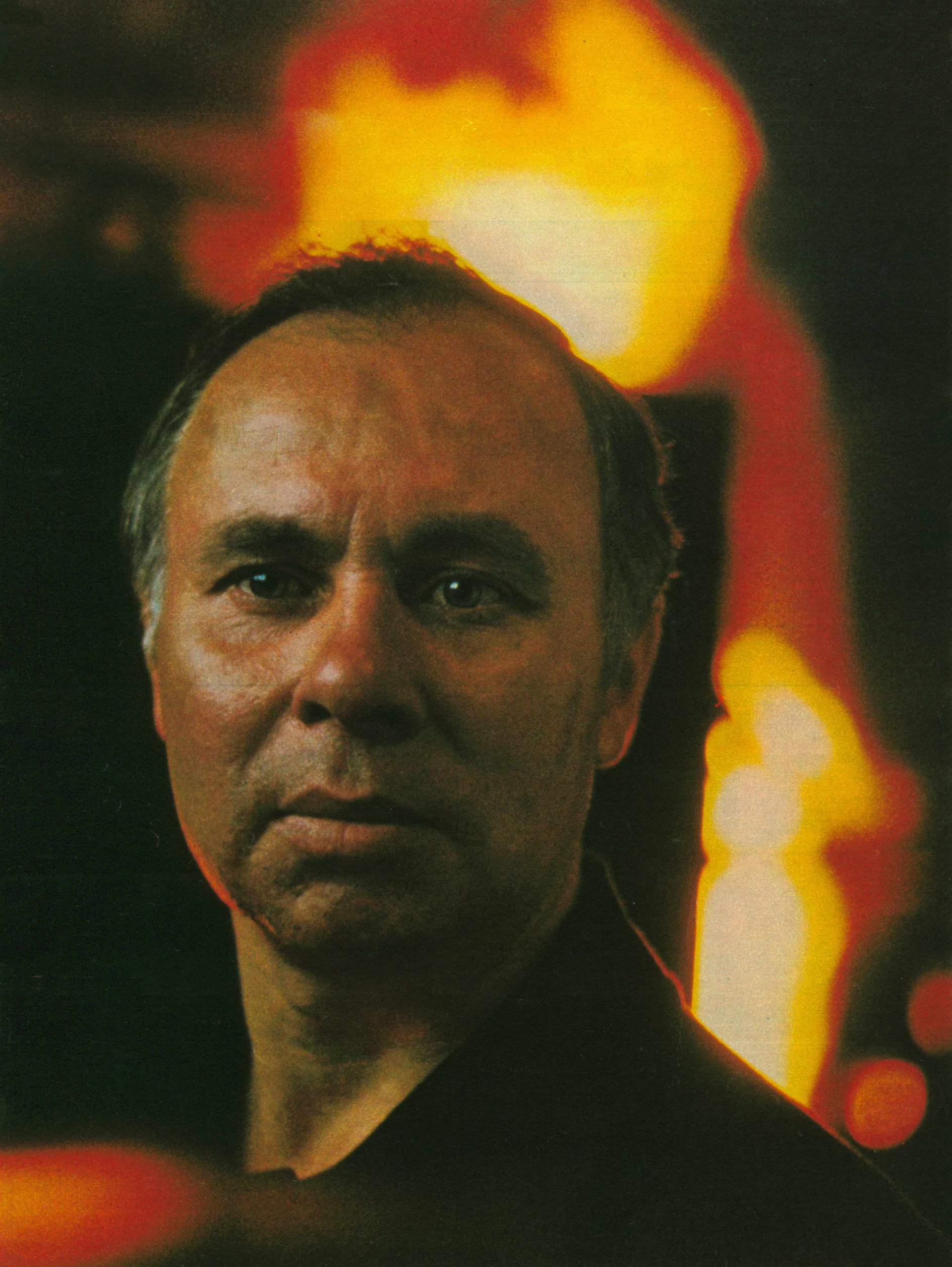
Соседи по участку были мастерами высшего класса. Например, Виктор Глушков. Вот и присматривался Евгений к товарищам. И много тонкостей обнаружил в «простом» ремесле. А поработав всего год, Евгений уже думал над тем, что же мешает ускорить работу молота. Отметил, что сам он делает много холстых движений: заготовку из печи берет и подносит к наковальне. А для этого надо повернуться от молота на 180 градусов. И так две тысячи раз за смену.

Правда, заводские инженеры пытались помочь. Разработали транспортер, но проблему решили только наполовину: кузнец по-прежнему поворачивался к столу подachi, хоть уже только на 90 градусов. И вспомнил Евгений те злополучные камни, что перекатывались под плугом. А если ленту транспортера заменить наклонным желобом? Заготовка по нему подкатываться будет. Добавим сюда крохотный отбойник, и она сама ляжет на наковальню. Это рационализаторское предложение внедрено теперь во всем цехе — производительность труда кузнецов увеличилась на восемь процентов.

На этом Евгений Александрович не остановился. Металл, из которого нуются детали «МАЗа», — высокого качества. И стоит недорого. Однако чуть ли не половина его, снажмет, при штамповке шатуна, шла в отходы из-за конструкции штампа. Шуляк переделал и этот штамп и некоторые другие. Из одной болванки одним ударом молота стал ковать две детали. Прикинул, что таким образом цех сэкономит десятки тонн стали в год, сотни — за пятилетку. Возросла б на четверть и производительность труда. Предложил внедрить метод для всех.

См. стр. 18. ▶

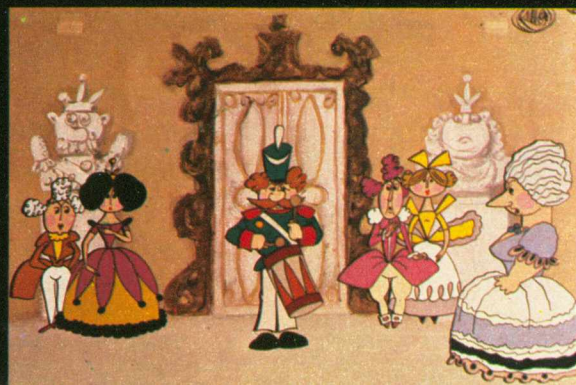

ПРИВЕТ
ИЗ
ПРОСТОКВАШКА

Евг. ГОРТИНСКИЙ
Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Э

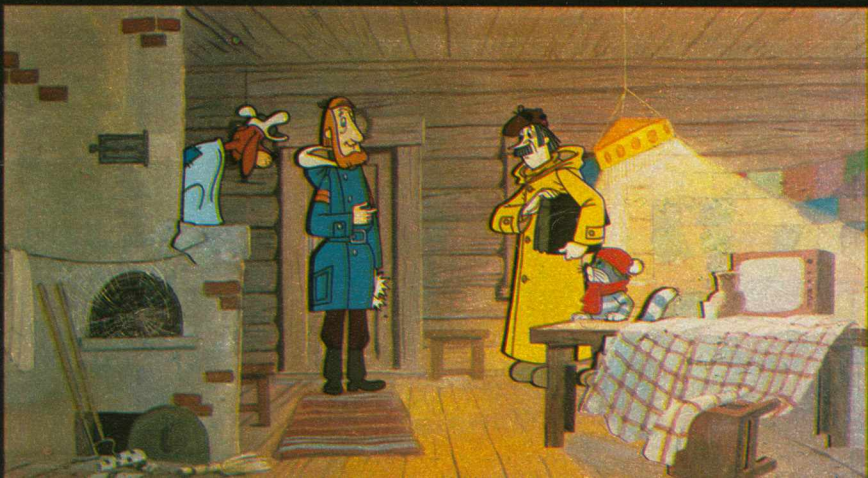
та студия не похожа на привычную. Здесь нет громоздких декораций. Не так часто увидишь популярных артистов. Скорее, все напоминает учреждение, где сотрудники занимаются серьезными, совсем невеселыми делами. А большой зал, где десятки людей в белых халатах склонились над столами, похож на научную лабораторию. Но именно здесь оживают эскизы художников-постановщиков. Здесь колдуют мультипликаторы, рождая чудесный мир рисованных фильмов.

Каждые десять дней «Союзмультфильм» выпускает новую ленту и отправляет ее в путешествие по стране, а то и по земному шару. Коридор на втором этаже, словно галереями, увешан разноязычными дипломами, а призма за стеклянной витриной тесно. Канны, Тампере, Тегеран, Загреб, Лейпциг, Лондон, Венеция...

«Союзмультфильм» был создан в 1936 году. Рисованные киноленты становились тогда все популярнее. Доб-

рую славу им принесла изобретательная выдумка Наталии Сац. В детском театре поставили спектакль «Про Дзюбу». О мальчике с неумной фантазией. Ему было скучно умыть, одеваться, ходить в школу, и он начинал выдумывать города Перепутки и Наоборотки. В театре фантазии проецировались прямо на декорации. Спектакль шел среди необычайно ярких пятен, где избы стояли вверх тормашками, печной дым залезал в трубы, а вода устремлялась в фонтаны.

Новая студия поселилась на Поварской, там, где сейчас Театр киноактера.

— Сам я отдал себя русской народной сказке, — говорит Иванов-Вано, известнейший мастер мультипликации, отметивший недавно свое 85-летие. — Сделал около шестидесяти фильмов, из них девять полнометражных. В тридцать четвертом году видел в 1-м МХАТе «Лешую» с кустодиевскими декорациями и загорелся желанием поставить мультипликационный фильм. Поставил его, правда, через тридцать лет. Но зато был вознагражден: когда однажды зашел разговор, в каком театре Леша лучше, Борис Андреевич Бабочкин сказал: «И спорить тут нечего — в кино, у Иванова-Вано».

Недавно вместе с Л. И. Мильчиным И. П. Иванов-Вано сделал полнометражную картину «Сказка о царе Салтане».

Производственное объединение объемно-кукольных фильмов находится в одном из старых арбатских переулков.

Из-за стекла большой, почти во всю стену витрины смотрят на прохожих разные-разные куклы. Автор многих из них — Олег Пантелеймонович Масаинов, поистине профессор кукольных дел.

Есть куклы из резины, пластмассы, дерева, материи, поролона, пластилина, есть вообще собранные с миру по нитке. У гоголевского Ноздрова несколько сменных лиц: смеющееся, сердитое, печальное. Для другой куклы потребовалось семнадцать сменных голов. Есть глаза, которые вертятся, как костяшки на счетах, глаза атыкающиеся, как вилка в розетку. Глаза на магнитах... Недаром на изготовление одной куклы, как правило, уходит двадцать дней. Да и делает ее не один человек, а несколько.

Режиссер Иван Уфимцев сейчас ставит фильм «Великое закрытие». На макетах, в ярком свете софитов — пустыня, пальмы чуть больше подснежников и уже знакомые ребятам герои — Удав, Мартышка, Попугай и Слононок. Раньше Уфимцев работал режиссером в театре. Однажды ему позвонили: «Вы не хотите поставить фильм?» Это было так неожиданно, что Уфимцев растерялся: «Надо подумать». А подумав, решил, что мысль сама по себе не так уж плоха. Ушел на студию и в театр не вернулся.

Мультфильмы доставляют радость детям и взрослым и как бы между делом преподают малышам первые серьезные уроки. Как-то Уфимцев собирал в лесу грибы и услышал за кустами разговор ба-

бушки и внуки. Внучка ни за что не хотела класть найденный ею гриб в корзинку — мой, и все тут. И вдруг бабушка сказала: «А чьи в лесу грибы? Ты же знаешь, грибы в лесу общие». Уфимцев ахнул от радости, словно получил медаль на кинофестивале, — это ж была его нехитрая педагогика из фильма «Чьи в лесу шишки».

Вместе со студией «ДЕФА-трик-фильм» делается сейчас кукольная лента «Падающая тень» (режиссер С. Соколов).

На макете — восточный город. Площадь. Народ. Кто-то едет на коне. Художник-мультипликатор склоняется над куклами. У коня на миллиметр поднял ногу, чуть опустил другую, у всадника повернул лицо, еле отогнул плечо. Почти неприметные глазу изменения коснулись разных фигурок. Сработал затвор. Есть кадр. И снова художник склоняется над макетом. В день снимается 144 кадра. Это шесть секунд экранного времени. За неделю набегает полминуты. На картину уходит восемь месяцев. И все эти месяцы художник-мультипликатор держит в голове перемещения своих подопечных в пространстве и времени...

В палитре художников-мультипликаторов 250 самых разных красок. Сколько красок и оттенков в палитре создаваемых на студии фильмов, сосчитать, наверное, невозможно.

А сколько еще дополнительных тонов и полутонов должны дать своим ожившим героям артисты, озвучивающие фильм... Студия может гордиться целым созвездием прекрасных имен. Анатолий Папанов, Ростислав Плятт, Клара Румянова, Олег Табаков и многие, многие другие давно подружился с персонажами мультипликации. Какое-то время голос, записанный на пленку, и герой, который еще только начинает передвигаться, живут сами по себе. Но вот фильм выходит на экран, и теперь мы уже не мыслим, что у Волка может быть какой-нибудь другой, а не папановский голос.

Режиссер Юрий Норштейн, художник Франческа Ярубцова и оператор Александр Жуковский получили Государственную премию СССР за свою ленту «Ежик в тумане». Следующая картина Норштейна, «Сказка сказок», собрала призы, кажется, во всем мире. А сейчас он взялся за гоголевскую «Шинель», и уже довольно отчетливо видится первая серия — «Акакий Акакиевич».

Эдуард Назаров, начинавший свой путь художником, сейчас знаком зрителям как создатель картин «Охота», «Жил-был пес» и «Путешествие муравьишки», наполненных юмором и добротой.

В одной из комнат студии стены увешаны рисунками, на которых шумит многолюдная Русь. Роман Давыдов, делавший «Маугли», работает над «Сказком о Евпатии Коловрате» и уже подал заявку на «Ледовое побоище».

Словом, сколько людей, столько и замыслов, планов, фильмов.

Студия «Союзмультфильм» идет к своему пятидесятилетию такая же задорная и молодая, как и много лет назад.

На развороте вкладки: Раскрасица фаз Н. Ерыкалова * Снимается фильм «Великое закрытие» из серии «38 попугаев». Художник-мультипликатор Н. Дабига * Кадры из мультфильмов * Свыше 270 картин снял старейший кинооператор заслуженный работник культуры РСФСР М. З. Друян.

Кинорежиссер Владимир Попов и народный артист РСФСР Олег Табаков * Кадры из мультфильма «Зима в Простоквашино».

ОКРЫЛЕННОСТЬ

мах Бестемьянова и Букин никогда не говорили в шутовском тоне. Они знали: за каждым жестом, за каждым элементом — совместный напряженный творческий труд, десятки вариантов, падения, ушибы, порой и слезы. Они полностью разделяли творческое кредо Тарасовой: ничего не оставлять в новом танце из арсенала прошлого!

...Восьмой сезон. 1984 год. Еще ранней весной, когда Бестемьянова и Букин финишировали на мировом чемпионате в Оттаве, в дневнике Тарасовой появилась запись: «Кармен» Бизе — Щедрина. Единый сюжетный танец...

— Мы к этому танцу шли все предыдущие годы, — говорила позднее Наталья Бестемьянова. — Мы словно созрели для воплощения на льду образов прекрасной классической музыки.

Но это не мешало им создать композицию на музыку из фильмов Чарли Чаплина, они шли и достигли своей цели в знаменитом танце «Русская ярмарка», где эффект перевоплощения, развертывания целого калейдоскопа образов достигает своей кульминации.

Как хорошо было ощутить в полной мере силу и неотразимую прелесть «Русской ярмарки» далеко от дома, на трибунах Дворца спорта в Оттаве! Зал ждал очередной дуэли между Бестемьяновой и Букиным и американцами Бламбергом и Зайбертом. Все решал произвольный танец. Уже прозвучало столько комплиментов в адрес сказочного по сюжету танца американской пары! И вот по жребию вызываю на лед Наталью и Андрея: они открывают группу сильнейших, а спустя четыре минуты все тонет в овациях зала. И уже всем ясно, что спор за «серебро» выиграли советские танцоры. Выиграла «Русская ярмарка»!

И вот новый их успех на чемпионате Европы в Гетеборге, там они достигли максимальной зрелищности — это блестяще продемонстрировал Андрей Букин в танце «Кармен», а Наталья Бестемьянова удался трепетный рассказ о драматичной судьбе испанской девушки. И все это сочеталось с удивительной, самобытной техникой скольжения. Вот почему так восхищены были этим танцем многократные чемпионы мира Джейн Торвилл и Кристофер Дин, приславшие в Гетеборг поздравительную телеграмму советским танцорам — победителям чемпионата Европы 1985 года.

А в последние два года Наталья и Андрей встретили серьезных оппонентов и у себя дома. После того, как на Олимпийских играх в Сараево они должны были оспаривать серебряные медали у Марины Климовой и Сергея Пономаренко, учеников Н. Дубовой, Наталья и Андрей уступили молодой паре золотые медали на чемпионате страны, а первенство мира завоевали в упорной борьбе с ними. Но тем убедительней была их победа.

Интеллектуальное начало, полет мысли и фантазии, дух импровизации — черты, присущие советской танцевальной школе, получили дальнейшее развитие в программах Н. Бестемьяновой и А. Букина.

А. ШЕЛУХИН

Было это восемь лет назад в Липецке. Неожиданно крупный турнир на приз профсоюзов СССР выиграла юная пара танцоров — Наталья Бестемьянова и Андрей Букин. Тогда, разумеется, никто не предполагал, что в их лице наша сборная страны по фигурному катанию обрела будущую звездную пару.

Минуло четыре года после дебюта Бестемьяновой и Букина. Они уже успели выступить на зимней Олимпиаде в Лейк-Плэсиде (были восьмыми), а в Хартфорде (США), где разыгрывалось мировое первенство 1981 года в борьбе с такими корифеями, как Ирина Моисеева и Андрей Миненков, англичане Джейн Торвилл и Кристофер Дин, американцы Джуди Бламберг и Майкл Зайберт, ученики Т. Тарасовой завоевали бронзовые медали. Судьи поставили нашим танцорам четыре оценки 5,9 за произвольную программу, где все искрилось юмором, задором, свежестью чувств.

Вот как прокомментировала успех своих питомцев Татьяна Тарасова:

— Спортивные танцы сейчас, как никогда, нуждаются в естественности, в полной непринужденности, в глубокой связи с музыкой. Поэтому я и стремлюсь, чтобы мои ученики не делали на льду ничего чуждого их темпераменту и стилю...

Вся предыдущая тренерская практика Тарасовой подтверждала этот принцип. Работая с Ириной Моисеевой и Андреем Миненковым, она предлагала им самые разные варианты программ — скажем, весь танец на музыку Бернштейна «Вестсайдская история» или на музыку Баха, Вивальди, Бетховена. И это всегда было романтично, лирично, в стиле, органичном для Моисеевой и Миненкова.

Танцевальная окрыленность Бестемьяновой и Букина рождалась отнюдь не по тренерскому капризу. Многие годы труда и поиска формировали их как ледовых художников, строгих к себе, доверяющих свои сокровенные мысли тренеру. В юмористической стенной газете «Тарасята», которую выпускали воспитанники группы Тарасовой, появлялось много шуточных стихов о тренировках, о новых танцах, но о своих програм-

Кузнец своего счастья

См. стр. 16

Но инженер-технолог цеха Леонид Равич делать это не торопился.

Евгений Александрович обратился в партбюро. Равичу обьявили строгий выговор. Предложение внедрились.

Технолог после этого Шуляка избегал. Но «отличился» еще раз, когда другой кузнец пришел с предложением. На этот раз Равич был откровенней:

— Пойдет, если меня оформишь соавтором. «Пойти» вынужден был сам Равич — и из цеха, и с завода. Добился этого Шуляк: выступил на партсобрании, в газете. Нашлись, правда, в цехе люди, которым «шум» не понравился: мол, сами бы разобрались. Да и себе ты, Александрович, вредишь. Получилось, что из-за тебя конфликт в коллективе...

Тут надо заметить, что пошел Евгений Александрович на этот конфликт сознательно. Не хотел он себя согнуть. И открыто выступил не столько против конкретного работника, нечестного на руку, сколько против деликатства и равнодушия в отношении к делу, которому сам Шуляк отдает все силы.

Знал он и то, о чем, быть может, другие не догадывались: Равич неспроста стремился «набрать очки», повыше метил — в кресло начальника технической части. Тут бы он, конечно, «развернулся». И вреда бы причинил немало. Больше. Человек, растоптавший свою совесть, будет топтать других людей, совестливых. Не первого такого пролазу Евгений Александрович встречает.

Шуляк не против карьеры вообще. Но он убежден: преуспевать за счет других преступно. К успеху надо идти, не расталкивая других. И все, чего достиг он сам, оплачено собственным трудом. А находки его ни для кого не были секретом: ни для учеников, ни для «чужих» кузнецов с заводов, которые с МАЗом соревнуются. Один из них — Александр Базыльчик с Минского тракторного, давний и сильный соперник. Но после того, как обошел его Шуляк в очередной раз, Базыльчик не выдержал:

— Да у тебя, наверное, молот получше!..

— А ты приезжай, посмотри.

Приехал Александр, заметил оригинальный лоток для подачи заготовки.

— А что, если у себя такой сделаю? Тогда держись, Женя, туго тебе придется.

— Славы, Саша, на всех хватит.

А ведь мог бы утаить свои находки. Не рисковать лаврами и премиями постоянного победителя. Наверное, кто-то и мог бы, только не Шуляк. Он же ни за одно из десятков своих рацпредложений даже положенного вознаграждения не получил. Говорит: слишком много бумажной возни с оформлением.

Шуляк не только в цехе хозяйничает. Будучи депутатом, он решает проблемы всей страны. Уж он-то знает, что именно определяет высоту человека. Иначе говоря, кто есть настоящий «молот», а кто — «наковальня».

К пониманию этого вел Евгения с первых лет работы секретарь парторганизации цеха Семен Шахрай. Да и жизнь дает уроки почти каждый день. Нагрузка у автозавода сегодня в два раза выше проектной. А штат специалистов по ремонту не увеличился. Вот и получается, что хороший кузнец полдня «перекуривает» в ожидании ремонтников. Шуляк ожидает у молота не стал. Освоил три смежные специальности: слесаря-инструментальщика, электросварщика и наладчика. Не больше четверти часа занимает у него теперь ремонт, а молот узнают в цехе по звуку — «как звоночек». Стали переходить на самообслуживание и ученики Евгения Александровича: Николай Козел, Илья Сахрай, Сергей Бобрович...

Недавно начались в цехе простои по другой причине — случались перебои с поставкой стали. Депутат Шуляк направил запрос в министерство горнорудной промышленности: почему? И получил в ответ письмо от рабочих рудника, где металл этот добывается. Среди причин называлась и такая: случается, что ваши «БелАЗы» в карьерах простаивают из-за поломок. Делайте для нас машины получше — больше металла получите... Стыдно было это читать. И поучительно: вот как в масштабе

страны мы все связаны, один от другого зависим, друг перед другом ответственны.

Положение с поставками улучшилось. Но всегда ли используется металл рачительно, по прямому назначению? Вот что волнует сейчас Евгения Александровича. Что получается: некоторые кузнецы не куют, а быстренько «лепят». Норму выполняют на 120—130 процентов. А подчас просто приписывают эти проценты. Цифры сразу попадают в бухгалтерию. Работа оплачивается как бы оптом. «Розничный» расчет потом начинается, когда бракованные детали в дело не идут, а «бумажные» на машину тоже не поставишь. Кто тут кого обманывает? Да сами себя: для подлинного выполнения плана приходится выходные прихватывать. Вот они откуда, «черные субботы». Перерасходуется металл, фонд зарплаты, и уменьшается величайшее богатство — свободное время.

Но почему за брак и очковитительство расчитываются не виновники, а все рабочие? Конечно, нужно совершенствовать систему учета труда, его качества. А еще больше нужна хозяйская сознательность рабочего человека.

Говорят, творчество начинается там, где рождается новое. Шуляк считает творчеством сознательную, осмысленную работу. Тогда, если даже работа монотонна, она все равно творческая. В этом Евгений Александрович убеждает своей трудовой биографией: когда пришел в цех, ковал две тысячи поковой шатуна за смену, теперь — четыре тысячи. И всегда без брака. Зависит это не только от наковальни и от хода молота. От отношения к делу. Вот кует Шуляк сегодня рычаг и помнит, что с помощью этой штуковины человеку под силу такая тяжесть, которую иначе не сдвинуть. Поработает он, кузнец, с душой и словно часть своей энергии передаст тому, кто в машину сядет. Никакой мистики тут нет. Есть одуховленный труд, его результат, помогающий жить и работать другим людям. И так в любом деле.

Рычагом может быть и веское слово. Евгений Александрович лучше понял это, когда стал депутатом. Часто обращаются к нему за помощью избиратели Заводского округа Минска, в основном тоже рабочие. Бывают вопросы сложные, связанные, например, с получением жилья, бывают и такие, что в два счета решили бы их, зайдя в профком или райисполком. Но часто идут и к Шуляку: он вопросы на «свой» и «чужие» не сортирует...

НЕТ В ЖИЗНИ СЧАСТЬЯ!

Мы говорим порой, особенно не задумываясь: труд любого делает человеком. Так то оно так. Однако делает ли работа счастливым? Неспроста, пожалуй, бытует и другая расхожая мудрость: труд, мол, еще не вся жизнь.

Есть в кузнечном люди, которые неплохо работают, но одно знают: отработать и получить деньги. Ну а что с деньгами делают? Один щедро тратит на спиртное. Другой набирает дом, как сундук, дефицитными вещами. Ну а кое-кто в чулок складывает.

Вот вам, так сказать, три модели «своего счастья». В психологии тех, кто дело знает да зашибает, Шуляк довольно быстро разобрался. Хватило нескольких выездов за город по выходным в компании, где Евгения называли человеком «некомпанийским» — пил мало.

Выпивкой пытаются добыть хорошее настроение, если хотите — ощущение счастья. И вроде бы без труда: опрокинул рюмку, и так хорошо на душе. А там хоть трава не расти... Но потом, потом голова разваливается и руки «вянут». Какое уж тут настроение, какая работа! Какое же это счастье, если шибает от него перегаром?..

Труднее понять тех, кто почти все свободное время тратит на поиски «фирмы», на престижную дачу. Даже дружат они, как правило, с «нужными» людьми и таких же невест (женихов) своим детям подбирают. «Счастье» свое перед соседями да товарищами выставляют — дают своим «успехом». Не

для себя живут, а напоказ. И расплачиваются за такой образ жизни не только деньгами. Лучшие годы жизни пролетают, в вещах растворяются. На подлинное счастье сил уже не остается...

Кто-то подметил, что люди могут обойтись без необходимого, чтобы приобрести лишнее, отказаться от которого никаких сил. У семьи Шуляков эти силы есть. Покупают лишь самое необходимое. Нет в их трехкомнатной квартире дорогих сервизов и гарнитуров, зато с большим вкусом подобрана библиотека.

Дачи у Шуляков тоже нет. Зачем? Ведь живут на краю города. А вот машины целых две, и — «самой лучшей марки»: велосипеды. Седлают их супруги или дети — и в лес, что неподалеку. Удовольствия-то сколько!

Ну, а что думает Шуляк о том товарище по цеху, для которого счастье не в деньгах, а в их количестве? Он копит. Брюзжит на жизнь и — копит. Из всех радостей жизни разве что «голубой леденец» телевизора себе позволяет. Расчет, видимо, простой: если счастье по каким-то причинам заплутало в стороне сегодня, то счет в банке понадобится, когда пересидим лихие времена. Но можно ли накопить счастье — деньги в банке, отложив полноценную жизнь на завтра? «Каждый час уносит частичку бытия...»

Но сказать, что лишь днем сегодняшним живет Шуляк, будет неточно. Он далеко смотрит. Для него перспектива не в том только, чтоб отковать еще сотню тысяч «МАЗов». Но без машин этих, как и без многого другого, что людьми сегодня делается, жизнь завтра лучше не станет. Будет она такой, какой мы ее сейчас откуем.

Вот ради этой цели и работает кузнец Шуляк. А заработок настоящими ценностями отоваривает. И умеет радоваться тому, что имеет. Живут так и другие рабочие-кузнецы. Их — большинство. Вот их — Анатолия Латышевича, Василия Курловича, Александра Мовчану и многих других — Шуляк считает счастливыми. И счастье это не вокруг них — в них самих. Тут и добросовестность, и личная скромность, и согласие в семьях, и щедрость душевная в отношениях с товарищами... Хорошим настроением они и других на свою «волну» настраивают. Но, главное, любо-дорого смотреть, как они работают: с азартом, с вдохновением! Кстати, почти все эти люди Шуляку друзья и союзники. Тянутся один к другому.

...Когда писались эти строчки, Евгению Александровичу исполнилось 45 лет. Почтальон приносил в дом открытки и телеграммы. «Гордись тобой!» — писали родственники и друзья. Кое-кто по привычке желал успехов в работе и счастья — в личной жизни. Пожелания добрые, искренние, только, пожалуй, не совсем точные, потому что Шуляк не делит радость на домашнюю и служебную. Очень в его жизни все с работой переплетается. И когда дело не ладится — какое тут личное счастье? Работа как бы выстроила всю его жизнь, в том числе частную.

Везучий ли он человек? В одном смысле — наверняка. Отроду везет, тянет изо всех сил через пространство своей жизни нелегкий воз производственных, общественных, семейных и прочих дел. Даже когда во время отпуска в родную деревню приезжает, он не Шуляк, если не сядет на трактор и не проложит в знакомом поле хотя бы одну борозду. Ну, а уж свое собственное определение счастья у Шуляка быть должно!..

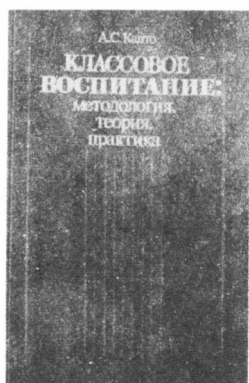
— Кажется мне, оно — как та борозда. Вдешь ее, думаешь: доеду до кромки поля, что у самого горизонта, и будет оно, счастье. Едешь-едешь, а горизонт-то отодвигается... Долго? Но спешить — людей смешить. Трудно? Значит, все как надо. Полегче стало, оглянься: может, плуг согнулся и борозда неглубокая? А раз так, надо перековывать лемеха...

На мои вопросы Евгений Александрович отвечал так, как будто они ему хорошо знакомы. Я слушал и понимал: каждый вопрос перед ним уже ставила жизнь. И на каждый он отвечает. Своей жизнью. Хотя часто ответов не получается, только вопросов прибавляется.

Ну, а не задумываться, счастлив ты или нет, — это и есть привилегия счастливых. Все время они делают то, что им нравится. Не к жизни приспосабливаются, ее к себе приспосабливают. Их хлопотами жизнь понемногу и меняется. Эти перемены прогрессом называют.

Кстати, подков на счастье Шуляк в доме не держит. Он их сам ковать может.

Классовое воспитание. К этому понятию каждый из нас, советских людей, приобщается еще в школе. Но по мере взросления и восхождения по ступенькам знаний нам все больше открываются глубина, емкость и неисчерпаемость этих слов. Уже в институте человек их воспринимает иначе, чем в школе. В процессе трудовой деятельности, непосредственного участия в строительстве нового общества теоретические знания обогащаются практическим опытом, классовое чутье обостряется, закаляется, оттачивается. Понимание классовой принадлежности становится отчетливой, ярко выраженной чертой характера.

Если этого не происходит, если чувства причастности к классу нет,

фактов и такого подхода к ним вполне достаточно, как нам кажется, для того, чтобы сказать себе: «Я имею необходимое классовое чутье», «я способен дать фактам и событиям классовую оценку»... Книга А. С. Капто предостерегает читателя от весьма вероятной опасности. А именно от того внутреннего состояния, когда человек вдруг способен заявить: я постиг грамматику классового воспитания. Но ведь нельзя забывать, что «классовость», — как пишет автор, — процесс конкретно-исторический. Возникают новые общественные явления и факторы, становящиеся не только объектом классового анализа, но и как бы ступеньками непрерывного восхождения к пониманию и постижению идеологии и целей рабочего класса.

Так было всегда. Если пристально всмотреться в страницы истории, можно с уверенностью сказать: ни одно человеческое качество не прививалось личности столь тщательно, как понимание своей социальной принадлежности. Свидетельство тому множество. Но в подтверждение своей мысли мне хочется сослаться на те доказательства, что запечатлены художественной литературой. И русской, и литературой народов, входивших в состав царской России. В повестях и пьесах, романах и поэмах мы встречаем множество героев, оказавшихся в ситуации, которая обозначалась четким выражением: «не по двору». Все эти герои, как мы убеждаемся, не сумели осуществить свои мечты и замыслы по причине определенного социального положения.

Я вспоминаю произведения укра-

ции. Но это новая генерация, преимущественно вышедшая из тех же рабочих и крестьян. Классы нашего общества строят свои отношения на дружественной и равноправной основе. Хотя, конечно же, мы понимаем, что главенствующая роль принадлежит рабочему классу. Это закономерно. Мы приняли идеологию и мораль рабочего класса. Идеологию, выражающую интересы всех слоев населения. Рабочий класс из своих лучших представителей создал партию, вооруженную теорией преобразования мира на справедливых началах.

Но если в нашем социалистическом обществе классы дружественные, а классовая рознь исчезла на всех уровнях, то не значит ли это, что отпадает необходимость в классовом воспитании? Что классовая закалка личности будет совершаться сама собой?

А может быть, правы буржуазные ученые, утверждающие, что социально-политическая структура нынешнего общества формируется не под влиянием классовых отношений, но под влиянием науки и техники?

Может, и в самом деле истина на стороне тех «объективных» социологов, которые, искажая социальные последствия НТР, заявляют, будто рабочий класс в новых условиях вытесняется «белыми воротничками» и потому предвидение К. Маркса, что с развитием капитала будет происходить

перемен приводят к тому, что эпохи как бы «сжимаются» и человеческие сообщества совершают нередко «перескок» из первобытных, полупфеодалных форм деятельности и отношений к современным видам научно-технического, социально-политического и культурного прогресса, чрезвычайно пестрого по формам и противоречивого по социальному содержанию.

Опыт прежде всего нашей партии, других коммунистических и рабочих партий подсказывает, что только на основе идеологии рабочего класса — марксизма-ленинизма — возможно формирование подлинно человеческих форм социального поведения и отношений. Живя в обществе, человек задает себе множество вопросов. Среди них такие, которых не задавать себе он просто не может. Разве мы не спрашиваем себя: что могу сделать я, обычный человек, не герой и не выдающаяся личность, в столь мощных потоках современного социального развития? Могу ли я, и как именно, влиять на ход исторических событий? Насколько судьбы мира и цивилизации зависят от активной жизненной позиции каждого из нас, в том числе и от меня лично? Как связан жизненный путь каждого человека с историческими судьбами классов, социальных групп, определяющих ход исторического процесса? Каковы, наконец, пути и условия оптимального приложе-

С ТОБОЙ, АТАКУЮЩИЙ КЛАСС!

тогда личность размывается, растворяется, деградирует. Таков закон общественного развития и становления разумного существа — человека.

Неотвратимость действия этого закона Александр Капто в своей книге «Классовое воспитание: методология, теория, практика» доказывает обстоятельной аргументацией, логикой научного анализа. Это доказательство — лейтмотив всей книги.

...Порой мы обманываемся. Принимаем ростки за зрелые плоды. На определенном этапе своей жизни мы получили известный заряд классового воспитания. Нам известна определенная сумма фактов. И то, что человеческое общество по своей природе является классовым. И то, что между классами всегда велась непримиримая борьба. Эти факты не просто отложились в нашем сознании. Они пропущены через наше сердце. Они восприняты нами с определенной нравственной окраской. Мы сочувствуем рабам Древнего Рима, выступавшим против рабовладельцев. Наши симпатии на стороне крестьян, не желавших мириться с тиранией средневековых феодалов. Мы восхищаемся исторической миссией пролетариата — могильщика буржуазии.

Такого понимания исторических

инских классиков и не могу выделить ни одно из них, в котором не нашлось бы места неравной любви. Традиционный сюжет: на пути влюбленных возникает непреодолимое препятствие — неравное социальное положение.

В общественном сознании людей, живших при царизме, прочное место занимали оценки-стереотипы: «он тебе не ровня», «ты ему не пара», «человек не нашего круга» и множество других, свидетельствующих о четком классовом расслоении и вырастающем на этой основе постоянном противоборстве.

Революция смела классовые различия и классовый антагонизм. Вместе с ними она похоронила и те унижающие человеческое достоинство отношения, которые базировались на величине движимого или недвижимого имущества.

Другие появились произведения, другие герои. Комизмом, подлинным юмором проникнуты сцены встреч двух влюбленных — героини-начальницы и героя-подчиненного в кинофильме «Служебный роман». Наблюдая, как развиваются и складываются их отношения, мы не можем допустить и мысли о том, что эти отношения могут порваться из-за разности иерархических ступенек, на которых стоят Она и Он. Мерилом оценки человека выступает не толщина его кошелька, а характер, нравственные установки. И советская литература, отражая наиболее характерные явления действительности, подтверждает это многочисленными сюжетами: часто герои отказываются от значительных материальных благ во имя высокой духовности. И кому же теперь приходится в голову мысль интересоваться родословной человека, его именитостью?

Сегодня наша классовая принадлежность обозначается коротко и четко: из рабочих, из крестьян. Правда, в условиях НТР немного возросла численность инelligen-

дальнейшая поляризация классов и классовой борьбы, не оправдывается? Подобный взгляд бытует. В некоторых научных трудах процесс формирования и воспитания нового человека изображается далеко не по-научному.

А. С. Капто подчеркивает, что у классовости есть два аспекта — внутренний и внешний. И потому в книге, с одной стороны, подробно прослеживается ведущая роль рабочего класса в утверждении этических норм и нравственных ценностей в нашем обществе. Показываются значение и результативность классового подхода к осуществлению трудового и политического, патриотического и интернационального, эстетического и атеистического воспитания. С другой стороны, постоянно подчеркивается важная задача: классовое воспитание должно помочь человеку понять с классовых позиций смысл и цели революционно-преобразовательного мира, найти свое место в этом процессе, постигнуть сложный водоворот классовой борьбы.

Современную эпоху отличают огромный динамизм и противоречивость. Научно-техническая революция, охватывая множество стран, находящихся на разном уровне социального развития, изменяет на протяжении жизни одного поколения веками сложившийся уклад и формы жизнедеятельности людей. Все ускоряющиеся темпы и ритмы общественной жизни, быстрота социальных

ния творческих сил человека? Каким должен быть сам человек, способный реализовать свою классовую сущность?

Эти вопросы активно обсуждаются в философской, публицистической, художественной литературе. О них говорят герои с экрана и со сцены. Они становятся предметом разговора в семейном кругу. Сегодня они стоят в центре острой идеологической борьбы.

Учитывая столь пристальный интерес к этим проблемам, нужно ли говорить, сколь актуальна книга Александра Капто.

Хочу только обратить внимание на одно обстоятельство. Автор книги — партийный работник. Поэтому он говорит о проблемах не только как ученый-исследователь. Вполне отчетливо просматривается тенденция: то, о чем автор пишет, неоднократно проверялось практикой. Вся книга — смысл и результат труда и деятельности автора. И может быть именно поэтому она от первой и до последней страницы пронизана особой тоналностью: ненавязчиво, но усердно призывает читателя к превращению его знаний и убеждений в практические действия. Только тогда, как бы слышим мы призыв автора, все имеет ценность. И только в этом случае человек может активно использовать свои возможности во благо обществу и самому себе.

А. С. Капто. Классовое воспитание: методология, теория, практика. М.: Политиздат 1985

А. ЧИРВА,
кандидат педагогических наук

ОБРАЗ РУССКОГО СЕВЕРА

Эта книга открывается произведениями выдающихся северных сказителей Марии Криволеновой и Марфы Крюковой. Первыми, правда, могли бы стоять имена Трофима Рябинина, Василия Щеголенка, Ирины Федосовой, с которых, по сути, и началось открытие «Исландии русского эпоса». Нет в сборнике и многих других имен, тоже имеющих самое непосредственное отношение к Русскому Северу, даже таких значительных, как С. В. Максимов, создавший одну из лучших книг о Поморье — «Год на Севере», нет и М. М. Пришвина, начинавшего свой писательский путь в краю непуганых птиц, а из наших современников — Юрия Казакова, чей «Северный дневник» как бы продолжил это открытие русской Гипербореи.

Составитель сборника Владимир Бондаренко ограничился лишь нашим двадцатым веком и только произведениями писателей — коренных северян. Перед нами — сага о родном крае. Тот Север, которому суждено было стать хранителем сокровищ русского фольклора. Именно здесь, на берегах Печоры и Лены, Онежского озера и Белого моря, П. Н. Рыбинков, А. Ф. Гильфердинг, А. Д. Григорьев, А. В. Марнов, А. М. Астахов и другие собиратели XIX и XX веков записали более трех тысяч былинных текстов, в то время как случаи записей в других районах по всей стране единичны.

Но оказалось ли все это влияние на литературу? Есть ли у северян свои «Записки охотника», ставшие своеобразной фольклорной энциклопедией средней России?

На эти вопросы тоже хотелось бы найти ответ, открывая «Поморскую сагу».

...Борис Шергин, Степан Писахов — вот первые имена, следующие после сказителей. Правда, в кратких биографических справках об этих прекрасных писателях не указано, что в 1915 году одновременно с публикацией первых рассказов Борис Шергин выступал в Москве и Петербурге вместе с Криволеновой как былинный сказитель. А это многое объясняет, поскольку и в литературе он остался сказителем, обладавшим особым даром сказовой речи, в которой уже невозможно провести грани между традициями фольклорными и литературными.

В двадцатом веке в литературе особенно ярко зазвучал тот самый язык, которым, по словам Л. Н. Толстого, «говорит народ и в котором есть звуки для выражения всего, что только может сказать поэт».

Зазвучал и в прозе, и в поэзии северян.

Не случайно после «Застольного сказа» Николая Клюева как-то по-особому воспринимаешь «Тихую мою родину» Николая Рубцова, «Храни огонь родного очага...» Ольги Фониной и многие стихи поэтов-северян.

В сборнике интересно, создавая объемную и многоцветную картину, соединяются произведения писателей разных поколений — А. Чапыгина, Ф. Абрамова, Ал. Михайлова, В. Личутина, А. Лирикова и других прозаиков.

Фольклорные традиции (стиля, мышления, языка) и тема «малой родины» — вот что объединяет сборник, действительно превращая его в «Поморскую сагу».

«Быть может», отмечает во вступительном слове Федор Абрамов, — самый большой, самый непреходящий вклад Севера в сокровищницу национальной культуры — это слово. Живое народнопоэтическое слово, в котором полнее и ярче всего запечатлелась душа северянина, его характер».

Виктор КАЛУГИН

Поморская сага. М., «Советская Россия», 1984, 560 с.

Как часто, совершая путешествие на современных реактивных лайнерах на высоте около 10 километров над Землей, мы оказываемся выше облаков, и они плавают под нами, напоминая нам огромные массы белой рыхлой ваты или ослепительно белый снег. Только очень тонкие, так называемые «перистые» облака иногда оказываются выше трасс полета реактивных самолетов. Однако есть очень редкий тип облаков, называемых «перламутровыми», которые иногда могут появляться в стратосфере на высотах около 30 километров. Выше этого уровня облаков не бывает.

И вот в одну прекрасную теплую летнюю ночь 12 июня 1885 года астроном Московской обсерватории (а в будущем ее директор) В. К. Цераский увидел в той части неба, где находилось давно зашедшее за горизонт Солнце, необычные, ярко светящиеся образования, имеющие весьма тонкую волокнистую структуру. В. К. Цераский назвал открытое им явление ночными светящимися облаками (впоследствии названные немецким ученым О. Иессе серебристыми облаками).

Увиденные В. К. Цераским серебристые облака настолько его поразили, что он продолжал наблюдать их в последующие ночи, а спустя две недели вместе с выдающимся русским астрофизиком А. А. Белопольским по наблюдениям из двух пунктов определил их высоту. Результат был поистине потрясающим — среднее из четырех определений дало высоту в

79 километров! Этот уровень, находящийся значительно выше стратосферы, по современной классификации называют мезопазузой. Там облаков быть не должно — это думали все. Не должно... но они были.

Сто лет спустя после открытия серебристых облаков, об этом прекраснейшем и столь же удивительном явлении природы? В 1964 году в Тарту при Институте астрофизики и физики атмосфер АН ЭССР был создан мировой специальный геофизический центр (во главе с Ч. И. Виллманом), который взял на себя координацию исследований серебристых облаков на сети станции Гидрометеослужбы СССР. В дальнейшем в центре разрабатывалась спутниковая аппаратура «Микрон», с помощью которой проводились исследования серебристых облаков в ближней инфракрасной области спектра с советских орбитальных станций.

Если фотографию серебристых облаков перевернуть «вверх ногами», то покажется, что вы видите изумительно красивую волнующуюся водную поверхность. Это так и есть на самом деле, ибо, наблюдая поля серебристых облаков, мы смотрим на их поверхность снизу вверх, как рыбы «смотрят» на морскую поверх-

ность, находясь под водой. Наблюдая серебристые облака, можно увидеть такие детали, как «полосы», «гребешки», «гребни» и «вихри» — все это волновые образования. Возможно, что до высоты мезопазузы поднимаются так называемые внутренние гравитационные волны. Волны от брошенного в воду камня расходятся по поверхности воды в разные стороны, хотя сама вода никогда не движется. Так же и в серебристых облаках — фазовые скорости волновых движений оказываются очень большими, до 300 метров в секунду, хотя истинные скорости движения отдельных деталей серебристых облаков не превышают, как правило, 50—60 метров в секунду.

Сто лет исследований серебристых облаков — это сто лет борьбы двух гипотез, объясняющих их природу: пылевой (метеоритной либо вулканической) и конденсационной (водяной). Первая гипотеза связывалась с тем, что появление ярких серебристых облаков в 1885 году (так думали ученые) было вызвано извержением вулкана Кракатау, происшедшим за 2 года до этого. Яркие серебристые облака наблюдались и после падения Тунгусского метеорита в 1908 году. Однако почему-то мощные извержения вулканов Мон-Пеле в 1902 году, Катмай в 1912 году не привели к появлению серебристых облаков. Согласно другой гипотезе, облака эти состояли из мельчайших кристалликов льда.

Новую эру в исследовании таинственных облаков открыли за-

особенно обширные, подробные и интересные результаты исследований серебристых облаков были получены в 1981 году летчиками-космонавтами СССР В. В. Коваленком и В. П. Савиных.

С другой стороны, американские исследователи с помощью приборов, установленных на автоматических космических аппаратах ОГО-6, СМЕ и других, обнаружили в полярных районах земного шара на высоте серебристых облаков слои повышенной яркости, которые наблюдались очень часто. Таким образом, космические наблюдения серебристых облаков расширили границы их регистрации на всю поверхность земного шара — от экватора до полюсов.

Почему же наземные наблюдения не позволили установить столь, казалось бы, очевидный факт? Тому есть ряд объективных причин. В полярных районах серебристые облака невозможно обнаружить потому, что в летнее время в высоких широтах не бывает сумерек, в это время там полярный день. К тому же эти районы практически не заселены. В экваториальных и низких широтах сумерки так коротки, что, возможно, за столь короткий промежуток времени серебристые облака не успевают достаточно развиться, чтобы могли быть обнаружены с поверхности Земли, да и сравнительно мало времени, удобного для их наблюдения. К тому же с поверхности Земли серебристые облака можно обнаружить только тогда, когда они имеют ярко выраженные неоднородности. В то

же время из космоса с «ребра» серебристые облака могут быть обнаружены и тогда, когда они образуют однородный горизонтальный слой. Наблюдениям серебристых облаков из космоса не мешают плотные слои атмосферы, а из-за того, что их можно наблюдать с «ребра», яркость серебристых облаков при наблюдении из космоса оказывается почти в сто раз выше, чем при наблюдении с Земли. Таким образом, космическая платформа — значительно более выгодное место для обнаружения и исследования даже самых слабых серебристых облаков. При наблюдении серебристых облаков из космоса с «ребра» четко видна их многослойность (двух- или даже трехъярусная структура). Однако в этом явлении еще не все ясно. Возникает проблема: где граница между слоями повышенной концентрации пылевого аэрозоля в мезопазузе и серебристыми облаками? Может быть, верны обе гипотезы образования серебристых облаков?

К столетию одного открытия

СЛОВНО ПЕРЬЯ БЕЛЫХ ЛЕБЕДЕЙ

пускали автоматических космических аппаратов и пилотируемых космических кораблей. Выйдя в космос, человек получил возможности взглянуть на Землю, а следовательно, и на серебристые облака «сверху» и увидеть их в глобальном масштабе. Одному из авторов этого очерка выпало счастье впервые наблюдать их 9 июня 1970 года с борта космического корабля «Союз-9».

Поразил их «перламутровый» блеск, огромная протяженность — от Урала до Камчатки, тонкая лапурная структура и глубина. Облака напоминали перья белых лебедей.

Совершенно неожиданные, можно сказать, революционные, результаты, существенно дополнившие наши представления о климатологии серебристых облаков, дали наблюдения экипажей второй экспедиции орбитальной станции «Салют-6», где работали петчики-космонавты СССР В. В. Коваленок, А. С. Иванченков, П. И. Климук и летчик-космонавт ПНР М. Гермашевский в июне — июле 1978 года при полете «Салюта-6» по «солнечной» орбите. Впервые были обнаружены серебристые облака в низких и экваториальных широтах, где, как считали раньше, их не должно было быть. Экипажи следующих экспедиций «Салюта-6» подтвердили это открытие.

Летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза, кандидат технических наук В. И. СЕВАСТЬЯНОВ Доктор технических наук профессор А. И. ЛАЗАРЕВ Кандидат физико-математических наук, доцент О. Б. ВАСИЛЬЕВ

1945-1985

Страницы подвига

Дорогие читатели, сегодня мы рассказываем о почте конкурса «Помнит мир спасенный», итоги которого были опубликованы в № 20 «Огонька». До конца года будем продолжать публиковать его материалы. Мы обратились к вам с просьбой поделиться с нами бесценными реликвиями и прислать фронтовые письма, фотографии из ваших семейных альбомов, рассказать историю этих снимков и познакомить с судьбой тех, кто на них изображен. «Огонек» благодарит всех, кто откликнулся на наш призыв. Прежде всего вас, дорогие ветераны.

«Меня призвали 23 июня 1941 года в Новосибирске. Прошел всю войну в артиллерии. Был ранен, контужен. Спасибо нашей знаменитой «катушке», она нам сильно помогла! Мы, сражаясь, отогнали немцев от Москвы. Сбылись слова нашего командира лейтенанта Ивана Хацаюка: «Вот разобьем фашиста, возьмем Берлин и по домам». Старший сержант, командир отделения разведки М. А. КОВЕРЗНЕВ.

«С боями мне пришлось пройти всю Белоруссию, Литву, Латвию, Восточную Пруссию. Был ранен на окраине Кенигсберга. Пришел в себя лишь на десятый день в госпитале. Здесь и встретил известие о победе. Радости было через меру». И. Г. ЧЕТВЕРИКОВ. Тамбов.

Читатели прислали дорогие реликвии военных лет: письма, дневники, военные карты, документы, а В. П. Крылов из Тульской области — тетрадь-хронику дивизии народного ополчения Москворецкого района столицы.

От Е. Е. Шуваловой из Одессы мы получили номер газеты «Вперед за Родину» от 27 февраля 1944 года. Вот что говорится в заметке «Источник силы» о ее муже, Андрее Ананьевиче Мельнике, который не вернулся с войны:

«Старшина А. Мельник один из первых ворвался в логово врага. Из его рук полетели в фашистов гранаты, разрушительной силой разрывов они рвали бандитов в клочья. Один немец бросил в храброго воина гранату. Мельник поймал ее на лету и метнул обратно в гитлеровца. Тов. Мельник дрался как лев. В бою его ранило, но он как будто не замечал своей кровоточащей раны и не ощущал боли. Так дралась все войны подразделения. Их решительным натиском враг был выбит из опорного пункта».

Болгарин Васил Винарский из села Малорад Врачанского округа прислал письмо русского летчика Тимофея Дмитриевича Мельцова.

«Это для нас дорогая реликвия. Больше сорока лет хранится она в нашей семье. Тимоша жил в нашем доме до октября 1944 года. Был он из Одессы. Кудрявый, застенчивый. Мой отец Иол, мать Нейка, брат Иван и я очень полюбили русского летчика. Если он жив, пусть откликнется».

«Выписал четыре строчки из своей боевой характеристики от 10 марта 1945 года: «В районе Поставце (Чехословакия) под воздействием артиллерийско-минометного огня противника заместитель командира батареи СУ-76 гвардии младший техник-лейтенант КОЛБАСЕНКО ЛЕВ НИКИФОРОВИЧ отремонтировал в течение 18 часов подбитую СУ-76, которая встала вполне исправной в строй».

«С того времени прошло ровно сорок лет, — продолжает Лев Никифорович, — лежит в земле Чехословакия мои боевые друзья Шмигель, Евдокимов и еще старшина Гребень, рядовой Ганусин и многие

другие. Но я сердцем чувю, еще живы, обязательно должны остаться живыми мои боевые товарищи. Откликнитесь, наш батяна Семкин, командир батареи, отзовитесь, Феюшкин и Мелешко, которого я вывез, тяжело раненного, из боя под Скалошем, сержант Купляков или заряжающий Куршев — мои дорогие ребята, мой боевой экипаж! Без вас я не могу чувствовать себя на этом свете счастливым!»

Светлана Кубечкова из Чехословакии узнала имена советских воинов, погибших недалеко от чешского города Литомержице. «Каждый год 9 Мая пионеры стоят у могилы в почетном карауле. Здесь проходят традиционные митинги. Вот уже много лет часто приходит сюда пани Влашкова, мать шестерых детей. Она старательно пропалывает траву и сажает восемь кустиков цветов. «Чтобы у каждого из русских хлопцев был свой букетик», — говорит пани Влашкова».

«Наш госпиталь находился под Кенигсбергом. Бои были очень тяжелые, мы работали не покладая рук. Когда город был взят, мы увидели пленных гитлеровцев. А потом на дороге показалась колонна без конвоя. И форма на людях была не немецкая. Это оказались французы. Красная Армия освободила их из плена, где они находились с 1940 года. Не забыть их радостных, возбужденных лиц!» — пишет В. И. Романов из Елгавы.

П. Г. Ужегов из деревни Ефремята (Пермская область) служил мотористом-дизелистом на подводной лодке Л-15, которая во время войны совершила переход с Дальнего Востока через Тихий океан, Панамский канал, Атлантику к берегам Кольского залива на Северный флот. У него сохранилась фотография — экипаж Л-15 и три офицера ВМС США. «Пусть этот снимок напомнит нашим союзникам, как мы боролись против гитлеровского фашизма».

Есть в почте и письма от тех, кто приближал победу своей работой в тылу.

«Анастасия Яковлевна Боханчик заменила ушедшего на фронт мужа. Она работала машинистом заводского крана на Нижне-Тагильском металлургическом заводе. Имя этой женщины занесено в книгу почетных ветеранов труда предприятия. Ее муж погиб, а она всю войну трудилась в мартеновском цехе, который давал металл для фронта», — пишет Г. И. РУДАКОВСКИЙ из Белоруссии.

Во время войны В. М. Русакова работала на заводе в Уфе. «Наши

моторы, — вспоминает она, — ставили на самолеты ПЕ-2, ЯК-3, ЯК-7, ЯК-9. А сколько посылок отправили на фронт! И в каждую вкладывали письма, чтобы ободрить наших воинов. Заявлялась переписки. Когда адресаты погибали, нам продолжали писать их однополчане. До сих пор храню письма с фронта. Сначала читала детям, теперь — внуку».

«Нам было по 15—16 лет, в армию нас не взяли, а послали на курсы минеров, — написали супруги ПИКАЛЕВЫ. — 5 мая 1944 года нас отправили по сельсоветам Старорусского района на разминирование минных полей. Работали весь световой день. И так до ноября 1946 года. Мы прошли, проползли со щупом в руках весь район вдоль и поперек. Бывали дни, когда группа обезвреживала по 85 мин. Из 103 человек нас осталось в живых 38, да и из них многие имели ранения, контузии».

«Мой сын, Владимир Алешин, погиб в Латвии. 20 лет я ничего не знала о нем. Его документы и орден Славы хранились в музее школы № 1 города Кореновска, где он родился. Могилу сына — камень, на котором выбито имя сына, нашли латвийские школьники. Вот уже двадцать лет я с ними переписываюсь. Мне 80 лет, я учительница-пенсионерка, болею, поехать нигде не могу. Поблагодарите учеников Вецплатонской школы за память о моем Володе», — просит А. И. Алешина из Краснодарского края.

Память о тех, кто сражался за нашу Победу. Ее свято хранят дети, внуки ветеранов. Об этом говорят письма школьников, красных следопытов.

...Львов, улица Новаковского, дом 4, квартира 2а. Это адрес восьмиклассницы Оли Фельдман. Она собирает истории сыновей полка. Мальчишки военных лет, откликнитесь, напишите Оле!

«Хочу порадовать своего старшего брата Карпова Ивана Владимировича. Здоровье у него неважное, он фронтовик, воевать пошел, когда еще семнадцати не исполнилось. Был командиром орудия в танке. Напечатайте его фотографию, где он снят у знамени части за отличные показатели в боевой и политической подготовке. Мужчины нашей семьи отслужили в рядах Советской Армии около сорока лет. Отец и двое старших братьев воевали, а мы с Виктором несли службу уже в мирное время». С. В. КАРПОВ, г. Горький.

«Мне чуть больше двадцати, о войне знаю из книг и фильмов, — пишет Марина Калмыкова из Ельца. — Хочу рассказать о своем дедушке Рязанцеве Андрее Федоровиче. На его боевом пути Дон, Курская дуга, освобождение Киева, Львова. С боями прошел всю Южную Польшу, форсировал Сан и Вислу, освобождал Варшаву и Краков, на Эльбе встретился с союзниками, расписался на рейхстаге. Я горжусь своим дедушкой и хочу быть достойной его. Мы будем бороться за мир, за счастье на нашей земле. Мы не должны забывать, какой ценой оно завоевано».

Обзор почты подготовила
Н. КРЫЛОВА.

7 мая в редакции журнала на праздничном вечере в честь 40-летия Великой Победы над фашизмом побывали победители конкурса «Помнит мир спасенный».

Редакция журнала благодарит выступивших на вечере актера Театра драмы и комедии на Таганке Дмитрия Межевича, композитора Михаила Муромова, актера ЦТСА Александра Кондрашова.

М. А. Ермаков, А. П. Исакова, А. Т. Ювков, И. К. Пех; стоят: К. И. Сустретов, В. С. Королев, Ф. М. Карпов — победители конкурса.

Фото Л. Шерстенникова

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

В прошлом тысячелетии эта улица соединяла ремесленный, рыбацкий, купеческий Подол с княжеским городом. Круто изгибаясь, шла она вверх от Почайнинской гавани на Днепре и поднималась почти на стометровую высоту Старокиевской горы, с ее теремами дружинников, княжеским дворцом и церквами. И называли ее то Боричев взвоз, то Боричев спуск. Должно быть, все зависело от высоты точки зрения.

Сейчас это Андреевский спуск — место паломничества многих киевлян и их гостей. В период подготовки к 1500-летию города тут была проделана огромная, бережная реконструкция: убраны сарайчики, заборы, очищены от хлама переулочки, а старинные здания восстановлены, обновлена древнейшая мостовая. И распахнулись днепровские дали, сказочным миражем вознеслась к небу Андреевская церковь, открытыми стали подступы к навишею рядом Замковой горе, проходы на Гончарную, Кожемячную и другие улицы, пронесшие свои названия через века.

В нынешнем году в течение трех апрельских дней на Андреевском спуске проходил поистине народный праздник изобразительного искусства. От Десятинной улицы, от стен бывшей бурсы, вдоль вала «города Владимира», на смотровых площадках днепровской кручи и до самого Подола были развешены картины художников, выставлены скульптурные работы; графики тут же могли вам на память сделать оттиск гравюры, демонстрировали свое искусство керамисты, резчики по дереву, стеклодувы, ювелиры...

Под чистым весенним солнцем десятки тысяч посетителей. Они пришли сюда как на прогулку, на экскурсию и на творческую дискуссию. Вот, освоив часть металлической ограды, развесил два-три десятка своих работ живописец. Можно их обсудить, поспорить, высказать свое мнение автору, наконец, купить понравившееся произведение. Рядом — другой художник, маститый, пристроился возле малоизвестного. Встречаются небольшие плакаты: «Вырученные от продажи деньги пойдут в фонд Всемирного фестиваля молодежи» или «...в фонд мира».

Выставка-продажа, выставка-общение проводилась как составная часть недели изобразительного искусства. Сама «неделя», посвященная 115-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина и 40-летию Великой Победы, включала в себя целый комплекс мероприятий, среди которых были встречи художников с коллективами заводов и фабрик, творческие отчеты ведущих мастеров, показ творчества художников-ветеранов Великой Отечественной.

Народный праздник искусства, каким он стал на Андреевском спуске, проводится во второй раз и, похоже, станет традиционным. Однако три дня в году маловато. Хорошо бы сделать такую выставку постоянной, во всяком случае, на летние месяцы. Сотни тысяч туристов, пройдя по старинному Боричеву взвозу — Андреевскому спуску, кроме всех прелестей неповторимого киевского пейзажа, сохранившегося неизменным за минувшие столетия, которым они смогут полюбоваться, проникнут в поэтическую душу народа. Есть тут площадка и для того, чтобы поставить кузню или гончарный круг, есть и помещения для небольших, открытых взору посетителей мастерских ювелира. Значительных затрат это не потребует, а прибыль, весьма необходимую для сохранения памятников, может дать немалую. Но главное — в самом обличье Киева появится новая, весьма привлекательная черта.

С. КАЛИНИЧЕВ

НА ДРЕ

Гравюры печатают на глазах у зрителей.

ВНЕЙ УЛИЦЕ КИЕВА

Юные художницы на натуре.

Картины висят повсюду.

Выступает самодеятельный народный ансамбль «Дмитровчанка» из села Дмитровка.

Открывая рубрику «Внимание — подросток!», в № 14 «Огонька» редакция опубликовала письма С. Зубковой «Когда по лавкам не семеро...» и Т. Кузнецовой «...Лень уже вошла в привычку», в которых рассказывалось, как по-разному подошли к трудовому воспитанию детей-ровесников в двух семьях. И вот результат: в одной семье четырнадцатилетний Максим, желая иметь собственные карманные деньги, согласен на любую, но только оплачиваемую работу, в другой — дочери оказались не приспособленными даже к легким домашним делам. Сегодня мы печатаем отклики, свидетельствующие о том, насколько заинтересованно отнеслись читатели к разговору о воспитании подростков. Письма из последней почты затрагивают круг новых проблем.

КАК ПОМОЧЬ ЧЕТЫРНАДЦАТИЛЕТНИМ

Мне 22 года. После школы был учеником слесаря, потом сдал на 4-й разряд. Отслужив в армии, вернулся на завод. Я поддерживаю Максима. В семье Зубковых не мог вырасти другой сын, потому что родители, как я понял, люди довольно обеспеченные, сумели воспитать его так, что мальчишке стыдно просить: «Дай, купи...» А то, что он хочет за свою работу деньги получить, это вполне естественно для его возраста. Если в нашу рабочую семью придет такой парень, я буду только рад. Это не Марья с Дарьей, привыкшие жили тянуть из матери. Я намного моложе соседки Т. Кузнецовой, но хочу сказать ей: «Оберегая своих девчонок правдами и неправдами даже от самого посильного труда, вы учите их только браться. И мне очень жаль, что по вашей вине они никогда не узнают, что такое большое счастье — все отдавать людям».

В. Корнилов

Иркутск.

У меня двое детей. Сыну пятнадцать, дочери десять. Мне приходится рассчитывать в основном на свой заработок, алименты получаю нерегулярно. Поэтому семейный бюджет распределяем вместе: кому что купить, сколько отложить за музыкальную школу, за квартплату, и на отдых надо подсобить деньжат. Мои друзья оберегают детей от денежных расчетов, полагают, что рано им еще общаться с презренным металлом. По-моему, они не правы. А как считать другие?

Г. Мамаева, инженер

Москва, пос. Северный.

На мой взгляд, в школе, ПТУ, вузе главное — процесс обучения. Воспитывать ребенка надо до школы. И если уж говорить о проблеме, поставленной в письме С. Зубковой, то, мне кажется, воспитание надо начать с родителей Максима, чтобы они — люди с научными степенями и без них — не платили деньги своим детям за вымытые окна и полы в собственной квартире. Их метод неприемлем.

Фенлин

Ленинград.

Мы включаемся в разговор о подростках всей семьей, она у нас немаленькая — пятеро сыновей. И наши мальчишки столкнулись с вопросом: где бы месяц-другой поработать летом? Для семейного бюджета подспорье, и им польза. Правильно ставит вопрос Зубкова, но неправильно решает его. Платить своим детям мы не собираемся. Лучше подскажите, куда обратиться здоровым парням, которым силицу некуда девать? Кто-то же занимается трудоустройством прибалтийских школьников. Мы видели, как они работают летом в столовых, кафе, убирают улицы, продают мороженое.

Семья Петуховых

Волгоград.

Я вырос в детдоме, над которым шефствовал А. Макаренко. Главным у нас был труд, труд и еще раз труд. Мы слесарничали, плотничали, работали в поле, в саду, но ни о каких деньгах не думали. Я уверен, что через случайные, хотя и трудовые заработки сегодняшней подросток жизнь не узнает.

Какой же выход? Школа должна уйти от формальных производственных программ, сделать так, чтобы старшеклассники больше находились на производстве. Мастера, передовые рабочие помогут им выбрать профессию. Только там они по-настоящему научатся ценить заработанный рубль.

М. Гречнев

Москва.

Много ли нужно родителям для счастья? Помню, переносил я мешки, не очень тяжелый, от остановки автобуса к дому. Мой старший сын узнал об этом и упрямился: «Не стыдно ли тебе, отец, тащить мешок? Почему не позвал? Разве у тебя нет сына?» И я счастлив.

М. Замтарадзе, учитель

Боржом, Грузинской ССР.

ВЕЗДЕ ОТКАЗ

Сейчас я служу в армии, мне восемнадцать, а это значит, что еще совсем недавно я сам был подростком. Может быть, поэтому хорошо понимаю Максима, который хочет работать, а его нигде не принимают. В связи с этим рассказку о том, что произошло со мной. В четырнадцать, после восьмилетки, я поступил в ГПТУ № 10 в городе Марганце. Уж очень нас в школе агитировали. Учился два года на газоэлектросварщика. После училища старался устроиться по специальности, но, увы, не тут-то было, куда ни пойду — везде отказ: на вредном производстве, говорят, до восемнадцати лет работать запрещено. Пошел слесарем, а аттестат о специальности газосварщика пылился полтора года дома.

Конечно же, повзрослев, я понял, что шестнадцатилетним нельзя доверять сварку и закон прав, запрещающий подросткам тяжелый и опасный труд. Ну, а те солидные люди, которые нас агитировали, разве правы? Знали же они, что нам сидеть почти два года без работы по специальности. Это что, для галочки, для отчета? Брат тоже собирается в ПТУ, боюсь, не повторил бы он мой несладкий опыт...

М. Базаренко, рядовой

С ГИТАРОЙ В ПОДЪЕЗДЕ

Почему у подростков в 13—14 лет начинаются конфликты в школе и дома? Причин много. Главная, я считаю, — нет контакта с родителями. Получил двойку — нагоняй в школе и дома. Куда пойти? В соседний подъезд. Можно закутить, винца выпить, никто не ругает.

Вот и в моем доме такая картина. Ребят точно магнитом притягивает именно в наш подъезд. Однажды позвала всех к себе. У нас четырехкомнатная квартира, есть где разместиться, пообщаться. Приготовила им книжки, статьи, шахматы, шашки. Разговорились не сразу, но главные, вину, хорошие ребята, стали заходить чаще. И вдруг начались нарекания от соседей: «Тебе что, больше всех надо, хочешь возиться с ними...» А дело в том, что проходит эта ватага с шумом и смехом, лифтом хлопают — мешают, одним словом. Живут в нашем подъезде учителя, работники милиции, но вместо поддержки иногда встречаю осуждение: «Опять собрание в подъезде проводят?»

Я двадцать лет проработала с детьми-дошкольниками. Дочь уже взрослая, подрастает вторая. И не могу равнодушно видеть, как многие обходят подростков стороной, особенно когда они собираются группой. Побывала в некоторых семьях. Родители тоже переживают за них, говорят мне спасибо, а за что! Ведь это мог сделать каждый.

В. Синявина

Петрозаводск.

КТО ВИНОВАТ!

В моей семье большое несчастье. Старшему сыну, Игорю, восемнадцать лет, и за это время у него третья судимость. Впервые осудили его в шестнадцать за угон машины. Отбыл год в колонии, вернулся домой — и через две недели снова угон машины и уже два года исправительных работ. В марте этого года очередной суд, который определил меру наказания — пять лет в колонии

строного режима. Судили Игоря за пьянство. Получил зарплату и пошел с другом в кафе. Пил, видимо, столько, что вместо своего дома зашел в соседний. Хулиганил, разбил веранду.

Ночи не сплю, думаю: кто виноват — я или школа?

Сначала сын учился неплохо, в девятом классе начал пропускать уроки, все стало ему неинтересно. В десятый не пошел, попал в колонию.

Раньше работала продавцом, сейчас на хлебопекарне в три смены. Практически дети большую часть времени предоставлены сами себе.

У нас в поселке и занятий нечем молодежи, нет ни одной спортивной секции. Зато есть кафе! Идет сын на работу — кафе открыто, с работы — тоже открыто. Правила отпуска спиртного никогда не соблюдаются.

Суд был не только для моего старшего, но и для меня, для матери. Когда я проглядела Игоря? А у меня и младший растет, ему только одиннадцать...

В. Илюшко

Черкасская область.

ОТ РЕДАКЦИИ: Дорогие читатели, просим написать, как решаются проблемы воспитания в вашей семье, школе, ПТУ, где растут ваши дети. Какую помощь оказывают райкомы комсомола, детские комнаты милиции! Ждем писем об энтузиастах, которые свое свободное время отдают детям, о талантливых педагогах, ждем адреса для командировок, чтобы рассказать о таких людях.

Э. Козлов. Род. 1926. ТИШИНА. 1984.

Всероссийская художественная выставка «Мир отстояли — мир сохраним».

С. Бочаров. Род. 1953. 40 ЛЕТ СПУСТЯ. ВСТРЕЧА ВЕТЕРАНОВ 46 ЖЕНСКОГО АВИАЦИОННОГО ПОЛКА. 1982—1985.

Всероссийская художественная выставка «Мир отстояли — мир сохраним».

ДОРОГИЕ ДЕВЧОНКИ

— Эту картину, — рассказывает Герой Советского Союза Евгений Андреевна Жигуленко, — я увидела впервые здесь, на выставке. Увидела и не могла сдержать слез. Очень медленно подходила к ней, чувствуя, что я снова там, на войне, среди моих дорогих девчонок. Вспоминала тяжкий труд — ведь труднее войны ничего нет на свете, и слышала треск горящих наших «этажерок» и треск кожи на теле подруг. Огонь и смерть. Да, и постоянная убежденность, что весь этот ужас войны мы преодолеем ради справедливости, а справедливость для нас тогда, как и сейчас, — это мир, весна, радость. И мы знали: так будет, мы обязательно победим. Я смотрела на полотно Сергея Бочарова «40 лет спустя» и видела нас, молодых.

Каждая, уходя в небо, знала, что могла не вернуться на землю. Так не вернулась наша Женя Крутова. А за полчаса перед вылетом она получила письмо из дома, и мы все обсуждали его и переживали вместе с ней. Писал двенадцатилетний братишка, на котором остался дом, семья, мать и трое маленьких ребят. Он и пахал, и кормил семью; но вот сестре на фронт отписал, требуя, чтобы она «определила» его на войну. Женя разволновалась, решила писать серьезное письмо и хотела, чтобы мы, все девчата, подписались под ним.

Наверное, в горящем самолете у Жени в последнюю минуту разрывалось сердце от мысли, что не успела это сделать. И я сколько раз в «горячие минуты» думала о том же: не написала маме письмо, полчаса не хватило.

Вверху на полотне, точно на старой фотографии, рядами изображены девушки в военных комбинезонах и шлемах, стоящие возле боевого самолета По-2. Их лица молоды, по-девичьи красивы и в то же время напряженны, собраны перед боевым вылетом.

А ниже — сорок лет спустя. Бывшие летчицы знаменитого 46-го гвардейского Таманского авиационного ордена Красного Знамени и ордена Суворова III степени женского полка ночных бомбардировщиков. Группами, свободно, уже «нефотографически» стоят женщины, умудренные жизнью, суровым опытом войны.

Здесь же, в зале на выставке, посвященной юбилею Победы, третьим ярусом картины — будто сошедшие с полотна его героини. Бывший заместитель командира полка по летной части, а ныне председатель совета ветеранов полка Серафима Тарасовна Амосова-Тараненко и командир звена, Герой Советского Союза, кинорежиссер студии имени М. Горького Евгений Андреевна Жигуленко. Сегодня они, вспоминая, ведут нас сквозь дантовые круги ада прошедшей войны...

Какая же счастливая была у них довоенная жизнь! Голубое небо, и по нему золотыми буквами: Гризодубова, Раскова, Оспенко. Все девушки тогда хотели летать, это было, как сказали бы сейчас, модно. Парашюты, «этажерки» — По-2, пьянящее чувство высоты, полета... Серафима уже пять лет работала гражданским пилотом на магистрали Москва — Иркутск: возила пассажиров, грузы.

— Страна нуждалась в летчиках, и гражданскому воздушному флоту поручено было создать учебные эскадрильи, — рассказывает Серафима Тарасовна. — К нам приходили ребята, которые не видели даже паровозов, и мы за год обучения вместо положенных трех лет готовили из них военных летчиков. Вот какой «моде» мы служили, четко сознавая свою ответственность перед страной; мы дрались за идеи социалистического государства, работали беззаветно, счастливые доверием, которое оказала нам Родина. Война ударила по силе, укрепила убежденность.

Я послала рапорт в Наркомат обороны с просьбой направить на фронт и, получив телеграфный вызов, тотчас вылетела в Москву.

Марина Михайловна Раскова сформировала тогда боевую женскую авиагруппу, из которой было создано три полка. За годы войны девушки нашего полка, которым командовала замечательная летчица Евдокия Давыдовна Бершанская, совершили 24 тысячи вылетов, иногда

на одну ночь приходилось по 376 вылетов. Через каждые 3—4 минуты поднимался в воздух заправленный бомбами По-2, самолет почти беззащитный, а вот поди ж ты, гитлеровцы боялись нас, называли ночными ведьмами, назначили большую награду за каждую сбитую машину. Двадцать три Героя Советского Союза воспитал наш полк.

Черноглазая красавица Руфина Гашева была штурманом, летала с командиром эскадрильи Олей Санфиоровой. Две закадычные, душевные подруги, бесстрашные, отважные девушки. Первый раз их сбили над Кубанью, перед самым праздником 1 Мая 1943 года. Они приземлились на захваченной врагом земле и три дня пробрались к своим. Вернулись — вот это была радость!

Второй раз их подбили уже в Польше, самолет сгорел близ нейтральной полосы. Выпрыгнули с парашютом, попали на заминированную полосу; Ольга наступила на пехотную мину, падая, взорвала вторую. Руфа, услышав взрыв, увидев смерть любимой подруги, впала в шок, остолбенела. Подоспели наши солдаты, унесли обеих. Руфа две недели не могла очнуться, так велико было ее горе. Едва оправившись, ринулась в полеты, в бой, воевала до конца, до Берлина.

...Милые, добрые женщины на картине. Их лица — лица эпохи, они отражают ее характер. Мы смотрим на них с восхищением и гордостью, и так же будут смотреть наши дети и внуки — как разглядываем мы сейчас музейные портреты благородных, романтических героев войны 1812 года.

Художник Сергей Бочаров задумал свое полотно на съемках фильма «Без права на провал», который ставила Евгения Андреевна Жигуленко. Молодой живописец видел, как она работает, и понял тогда многое, понял, что значит быть лично причастным к войне, к судьбе Родины. Потом, когда он увидел ее боевых подруг, собравшихся вместе в Москве по инициативе Е. Жигуленко, и они рассказывали о себе, то решил, что обязательно их напишет.

Его сын, школьник, подружившийся с летчицами, однажды воскликнул, как поклялся: вы больше не будете воевать, мы этого не допустим!

— Женщина дает жизнь на земле, но, когда у нее крадут счастье, убивают ее детей, терзают Родину, она способна на величайший подвиг, и наши девочки, юные, нежные, становились непобедимыми в боях с врагом, — говорит Евгения Андреевна. — Я женщина и должна любить жизнь, в этом мое счастье. Но если война, пожар, гибель, я должна спасать свой дом, свою Родину!

До сих пор вижу моих горящих подруг и окровавленные, отмороженные руки техников, заправляющих самолеты многотонными бомбами. О нас говорят: вы, мол, старые войны, уходящие племя. Не так это, не так. — Всем своим видом Евгения Андреевна протестует. — Не уходим мы, до сих пор сражаемся.

После войны она окончила Военно-политическую академию имени В. И. Ленина, потом, в 1977 году, режиссерскую мастерскую ВГИКа. Она и здесь нашла себя: два ее фильма — «В небе ночные ведьмы» и «Без права на провал» — о войне, пройденной ею и ее народом, — получили горячий отзыв зрителей. Сотни писем пришли к Е. А. Жигуленко от ребят и девчат: «Хотим летать, как вы, быть такими, как вы».

У Евгении Андреевны черты утонченно-вдохновенные, в них и сейчас живет та же девушка-снайпер, как звали в юности Женю, когда она уходила на фронт. Но вот глаза — зоркие и печальные — все видят и понимают все, что происходит на земле.

— Праздник Победы, — говорит она, — всколыхнул сердца миллионов честных людей, обогатил воспоминаниями о тяжелом и славном подвиге, и народ на этой крутой и горячей волне памяти полон сил, уверенности в том, что будет на земле мир, счастье, любовь.

Лидия ВАСИЛЬЕВА,
заслуженный работник культуры РСФСР

НАКАНУНЕ ЗВЕЗДНОГО ЧАСА

среди книг

Август 1917-го. Ищейки Керенского идут по следу вождя пролетарской революции В. И. Ленина. Поздно вечером Ильич покидает шалаш в Разливе. Товарищи предлагают ему переправиться в Финляндию на пароходе под видом ночегара... И вот Гельсингфорс... Повествование Сергея Есина «Письма в Петроград» охватывает короткий период — каких-нибудь два месяца, а точнее — время пребывания Ленина в Финляндии. Но как драматичен, как насыщен событиями исторического значения этот период!

И в Финляндии жизнь Ленина постоянно под угрозой, он вынужден скрываться под чужой фамилией, часто менять место жительства. Это дни напряженнейшей работы Ленина по подготовке восстания. Его письма в Петроград — директивы Центральному Комитету пар-

тии, Петроградскому и Московскому комитетам, примерный план организации восстания, призывы к восстанию. В статьях: «О компромиссах», «Один из коренных вопросов революции», «Задачи революции», «Русская революция и гражданская война», «Грозная катастрофа и как с ней бороться», «Удержат ли большевики государственную власть», в письме «Большевики должны взять власть» выдвинуты положения, имеющие программное значение для судеб революции. И, наконец, гениальный труд «Государство и революция»... Все это создано за предельно короткий отрезок времени.

Письма и статьи из Гельсингфорса в Петроград пересылаются через тайную цепочку людей, преданных делу рабочего класса. Вот об этих людях, финских революционерах, и рассказывает Сергей Есин.

Густав Ровио исполнял обязанности начальника гельсингфорсской полиции, но именно в квартире полицеймейстера и поселяется Влади-

мир Ильич. Густав Ровио, тридцатилетний рабочий-металлист, полицеймейстером стал совсем недавно — после Февральской революции, когда порядок и дисциплину в городе поддерживали рабочие комитеты. Во всяком случае, в его квартире Ленин под надежной охраной. Именно Ровио организовал связь Ильича с Петроградом. Позже Ровио расскажет: «У нас так и налажилось. По вечерам я караулил на вокзале почтовый поезд, покупал все газеты и приносил Ленину. Он немедленно прочитывал их и писал статьи до поздней ночи, а на следующий день передавал мне их для пересылки в Питер. Днем он сам себе готовил пищу».

Ленина окружают финские друзья, сообщают об опасности, укрывают от филеров: рабочие Усениус и Блумкивист, у которых ему также приходится квартировать; актер Каарло Куусела; магистр философии Карл Вийк и другие. Собственно, повесть и состоит из портретных зарисовок лиц, спящих подпольной работой. Это под-

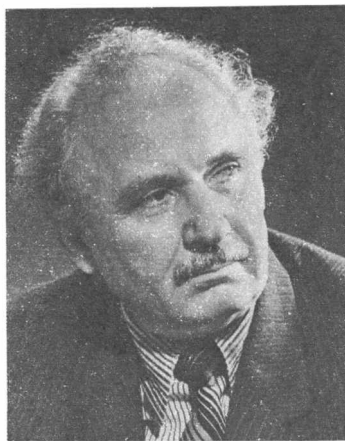
линные интернационалисты, любящие и уважающие русский народ, с нетерпением ждущие революции, которая должна принести свободу и финскому народу.

Сергею Есину присуща «мягкая» манера повествования, и это привлекает, настраивает на определенный ритм восприятия. Конечно же, «Письма в Петроград» читать интересно, делаешь открытие за открытием (например, переписка Н. К. Крупской с Л. Н. Толстым). Хочется пожелать автору расширить рамки повествования, смелее захватывая Петроград той предгрозовой поры и показывая, как проходила подготовка восстания, как обсуждались письма Ленина на заседаниях ЦК партии. И, конечно же, слишком мало места уделено писателю рассказу о том, как Ленин работал над гениальной книгой «Государство и революция», здесь был бы уместен экскурс в сущность марксистского учения о государстве.

М. КОЛЕСНИКОВ

Сергей Есин. Письма в Петроград. «Октябрь» № 11, 1984.

Иван СТАДНЮК

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

«Огонек» в №№ 50—52 за 1983 год и в №№ 1—8 за 1984 год печатал начало романа Ивана Стаднюка «Москва, 41-й». Продолжаем публикацию этого романа.

Москвы, советской контрразведке не до него, «майора Птицына», одиноко затерявшегося среди тысяч выздоравливающих раненых. Ведь он ничем не отличался от них, документы его, находившиеся в госпитальном штабе, тоже не могли вызвать сомнений... Но вот сердце... сердце не давало покоя. Оно будто знало, что действительно за «майором Птицыным» неусыпно наблюдало недремлющее око — с тех самых пор, как он, сжавшись над одним раненым, под его диктовку написал ему домой письмо и по старой привычке дважды употребил букву «ять», давно изъятую из русского языка. Именно это и дало повод советской контрразведке заинтересоваться не только Владимиром Глинским, но и Губариным, к которому зачастил «майор Птицын», «размотав» родословную разбитного дворника. Озадачивал чекистов и генерал Чумаков. И не только знакомством с Птицыным, но и хорошим знанием немецкого языка.

Да, Владимир Глинский со своей утонченной натурой и болезненной потребностью всматриваться в собственные предчувствия, вслушиваться в них, встряхивать их, как медяки на ладони, убежденно верил, что интуиция, не дающая ему покоя, — это проявление высшей способности человеческого духа, голос его providческой души, которая предупреждает об опасности и зовет к действию.

Итак, надо было на что-то решаться. По опыту других выздоравливающих раненых Владимир Глинский знал, что его, как знатока военно-инженерного дела, могут послать в какую-нибудь тыловую учебно-саперную часть. Но это не устраивало абверовца: он хотел вместе с немецкими войсками войти в Москву завоевателем или хотя бы встретить их здесь, чтобы не только почувствовать себя победителем, но

которыми сидели сержанты и старшины, выписывавшие пропуска по полученным заявкам или по телефонным распоряжениям, очереди военных к телефонам и к окошкам, теснота на скамейках вдоль стен... Опытный глаз Глинского безошибочно различал, что за люди «штурмовали» это душное помещение. Здесь и вызванные с фронта для новых назначений, и выписавшиеся из госпиталей или прибывшие из запасных частей; иные, одетые в гражданскую одежду, видимо, отобранные райвоенкоматами для отправки в войска на командно-политические должности.

Вystояв в очереди к окошку, за которым дежурный лейтенант с сонными глазами и помятым от недосыпания лицом давал справки, Глинский узнал от него, что ему следует обращаться в отдел печати к полковому комиссару Лосику, и записал номер его телефона. Он, этот таинственный Лосик, должен был и решить судьбу полиграфиста «майора Птицына». Затем опять долгое стояние в очереди — уже к телефону... Прислушиваясь к разговорам, к односторонним телефонным диалогам, Глинский, будучи натренированным разведчиком, многое запомнил — «авось пригодится», удивлялся беспечности, царившей в бюро пропусков. Здесь можно было пригоршнями черпать многие важные сведения для немецкой разведки. Или это только так казалось абверовцу? Возможно, красные командиры искусно играли в беспечность, а где-то по углам или за перегородками сидели чекисты и тайно наблюдали, не развесил ли кто-нибудь уши и не вел ли записей в блокноте?

Такая мысль как бы встряхнула Глинского, обожгла мозг, и он осторожно, с напускным безразличием оглянулся по сторонам, не догадываясь, что уязвимый и улыбчивый стар-

МОСКВА,

19

Кисть левой руки майора Птицына Владимира Юхтимовича, раздробленная осколком мины под Борисовом, наконец срослась. Правда, ее пальцы почти не сгибались, а ладонь была исполосована багровыми рубцами, затягивающимися молодой кожей под легкой бинтовой повязкой. Птицын, он же Владимир Святославович Глинский, значился в тайных «святцах» абвера под кличкой «Цезарь»; теперь он долечивался в одном из московских госпиталей. В последние дни Глинский особенно горячо, даже горячечно размышлял над тем, куда и как устремить свою судьбу дальше. Благосклонная к нему до сих пор, сейчас она стала предупреждать о грозящей ему опасности: то холодок тревоги вдруг беспричинно рождался в груди, то во сне кто-то грозно и немигающе глядел ему в самую душу; все больше ширился разлад между разумом и сердцем Владимира. Рассудок с нерушимой силой очевидности доказывал, что сейчас, когда над Москвой нависла реальная угроза вторжения в нее немцев, когда германские бомбардировщики многими десятками с разных направлений и на разных высотах стремились прорваться в небо советской столицы, а немецкие диверсанты, натренированные и обученные высшему искусству разрушения и уничтожения, тоже дено и ночью делали попытки нанести удары по военно-промышленным объектам

и иметь право на что-то большее (на что именно, он еще не знал, но с ожесточением претендовал на дележ власти, наград, привилегий или каких-то ценностей)... Проситься же в действующую армию ему не хотелось: там ждала почти верная гибель. Был у него и запасной вариант: напомнить должностным лицам, ведающим войсковыми кадрами, что у него, «майора Птицына», есть еще одна, очень нужная для фронтового тыла профессия — полиграфиста. Правда, он знал, что полиграфистами ведало управление кадров Главного политуправления Красной Армии. Следовательно, ему предстояло сменить военно-учетную специальность — стать политработником. Особых препятствий к этому не предвиделось и здесь: у него ведь был партийный билет — не поддельный, а настоящий, пусть с искусно переклеенной в абверовской лаборатории фотографией. Опытные советчики во время дружеских перекуров в госпитальном дворе то и дело с убежденностью напутствовали Глинского: «Иди, мол, в ПУ РККА, а там, основываясь на госпитальных справках, заведут на тебя новое личное дело и пошлют начальником типографии армейской, а то и фронтовой газеты». Все обдумав и взвесив, Владимир Святославович последовал этим советам...

Немало часов провел он в бюро пропусков Наркомата обороны. Просторная комната с телефонами, отгороженными друг от друга фанерными стенками, ряд окошек, за

шим лейтенант, стоявший в очереди сзади него, именно и был его личным «опекуном» из советской контрразведки. Но Глинский обратил внимание не на старшего лейтенанта, а на стоявшего у витрины с наклеенной на ней газетой «Красная звезда» майора с черными петлицами на гимнастерке и черным околышем на фуражке. Майор время от времени подергивал левым плечом, как бы рывком приподнимая его к уху. Именно по этому подергиванию Глинский мгновенно вспомнил его...

Майор разговаривал с каким-то военным — высоким, грузным, стоявшим к Глинскому спиной. Ни имени майора, ни фамилии Глинский не знал. Но будто увидел сейчас плац в Сулеювке близ Варшавы, в расположении бывшей базы разведывательно-диверсионной школы, где перед началом вторжения немецко-фашистских войск в Россию разместился оперативный штаб «Валли» ведомства адмирала Канариса. Там создавались абверкоманды и подчиненные им абвергруппы... Владимир Глинский со своей только что сформированной абвергруппой отрабатывал на плацу нехитрую операцию мгновенного откидывания бортов у русского грузовика ЗИС-5 и превращения его кузова в пулеметную площадку, защищенную от пуль выпуклыми броневыми щитами... Тогда этот «майор» с двумя немецкими офицерами подъехал к группе Глинского на «мерседесе», десяток минут понаблюдая за оживившимися занятиями, потом удовлетворенно ска-

зал Владимиру: «Отлично работаете, «Цезарь»,— и, перевернув левым плечом, сел в машину...

Так кто же он? Советский разведчик? Или, как и Глинский, заброшен вихрем обстоятельств в расположение Красной Армии и сейчас играет роль «своего» в среде советских командиров? Если же советский агент, то что ему делать здесь?..

В голове Глинского раздалось гудение от учащенно запульсировавшей крови, лицо вспыхнуло, а по всему телу разлилась вялость; так с ним бывало всегда, когда назревал момент явной опасности, а он не видел выхода.

Наконец наступила его очередь взять телефонную трубку. Стараясь не поворачиваться лицом в ту сторону, где стоял узнаваемый им человек в форме майора, Глинский, набрав номер, спросил в ответ на откликнувшийся голос неузнаваемым даже для самого себя баритоном:

— Товарищ полковой комиссар Лосик?

— Нет его,— ответил неприветливо.— У аппарата батальонный комиссар Дедюхин. Что вам?

Глинский, будто сжав в кулак свою волю, четко и размеренно объяснил Дедюхину суть своего положения и изложил просьбу.

— Полиграфисты нам требуются,— уже сговорчивее ответил батальонный комиссар.— Отправляйтесь в райвоенкомат, на территории которого расположен ваш госпиталь, там имеются соответствующие указания... Если вы окажетесь нашей номенклатурой — вас пришьют к нам.— И положил телефонную трубку.

Глинский вышел из бюро пропусков, словно из парилки. Настороженно оглянувшись по сторонам и спрятав бумажку с номером теле-

с притворной озабоченностью оглядевшись по сторонам, пересел в подземный поезд, шедший в сторону Киевского вокзала. Сам не зная зачем, он решил побывать у дома на 2-й Извозной улице, где после долгой разлуки случайно встретил в обличье дворника своего родного брата Николая и где в квартире покойного профессора военной истории Нила Романова познакомился с семьей Федора Ксенофонтовича Чумакова... Зачем он сейчас ехал туда? Ведь знал, что Ольга Васильевна и Ирина Чумаковы отправлены куда-то под Можайск строить военные укрепления; об этом ему сказал тот же случайно встреченный брат — Николай Глинский... Потом он поручил Николаю любимыми путями немедленно оказаться на захваченной немцами территории и передать для абвера его, Владимира Глинского, проект покушения на жизнь Сталина и других советских руководителей...

Что-то неудержимо тянуло Владимира на 2-ю Извозную, и он, выйдя из метро и пересев в трамвай, уже был почти убежден, что интуиция толкает его туда не зря и что вообще сейчас он должен прислушиваться к ней, как к голосу небесных сил, вера в которые укрепилась в нем еще больше с тех пор, как попал он в расположение красных и до сих пор не был разоблачен, хотя часто оказывался очень близок к этому... Хорошо, что небесные спасители на его, Глинского, стороне. Но большевиком этого не понять. Они борются против бога и утверждают, что его вообще нет. А если нет, так зачем же тогда с ним бороться? Как можно отрицать то, чего нет?.. Да, большевиком со своими догмами не проникнуть в область высшего духа и не постигнуть суть абсолюта. Посему и не дано им познать, где же именно произрастают плоды добра, а где зла, где райские кущи с гнездовьями вещей птиц, кои, паря в поднебесье, указывают верный путь не только праведникам, но и заблудшим...

Путаясь в мыслях, навеянных страхом перед разоблачением, Глинский ехал в полупустом трамвае в сторону Филей, не замечая, как из угла вагона исподтишка его касался взглядом юноша с потертым портфелем под мышкой, в полосатой рубашке с расстегнутым воротом. Это был очередной «опекун» абверовца. Сейчас юноша старался твердо запомнить внешний портрет Глинского, с тем чтобы при необходимости безошибочно передать шпиона очередному чекисту.

А Глинский, хорошо откормленный на госпитальных харчах, напоминал крепкой фигурой и всем своим ликом покинувшего из-за возраста ринг боксера, но и сейчас не чуждающегося спорта. Лицо его отливало бронзовым загаром, было грубоватым, в нижней части отяжелевшим; крупный нос прочно царствовал над тонкими губами, а выцветшие, почти незаметные брови постоянно хмурились, придавая глубоко сидящим глазам выражение настороженности и некоторого высокомерия...

Да, интуиция не подвела Глинского. Из надписи, сделанной мелом полковником Микофиным на дверях квартиры покойных Романовых, Владимир Глинский узнал, что раненый генерал Чумаков находится на излечении в первом корпусе санатория РККА, расположенного в Архангельском, на территории... бывшей дворянской усадьбы князя Юсупова!

Сначала Владимир Глинский даже не поверил, что речь идет именно о том самом Архангельском — древней подмосковной резиденции князей Юсуповых, где не раз бывали русские императоры, члены императорской фамилии, куда приезжал сам Пушкин и многие ослепительно знаменитые личности России, Франции, Англии, Италии... Не раз приезжал туда с родителями и он, тогда еще Володя (или Вольдемар) Глинский, будущий студент-юрист Петербургского университета.

Сейчас Владимир не мог точно и припомнить, в каком фамильном родстве находилась их семья с Юсуповыми. Кажется, двоюродная сестра его матери была выдана замуж за одного из отпрысков этого знаменитого княжеского рода. И Архангельское радостно теснилось в его памяти и сознании как нечто непомерно прекрасное, благородное, олицетворяющее собой и своими обитателями самую просвещенную и власть имущую часть России. Временами ему даже не верилось, что этот

прославленный и чем-то таинственный земной уголок не являлся плодом его воображения, а существовал наяву. И не только кружевной, разграфленный аллеями парк, не только прильнувшие к нему Москва-река и пруды, окаймленные зеленым ожерельем кустов, или роши и перелески, открывавшие окутанные дымчатой кисеей заречные дали, но и сами люди, жившие в дворцовых строениях, высившихся среди парка, мнились ему как божьи избранники, коим было чуждо все буднично-земное и заботы которых слагались лишь из вкушения полноты их сердца красоты и ощущения непреходящего восторга, под музыку невидимого на высоких хорах Овального дворцового зала оркестра... И он представил себе этот зал, увенчанный расписным куполом, с золотисто-желтыми коринфскими колоннами из искусственного мрамора...

Воспоминания о прошлом, о старой России нахлынули на Владимира Глинского с такой силой, что он словно потерял самого себя. Его чувства и обращенные в минувшие десятилетия мысли словно отделились от него, не мешая ему делать то, на что он решился: Владимир Глинский ехал в Архангельское...

Он сидел в кабине грузовика рядом с молодым шофером в засаленном синем комбинезоне. Шофер временами косился на перебинтованную руку Глинского. Его узкоглазое скуластое лицо выражало почтительность.

— Снаряды везешь? — спросил у него Глинский, кивнув в сторону кузова.

— Зенитные снаряды!.. Самолеты сбивать, — громко, с восточным выговором ответил шофер.

— Сам что, казах?

— Не казах. Узбек... А казахи тоже есть... Туркмены, киргизы... Чукча есть. Не автобат у нас, а большая юрта народов.

Шофер оказался болтливым. Но Глинскому разговаривать не хотелось. Он осматривался по сторонам, удивляясь, что не узнает дороги... Нет, узнал деревню Гольево! Но почему-то не увидел деревянного мостка в низине и речушки не увидел... Здесь обычно увязывались за их экипажем мальчишки и девчонки в холщовых домотканых одеяниях и истошно вопили: «Барин, барин! Кинь конхвету!..» Маман растегивала свой лакированный ридикюль, доставала оттуда заранее припасенный кулек с карамелью и бубликами и царственно расшвыривала их по обе стороны...

Гольево осталось позади, и Глинский начал размышлять над тем, зачем он в самом деле едет в Архангельское... Для чего ему нужен сейчас генерал Чумаков? Чтоб, наконец, убить, уничтожить его, как предписывалось строгим кодексом абвера каждому бывшему «аспиранту» школы Восточного направления, столкнувшемуся со старшим, а тем паче высшим командиром Красной Армии? Да, совершить этот террористический акт Владимир Глинский был обязан уже давно. Но почему же не совершил?.. Ответ ему ясен: только из-за собственной безопасности. Генерал Чумаков нужен был Глинскому живым, как главный свидетель принадлежности «майора Птицына» к командирскому корпусу Красной Армии: ведь они познакомились еще до войны, пусть только и за несколько часов до ее начала. И уже не единожды встречи с генералом Чумаковым приносили Глинскому удачи, даже дарили ему жизнь!.. Сейчас тоже зрела в нем надежда на нечто непредвиденное, нечто полезное от предстоящего свидания с Чумаковым.

Однако если б Глинский спросил себя строже, почему он так внезапно решился на эту поездку, то, возможно, и сознался бы: Архангельское, как проснувшаяся боль, вдруг позвало его кличем полузабытой юности и словно бы стоном отчаяния растоптанной простолудинной чернью России, по которой у него никогда не переставала болеть душа... Не хотелось верить, будто большевики в самом деле столь ограничены в своем духовном восприятии мира, что сказочный, почти нерукотворный дворец, его ослепительные парадные залы, салоны, кабинеты, украшенные произведениями искусства, сделавшие имена их творцов бессмертными, превратили в обыкновенные общежития — ординарный дом отдыха для начсостава РККА.

Его память и его настороженно дремавшая боль, обостренно всколыхнувшись, вдруг оглушающе прокатились в мыслях по всей его

41-й

фона полкового комиссара Лосика, торопливо зашагал в сторону метро — скорее подальше, подальше от этого опасного места. Ему мерещилось, что за ним неотрывно следят. И это было действительно так...

Странное дело: тот вездливый человек, который всегда обитал в глубинах чувств Владимира Глинского и время от времени задавал ему непростые вопросы, требуя немедленных ответов на них, в эти дни почему-то утих, притаился или совсем исчез, дав Владимиру волю поступать во всем по своему усмотрению, мыслить так, как ему мыслилось. А вот сейчас почудилось, что этот обычно иронически настроенный шептун вдруг проснулся, безмолвно заворочался в груди, будто заодно с Глинским смертельно испугался советских чекистов, которые мнились Владимиру в каждом прохожем. Золотая ариаднина нить, по убеждению Глинского, ведшая его, тайного врага Советской России, по лабиринтам трудно слагавшихся обстоятельств, теперь, кажется, оборвалась. А возможно, оборвалась раньше — еще среди огненных валов войны, в гибнущем войсковом соединении генерала Чумакова...

Мысль о Чумакове будто охладила распаленную фантазию Владимира, удиравшего сейчас подальше от бюро пропусков Наркомата обороны. Не помня, как он оказался в куда-то мчавшемся вагоне метро, Глинский на первой же остановке вышел и,

прошлой жизни начиная с малолетства. А сейчас Глинский всеми чувствами устремился в то давнее и родное Архангельское, в его дворцовый парк; деревья в парке когда-то закрывали почти все небо, но послушно расступались перед ровными аллеями, полянами, перед дворцовыми зданиями... А скульптуры, вазы, фонтаны, бюсты в сочетании с террасами, лестницами, подпорными, обвитыми зеленым плющом стенами!.. А памятник Пушкину в конце аллеи, украшенной бюстами античных богов и древних философов! Но многое уже покрывало пеленой забвения...

Грузовик стилист ход и, съехав на обочину, остановился. Глинский оглянулся по сторонам, увидел справа лес, а слева — полузабытую, проступавшую в памяти из прошлого железную ограду, за которой тоже теснились деревья — высокие и стройные сосны вперемежку с липами и тонкоствольными березами. Понял: Архангельское...

Через минуту, предъявив дежурному лейтенанту медицинской службы, стоявшему у распахнутых ворот, свою госпитальную увольнительную записку и коротко объяснившись с ним, Глинский с тоскливым холодком в груди уже шагнул в направлении дворца, узнавая и не узнавая его: стены и колонны здания были раскрашены для маскировки темно-зелеными полосами и пятнами, а шпиль над бельведером снят...

Вот и въездная арка с массивными колоннами по бокам, замыкавшая парадный двор; под ней — кованый орнамент железных ворот. По сторонам дворца тоже по два ряда мощных колоннад; они соединяли фасад дворца с флигелями, опираясь на высокие фундаменты и неся на себе переходные балконы...

Постепенно все воскресало в памяти. Даже пряный запах цветов знакомо и тревожаще дохнул в лицо с круглой клумбы, пространно пестревшей в центре двора...

Пройдя сквозь арку в приоткрытые ворота, Глинский огляделся, будто еще не веря, что все это не сон. Увидел: из торцовых дверей флигеля, что был слева от него, вышли мужчина и женщина в белых халатах. Значит, верно: госпиталь здесь... Справа, у входа во второй флигель, сидели среди колонн в плетеных креслах люди в военной форме; на них ярко белели бинты: у кого перевязана рука, у кого — лицо, нога или под растегнутой гимнастеркой грудь. Подойдя к ним, увидел, что раненые «забывают» за круглым столиком «козла» — играют в домино. Чуть помедлив, спросил:

— Будьте любезны, это первый корпус госпиталя?

На него все посмотрели с недоумением, и он со страхом подумал, что допустил какую-то непростительную ошибку.

— Главные корпуса госпиталя там, за парком, — указал рукой подполковник с округло-одутловатым лицом нездорового цвета; он зажал между коленками два костыля. — Там первый и второй...

Глинский благодарственно кивнул головой и молча зашагал к противоположной колоннаде. И тут увидел распахнутые большие стеклянные двери во дворец, из которых прерывистым ручьем вытекал поток людей в военной форме; кое на ком белели бинты... По их сосредоточенно-одухотворенным лицам, по задумчивым глазам, будто обращенным вместе с мыслями еще туда, вовнутрь дворца, Глинский понял: это экскурсия выздоравливающих раненых... Что же они могли там увидеть?.. Ведь то, старое Архангельское с его великолепными памятниками русской и мировой культуры, как ему было известно, давно перестало существовать?! Живя еще во Франции, Германии, он не раз читал в газетах о варварстве большевиков, не удержавших Эрмитаж, Третьяковку, Загорск, Архангельское... В Париже Глинский своими глазами видел несколько знакомых ему картин, вывезенных Троцким отсюда, из Архангельского (здесь в двадцатых годах помещалась его резиденция). Картины, кем-то купленные у Троцкого, перепродавались по довольно высоким ценам в богатом антикварном магазине, который имел филиалы в некоторых странах Европы. Да и само Советское государство, испытывая тяжкие трудности в годы своего становления, когда ему крайне нужна была иностранная валюта, позволяло себе выставлять на международных аукционах некоторые

уникальные, созданные в прежние века произведения живописи и скульптуры.

Позабыв, зачем он сюда приехал, Глинский будто против своей воли шагнул в направлении четырехколонного портика, к знакомым стеклянным дверям в его глубине, ведущим в вестибюль дворца...

И здесь почти все, как было — строго, торжественно и чуть таинственно. В глубоких нишах на каминах-постаменты застыли в мраморной неподвижности «Амур и Психея» и «Кастор и Поллукс» — герои древних мифов; вход в парадные залы сторожили беззлые мраморные псы, повернув головы в разные стороны... А вот и тот памятный стол с двумя кушетками по бокам... Но не видно на столе знакомой «Книги для гостей» — весьма толстой, в прочном кожаном переплете темно-серого цвета. В ней с начала прошлого века хозяева дворца предлагали самым почетным гостям оставлять на память грядущим поколениям свои автографы. Старый граф Глинский — отец Владимира — тоже имел честь дважды расписаться в «Книге для гостей», чем немало гордился и о чем нередко рассказывал в кругу близких, не забывая уточнять, что в книге запечатлены собственноручные автографы самых прославленных династий российской империи — Голицыных, Ермоловых, Васильчиковых, Сумароковых, Хитрово...

Владимир Глинский в последний приезд в Архангельское, будучи тогда студентом четвертого курса университета, благоговейно листал «Книгу для гостей», надеясь, что и ему предложат расписаться в ней. Но хозяевам почему-то не пришла в голову такая простая мысль... Зато вволю насмотрелся он на русские, французские, немецкие, английские росписи, впитывая в свою цепкую память наиболее звучные имена: «Мария и Аглаида Голенищевы-Кутузовы...», «Графиня Елисавета Вл. Шувалова...», «Петр Верещагин...», «Павел Жуковский...», «Марина и Китти Урусовы...». И опять Голицыны — Маша, Елена, Мария... Особенно запомнилась роспись императора Николая от 23 мая 1913 года; Владимир даже скопировал ее, похожую на лежащее поперек страницы рыбацкое удище с намотанной на него и провисшей от верхнего кончика до комля леской...

Воскрешая в памяти свои былые приезды в Архангельское, Владимир Глинский действительно словно вернулся в годы юности. В нем что-то упруго всколыхнулось и заняло той сладкой болью, которая похожа на пробудившуюся давнюю, недолюбленную любовь. И не только пробудилось где-то в глубинах сердца это странно волнующее чувство, но и взяло над ним власть, заставляя картинно вспыхивать в памяти все, что по ее велению вплеталось в венок прошлой жизни, в которую он возвратился на время, как в сказку или в сновидение...

Вот Владимир уже в Овальном зале. Все здесь, как и прежде, если память ему не изменяла. Нет, не изменяла память. Он с некоторой оторопью глядел на коринфские колонны и на высокие светильники между ними; поднимая лицо, увидел купол, покрытый симметрично расположенными золотистыми квадратами: они ему никогда не нравились. Зато в центре купола, в контрастно очерченном круге легко и грациозно парили на фоне блеклых облаков Амур и Психея, как бы соединяя застывшим порывом своих чувств небо и землю. А с центра купола спускался на прочном стержне-держателе трехъярусная люстра, восторгая взгляды людей невообразимо причудливым орнаментом и гнутыми подсвечниками. Покрытая позолотой люстра, особенно при зажженных свечах, была как бы сердцевинной Овального зала, являя собой олицетворение силы человеческого воображения, создавшего ее.

И что поражаало его до слез, до экстаза: Владимир не только узнавал все окружающее его здесь. Ему вспоминались, возрождались в нем и чувства, которые испытывал в те отшумевшие годы. Они, эти чувства, возвращаясь из прошлого, с дурманящей навязчивостью напоминали о себе, особенно когда вглядывался из Овального зала в оба конца анфилады. Вот и сейчас перед его взором двери и окна дворца потеряли очертания и даже будто раздвинулись, сплавив воедино живое дыхание парковых деревьев с неподвижностью жи-

ни, запечатленной на картинах и настенных росписях дворца. Да и сами картины с их небесной лазурью, с пестревшими на них быльями и легендами подчас казались его взгляду уголками парка, где вершилась причудливо-таинственная жизнь, как и мнилось, что парковые деревья, видневшиеся сквозь окна и двери, немислимы без этих залов с наполнявшим их великолепием.

Это ощущение слитности здания и зеленого половодья, окружающего его, завораживало, заставляло воспринимать пейзажи и сюжеты картин, настенных росписей как совершенство, взявшее начало там, за стеклами окон и дверей, где шумели живые деревья, где был простор аллей, полян и глубина небес над ними. Владимиру и сейчас иногда снится, что он летает среди люстр этих залов, а затем над аллеями и полянами...

Он вышел из дворца, обогнув его с левой стороны, пройдя мимо каменных львов с добрыми и глупыми мордами, и оказался на верхней террасе парка. Справа и слева над террасой густо высились лиственницы, уже молодые. Когда-то он поспорил с братом Николаем и с молодежью семейства Юсуповых — угадать с первого взгляда количество лиственниц в каждом ряду. Выиграл он, Владимир, считавший деревья заранее. Их было ровно по тридцать штук, и сейчас, скользнув взглядом по лиственницам, он отметил только, что они почти не постарели и не поредели.

Впрочем, мысль о лиственницах отвлекла его ненадолго. Он вернулся к своим чувствам, родившимся там, во дворце, не в силах разорваться в них, в своем отношении к тому, что сейчас увидел, пережил и вспомнил. Был будто бы обрадован: нашел ведь потерянное, о котором даже не мечтал, и вместе с тем огорчен, что считавшееся потерянным безвозвратно так неожиданно, легко, без всякой борьбы нашлось... И нарастающе стала зреть в нем надежда: случившееся сегодня неспроста. Вполне вероятно, что в эти исторические дни судьба, избрав именно его, намеренно позвала сюда, чтобы напомнить: грядет торжество порушенной революцией справедливости. Каждое же торжество должно иметь своих заинтересованных в нем начинщиков и пожинателей его плодов. Он же, Владимир Святославович Глинский, юрист по образованию, не только хорошо знает законы, но и умеет искусно изобретать их такими, какими они ему нужны. А тем более вряд ли скоро найдется и найдется ли вообще кто-нибудь из наследников князей Юсуповых после вторжения сюда немцев. А он, состоящий с Юсуповыми в родственных отношениях, уже здесь... Многое это сулило ему! Надо только не прозевать, не упустить, предупредить и суметь закрепить за собой права...

И уже оглянувшись вокруг, как хозяин, как властелин сего райского уголка, сохраненного судьбой лично для него. Значит, не зря с такой силой пробудилась в нем сегодня интуиция; не обманулась, следовательно, ариаднина нить в глубинах его души и разума.

В нем появилась жгучая потребность, прежде чем идти искать этот загадочный первый корпус, где лежит раненый генерал Чумаков, немедленно осмотреть всю территорию Архангельского с его парком, памятниками, церковью Михаила Архангела, Святыми воротами, Колоннадой, театром Гонзаго...

Но что это?! На постаментах, являвшихся промежуточными держателями балюстрады верхней террасы, не было ни одной скульптуры. Все они, как и те, которые сторожили боковые аллеи, как и сделанная по модели великого Микеланджело мраморная группа «Геркулес и Антей» в центре террасы, были повержены на серый песчаник площадки и дорожек, являя собой жалкое зрелище и вызывая чувство, схожее с погребальным. Возможно, потому, что тут же, на дорожках, были выкопаны ямы, а в ямы спущены деревянные ящики, которые он разглядел, когда подошел ближе. Рядом на траве лежали прочные, из толстых досок крышки для ящиков.

Глинскому все стало ясно, и он с облегчением вздохнул. Ему вспомнились рассказы о том, что подобным образом прятали здесь в землю и в подвалы дворца скульптуры в 1812 году, когда к Москве приближался Наполеон. Сейчас же делать это тем более надо — чтоб

уберечь мраморные драгоценности от осколков бомб и снарядов...

Эх, может, не следовало вспоминать об осколках! А то будто накликать бомбежку: неизвестно откуда вдруг родился вой сирены — истощный, прерывистый, больно бьющий по барабанным перепонкам. Чудилось, что даже деревья парка мелко трепещут листвою от упругой хриплости этого воя, дробят его в кронах и процеживают сквозь себя. Только великаны-лиственницы справа и слева от малой террасы, устремив в небо объемно-пушистую зелень, были безучастны к тому, что где-то близко появились бомбардировщики: ни одно дуновение ветерка не родилось в густоте их крон при сигнале воздушной тревоги.

В стороне Гольева и Павшина — деревень, находившихся в направлении Москвы, — резко и отрывисто громыкнули зенитные батареи.

— Пушкар старшего лейтенанта Васильева вступили в дело! — послышался юный, с хрипотцой голос откуда-то с нижней террасы.

— Сейчас всем дивизионом рубанут! — поддержал его кто-то другой.

И верно: из-за леса и из-за прудов, где находились деревни Глухово, Чернево и Воронки (это по другую сторону Архангельского), тоже ударили пушки, но уже протяжно, раскатисто... В небесной вышине послышались глухие и частые хлопки снарядных разрывов. Глинский, запрокинув голову, рассмотрел в голубой дымке безоблачного неба, среди этих разрывов — проворно вспыхивавших, юрких черно-серых комочков — тройку безмятежно плывших «юнкеров». И тут же со стороны Москвы беззвучно, круто набирая высоту, устремились наперехват «юнкерсам» три истребителя.

Владимир Глинский одобрительным взглядом проследил за пронзавшими небо истребителями, пожалуй, впервые не пожелав немцам успеха: ведь они угрожали Архангельскому, к которому он, граф Глинский, уже имел прямое отношение.

«Юнкеры», видимо, заметили атаку советских истребителей, потеряли свою безмятежность и резко свернули с боевого курса...

— Ага, не нравится! — опять донесся голос откуда-то снизу.

Глинскому захотелось посмотреть на тех, кто там переговаривался, хотя и догадывался: это копавшие на дорожках ямы красноармейцы (кому же еще знать фамилию командира зенитного дивизиона?). Однако взгляд его, скользнув поверх балюстрады, с которой уже были сняты мраморные вазы, задержался на двух камуфлированных зданиях, высившихся за южной границей партера — огромного, как футбольное поле, газона... Неужели так подводит память? Ведь там, кажется, был цветник с фонтаном и две крупные фигуры — Геркулеса и Флоры, за которыми, как и сейчас, виднелись в дымке заречные леса и перелески — пейзаж, почти неподвластный кисти никакого художника. А сейчас в том месте будто причадили к кромке берега и застыли на невидимой неподвижной речной глади два красавца «титаника». Нет, «титаники» — не то определение... Только дворцы, возведенные в истинно классическом стиле прошлого века: с колоннадами на высоких гранитных постаментах, с окантовкой дверей из черного мрамора, с балконами балюстрадных фасонов. Оба здания, между которыми простерлась смотровая площадка, всем своим стилем, всем величием фасадов и торцовых сторон будто утверждали, что стояли они здесь вечно, вписываясь в красоту строений всего паркового ансамбля и искусно дополняя ее.

«Так это ж новые корпуса дома отдыха, где и размещается госпиталь!» — мысленно воскликнул Владимир Глинский, хотя никак не мог поверить в их современную рукотворность.

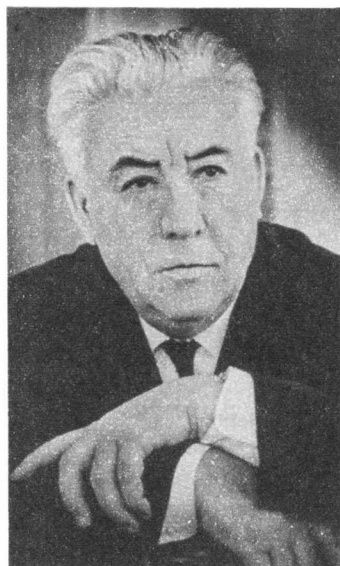
И он заторопился к ним, сойдя на левую сторону парка, чтоб пусть мимоходом, но успеть взглянуть на памятник Пушкину, на скульптуру «Скорбящего гения» и чтоб убедиться, живет ли еще рядом с ним трехстволая липа с одним корнем; он, Владимир, когда-то взбирался на нее и мастерил слабую удавку, намереваясь сыграть сцену повешения в отместку младшей из княгинь Юсуповых, не замечавшей его вздохов по ней...

Продолжение следует.

ЖЕЛАНИЕ ВЕСНЫ

Я вижу яблонь пышное цветенье
И капельки росы в сиянии луны,
Розовоцветных лепестков кружение
Над ручейками милой Ферганы...

Строки эти принадлежат народному поэту Узбекистана Уйгуну и были написаны им, когда над страной бушевала вьюга войны. В час грозных испытаний поэт напоминал людям о солнце, о майском цветении жизни, о неизбежном торжестве света над тьмой. Символично название одного из лучших стихотворений Уйгуна тех лет — «Желание весны». Оно выражает сущность всей его поэзии военной поры — жизнь неистребима, как бы ни свирепствовал враг.

Недавно одному из основоположников советской узбекской литературы исполнилось 80 лет. Звание Героя Социалистического Труда, которого он удостоен, стало признанием больших заслуг на этом пути.

Он начинал в знаменательное время: обновленная живительным дыханием Октября, национальная поэзия и проза собирали молодые, звонкие голоса. Уже тогда читатель уловил в подкупающей искренностью стихах Уйгуна лирическую нотку, ставшую затем доминирующей в его поэзии.

Тридцатые годы оказались для Уйгуна периодом упорной творческой учебы. Литературная молодежь республики осваивала классическое наследие, устное народное творчество, опыт крупнейших русских писателей. В числе других Уйгун переводит на узбекский язык произведения Пушкина, Лермонтова, Толстого, Чехова. Огромные перемены в жизни родного народа вдохновляют его на создание ярких поэтических сборников, поэм «Джан-Темир», «Ветры Украины»...

Герои Уйгуна — колхозник и строитель канала, машинист и летчик. Для автора важна не профессия, а внутренний об-

лик человека, чувства и мысли, рожденные новой жизнью. В стихотворении «Страна солнца» он воспевает смелую девушку, одну из первых парашютисток-узбечек.

...Парашют твой раскрывается.
Тебе Машет солнце золотым своим платком,
И на всем твоём подобном пути
Вьется ветер залетевшим мотыльком.

В духе фольклорной традиции поэт часто сравнивает Родину с садом, весенним лугом. Однако природа для Уйгуна не предмет созерцательного любования — она помогает донести до читателя замысел, оттенить характер лирического героя, представляя порой в аллегорической форме: «Весна мира — наша революция».

В годы войны Уйгун дебютировал как драматург. Его пьеса о великом поэте и мыслителе XV века Алишере Навои явилась одним из самых значительных произведений национальной драматургии. Впоследствии наряду с новыми циклами стихов, в том числе адресованных детям, художник продолжает работать для сцены — создает драмы и комедии, посвященные актуальным проблемам колхозного села, хлопкоробам.

Чувство времени — неотъемлемая черта многогранного творчества Уйгуна. И в поэзии, и в драматургии он стремится запечатлеть типические жизненные конфликты и ситуации, ищет образные обобщения забот и чаяний наших современников. Об этом писатель размышляет и в своих литературно-критических статьях.

Постижению правды и неисчерпаемого богатства жизни Уйгун учит литературную смену, по-прежнему сохраняя страстную увлеченность красотой мира. А значит, и молодость духа.

О. ЮСЕФОВ

«Мы педагоги. И нам хотелось бы прочитать об учителе сельской средней школы, о том, как там работают, какова роль директора».

с. Лушиново Тальменского района
Алтайского края.

Струновы».

Николай Филатов, выпускник прошлого года, механизатор в колхозе имени 50-летия СССР.

ЖИВЕТ НА СЕЛЕ ПЕДАГОГ

— Мы сегодня мотор у трактора разбирали!

— А мы вот какие скворечники сделали!

В кабинете дверь то и дело открывается и всовываются все новые и новые лица.

В сельской школе отношения между учениками и преподавателями более близкие, почти что семейные, — убежденно говорит Галина Дмитриевна Петрова, директор Сушево-Средней школы Костромского района. — Ребята бегут ко мне со своими радостями и горестями, со всеми новостями. Да, порой здесь понятие от-носительное.

И так уже почти тридцать лет. Пришла она в эту школу совсем молодой, начинающей. А до этого училась в дошкольном педучилище на Урале, потом в Кинешме. Работала в детском саду. Когда подавала заявление в педагогический институт, долго колебалась, на какой факультет идти: очень хотелось изучать литературу, историю. Но математика, ее любовь с детства, пересилила. И когда институт окончила, сама попросилась в село.

Скоро молодая учительница стала завучем, а потом директором школы. Забот сразу прибавилось: нужно было формировать педагогический коллектив. Да и школу расширять приходилось. И это стало первым серьезным испытанием.

Пожалуй, в каждой хорошей школе есть какая-то своя осо-

бинка. Здесь такая: теснейшая связь с колхозом. В селе Сушево прекрасно знают, что труд — основа становления настоящего человека. И колхоз помогал педагогам во всем, но условие поставил: активное участие учеников в строительстве. И те не подвели: возводили стены спортивного зала, котельную. А совсем недавно построили трактородром. Здесь ребята учатся водить машину, лихо гоняют ее по прямой, маневрируют.

Воспитывать трудом — это основное правило в школе и в колхозе. Здесь не жалеют сил, чтобы привить молодежи любовь к селу и к сельскому профессиям. Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР Леонид Михайлович Малков, который председательствует уже более двадцати лет, доволен, что восемьдесят процентов учеников остаются на селе, из них пятьдесят — в родном колхозе.

Ребята начинают работать уже с первого класса. Научатся держать молоток и мастерят кормушки для птиц, скворечники, грабли, ручки для инструментов. Это, конечно, мелочи, но мелочи необходимые, прививающие уважение даже к самой неумудренной работе.

А старшеклассники заняты серьезным делом — сами обрабатывают около двухсот гектаров. Производственная бригада под руководством опытных наставников выполняет весь цикл полевых работ, мастерски во-

несмешно

МОЯ БРИГАДА

Представьте себе речку, вьющуюся где-то за восемьдесят км от города. Вокруг леса. Строительные. Это строится новое садово-огородническое товарищество работников фармацевтической промышленности «Зеленочка».

Дома в «Зеленочке» растут как грибы. А грибы растут, представьте себе, по-разному. Одни за лето так вырастут, что смотреть не на что. А другие в глаза бросаются прямо с железнодорожной станции. Особенно трехэтажные. И в этом немалая заслуга, представьте себе, моей бригады.

Ах да, я, кажется, еще не представился? Игорь Петрович Пятихаткин. Инженер. Не строитель. Строительством занимается в свободные от работы время, то есть в выходные дни, библиотечные, отгульные и когда сижу на бюллетене.

Я, естественно, не один. У

дят старшенкласники тракторы и комбайны во время уборочной. Тут работа уже самая что ни на есть взрослая, ответственная — тонны картофеля в план пятилетки каждый год. И еще выращивают овощи для школьной столовой на своем участке. Текущий ремонт в школе тоже делают ученики. При таком разнообразии трудовых навыков ребятам легче будет себя найти.

— На апрельском Пленуме ЦК КПСС 1984 года было сказано, что главный труд детей — это учеба, прочное овладение основами наук. И мы всегда об этом помним, — продолжает свой рассказ Галина Дмитриевна. — В школе почти завершен переход на кабинетную систему обучения, преподаватели много работают над совершенствованием методики. Есть у нас и предметные кружки. Стараемся заинтересовать учебной всех ребят, вызвать интерес к каждому. Ведь не секрет, что ребенок может, допустим, не иметь склонностей к математике. А руки у него золотые. Вот и стараемся сделать так, чтобы вырос хороший человек, и знаниями необходимыми овладел, и чтобы уметь трудиться, и смог бы, снажем, защитить слабого.

В год сорокалетия Победы особое внимание уделяют в школе военно-патриотической подготовке молодежи. Много материалов собрали ребята по истории колхоза, о ветеранах войны и труда. Так появился в селе памятник погибшим в годы Великой Отечественной войны. Совсем по-новому взглянули ребята на прошлое, многое поняли. Поэтому так неформально прошел вечер «Этих дней не смолкнет слава», поэтому задела душу ветеранов колхоза литературная композиция: ребята читали посвященные участникам войны и труженикам тыла стихи, рассказы, пели песни. Многие в зале плакали, не стыдась слез.

Есть у Галины Дмитриевны качество, очень ценное для педагога. Она умеет увлечь, захватить своей идеей, своим примером и маленьких, и больших. Вот почему муж ее, Михаил Яковлевич, бывший строитель, окончил, уже будучи главой семьи, техникум и теперь ведет уроки труда и сельскохозяйственных машин. Старшая дочь Татьяна преподает математику в своей родной школе, а младшая, Ольга, учится на том же факультете, что окончили мать и сестра. Лишь младший, девятиклассник Владимир, еще не решил, кем будет.

...Идет по селу педагог, директор школы. И нет здесь человека, которого бы она не знала. Ведь у нее учатся уже дети и внуки ее первых учеников.

И. МИХЕЕВА

Костромская область.

ОГОНЬКОВЦЫ ВСТРЕЧАЮТСЯ С ПРОПАГАНДИСТАМИ

В столичном Дворце культуры имени М. Горького прошел семинар лекторов и политинформаторов Свердловского района г. Москвы, организованный райкомом партии. Восемьсот пропагандистов с предприятий тяжелой и легкой промышленности, работники министерств, научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро, транспорта, рабочие фабрик и заводов встретились в этот день с сотрудниками и авторами журнала «Огонек».

Семинар открыл главный редактор журнала, Герой Социалистического Труда писатель А. В. Софронов. Коротко ознакомив собравшихся с задачами и творческими планами редакции, он подчеркнул особое значение, которое придает редакция постоянной связи со своими читателями.

Тепло встретили собравшиеся известного советского писателя И. Ф. Стаднюка, автора романов «Люди не ангелы», «Война», «Москва,

41-й». Немало его произведений публиковалось на страницах «Огонька». И. Ф. Стаднюк рассказал о работе над последней своей публикацией в журнале — продолжением романа «Москва, 41-й».

Проблемам африканских стран, в частности Эфиопии, посвятил свое выступление заместитель директора Института Африки АН СССР А. М. Васильев. Своими впечатлениями от чемпионата мира по хоккею в Праге поделился спортивный обозреватель ТАСС В. А. Дворцов.

Народный художник РСФСР Б. В. Дуленков показал эскизы, рассказал о своей работе в фильмах «Тихий Дон», «Семнадцать мгновений весны» и других.

Аплодисменты вызвало появление на сцене актеров Центрального академического театра Советской Армии народного артиста СССР В. М. Зельдина и заслуженной артистки РСФСР Алины Пок-

ровской. Они исполнили отрывок из спектакля Вс. Вишневого, А. Крона, В. Азарова «Раскинулось море широко». Аккомпанировали им музыканты театра С. Комаров и С. Будкин.

С большим вниманием были встречены выступления первого заместителя главного редактора Б. А. Леонова, главного художника журнала И. В. Долгополова, редактора фотоотдела Д. Н. Бальтерманца.

Во встрече также приняли участие секретарь партбюро редакции, редактор отдела социалистических стран Н. А. Иванова, редактор международного отдела Ю. П. Попов, заведующая отделом писем и массовой работы В. М. Морозова, заведующий отделом спорта В. Я. Викторов, председатель профкома Л. Б. Станкевич.

В заключение главный редактор журнала ответил на вопросы пропагандистов, поступившие из зала.

Слушают пропагандисты.

Писатель И. Ф. Стаднюк.

Выступает А. М. Васильев.

Сцена из спектакля «Раскинулось море широко». Капитан Чижов — народный артист СССР В. Зельдин; Киса — заслуженная артистка РСФСР А. Покровская.

Фото Л. Шерстенникова

меня бригада. Непьющая, солидная публика. Сам подобрал, сам сколотил. Всех нас толкнула на эту работу нужда. Я, например, нуждаюсь в новой «Волге». Старая хоть еще и катится, но уже не смотрится. Павел Владимирович, артист драмтеатра, остро нуждается в домашнем покое. А жена его не хочет приносить искусству никаких материальных жертв и требует цистерновозную дачу с глухим забором. А как Павел Владимирович может приобрести такую дачу, если его не приглашают сниматься в кино? У доктора Нехаева единственная дочь. Заканчивает десятилетку через три года. Хочет поступать в какой-нибудь институт, а репетиторы с каждым годом набивают себе цену. Лева Поспелов не мыслит себе бархатный сезон без Черного моря и моря шампанского...

Но давайте вернемся в сред-

нюю полосу, в товарищество «Зеленочка». Там наша бригада как раз кроет крышу одному солидному швейцару одного солидного ресторана.

Надеюсь, вам не надо объяснять, что солидному швейцару солидного ресторана легко открыть двери любого садового товарищества.

Так вот, кроме мы этому швейцару крышу особой черепицей, и вдруг Лева, который не мыслит себя без моря в сентябре, октябре и ноябре, говорит, что меня внизу спрашивает какой-то тип. Заявляет, что он все может, и просится в нашу бригаду. Я спускаюсь на землю и тут же лишний раз убеждаюсь, что мир тесен! Даже за городом. Борис Христофорович Цаплин! Мой непосредственный начальник, заведующий лабораторией, светлая голова, на которой, собственно, лаборатория и держится. Да,

если б не его работоспособность... Ну, вначале, конечно, немая сцена. Потом я взял себя в руки, протянул руку шведу.

— Борис Христофорович, какими судьбами?

— Да вот, понимаешь ли, кооперативный гараж предложили, дороже квартиры...

— Понимаю. Только как же лабораторию совмещать?

— Попробую совмещать. Я ведь и плотничать могу, и с электропроводкой знаком. Возьмешь?

— Взять-то можно, только трудно вам будет. У меня ведь с дисциплиной очень строго. Чуть что — сразу бью рублем. И длинным. Опоздал — бью, норму не выполнил — бью. Выполнил плохо — бью еще больнее. Даже себя. Отправляться нельзя, перекуры — три минуты в час. Если заболел — ни-

каких справок. Освобождает только наш врач, Нехаев, я вас ему покажу. Если вы еще не передумали.

— Я постараюсь, я попытаюсь. Я ведь не умею халтурить.

— Я знаю. Попробуйте.

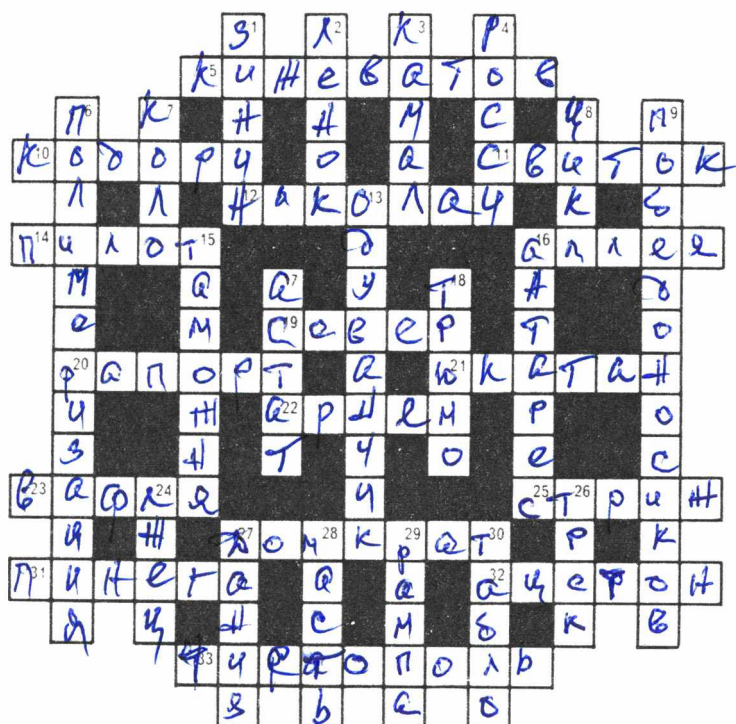
И Борис Христофорович начал пытаться совмещать.

Только ничего у него из этого не вышло. И я, глядя на Бориса Христофоровича, представьте себе, понял: человек может успешно работать на двух работах лишь в том случае, если на одной работе можно не работать.

Так что теперь Борис Христофорович успешно трудится только в моей бригаде. А наша лаборатория обходится, представьте себе, без него. Каким образом — понятия не имею. Я ведь в ней очень редко бываю.

Анатолий РАС

По горизонтали: 5. Пограничник, Герой Советского Союза, участник обороны Брестской крепости. 10. Река в Абхазии. 11. Одна из древнейших форм книги. 12. Немецкий композитор, автор оперы «Виндзорские проказницы». 14. Летчик. 16. Дорога в парке, в саду. 19. Одна из четырех стран света. 20. Устный или письменный доклад военнослужащего. 21. Полуостров в Центральной Америке. 22. Порт в Нидерландах. 23. Кондитерское изделие. 25. Небольшая быстро летающая птица. 27. Механизм для подъема груза. 31. Приток Северной Двины. 32. Растворитель в производстве ланов. 33. Город в Татарской АССР.

По вертикали: 1. Химик-органик, академик, основатель русской научной школы. 2. Пресноводная лососевая рыба. 3. Татарский народный драматург. 4. Архитектор, создавший ряд монументальных ансамблей Петербурга. 6. Метод синтеза высокомолекулярных химических соединений. 7. Массовая пляска народов Югославии. 8. Кругооборот явлений, процессов в течение определенного промежутка времени. 9. Действующее лицо пьесы В. В. Маяковского «Клоп». 13. Лекарственное травянистое растение, цветок. 15. Учреждение, контролирующее провоз грузов через границу. 16. Звезда в созвездии Скорпиона. 17. Химический радиоактивный элемент. 18. Высокое зеркало. 24. Басня И. А. Крылова. 26. Спортивное сооружение для гоночных состязаний. 27. Государство в Северной Европе. 28. Цвет шерсти у животных. 29. Барьер вдоль авансены. 30. Щит со световыми сигналами, надписями.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали: 1. «Коловерть». 8. Астахова. 9. Тесленно. 11. Колонна. 12. Калинин. 13. «Батраки». 17. Кавалерия. 19. Трофеи. 20. Фабула. 22. Егорова. 23. Кремнев. 27. Кречет. 28. Фролов. 29. Харламова. 32. Райзман. 35. «Родинна». 36. Лауреат. 37. «Известия». 38. Батальон. 39. Стрельцов.

По вертикали: 2. Лавров. 3. Роевня. 4. «Нахаленок». 5. Бабкин. 6. Чепрак. 7. Бондарчук. 10. Соколов. 14. Патронташ. 15. Миллерово. 16. Сергеев. 18. Маневры. 19. Титок. 21. Асеев. 24. Верейский. 25. Траверс. 26. Ильинична. 30. Фадеев. 31. Ковыль. 33. Калибр. 34. Нанаец.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Чемпионы мира по танцам на льду Н. Бестемьянова и А. Букин. (См. в номере материал «Открыленность».) Фото А. БОЧНИНА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Аддис-Абеба. Памятник В. И. Ленину на бульваре у штаб-квартиры Организации африканского единства * Советская автоколонна пришла на помощь голодающим * Студентка Аддис-Абебского университета * Солдат и ополченец на страже Социалистической Эфиопии * Дети Эфиопии верят в свое будущее * Райский уголок тропического сада в центре столицы у отеля «Гийон». (См. в номере материал «Трудная пора».) Фото А. ВАСИЛЬЕВА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА

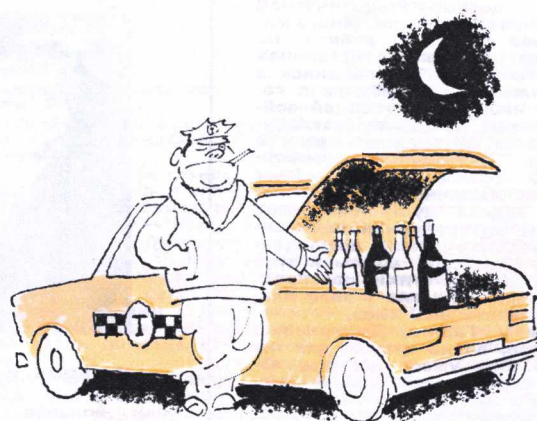
Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 04.05.85. Подписано к печати 21.05.85. А 00361. Формат 70x108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 560 000 экз. Изд. № 1312. Заказ № 617.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Вошел в штопор.

«Ночной бар».

Приняли процедуру.

Заучико

Рис. Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

— Вот теперь ты встал на ноги...

Ядовитая баранка.

Змеевик.

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663